

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Епатко Татьяна Александровна

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
«КОНЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КУБАНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Исаева Лидия Алексеевна

Краснодар – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	14
1.1 Понятие языковой картины мира; региональная языковая картина мира..	14
1.2 Фольклорно-языковая картина мира.....	18
1.3 Концепт как составная часть языковой картины мира; регионально-специфичный концепт.....	26
1.4 Фольклорный концепт.....	32
1.5 Обоснование выбора и характеристика материала исследования.....	37
1.6 Методика описания концепта КОНЬ, принятая в настоящем исследовании.....	43
1.7 Создание лексико-семантического поля вербализаторов концепта как способ описания концепта.....	47
1.8 Концептуализация как процесс и результат формирования концептов.....	50
Выводы.....	52
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛОШАДЬ В ОБЩЕРУССКОЙ ЯКМ И КОНЦЕПТА КОНЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯКМ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА.....	58
2.1 Словарная характеристика базовых репрезентантов концепта – лексем <i>лошадь</i> и <i>конь</i>	58
2.1.1 Лексическая репрезентация концепта ЛОШАДЬ в этимологических и толковых словарях русского языка.....	58
2.1.2 Словообразовательные возможности лексем <i>лошадь</i> и <i>конь</i>	67
2.1.3 Сочетаемость лексем <i>лошадь</i> и <i>конь</i> в лексикографических источниках.....	74
2.1.4 Словарная характеристика синонимов лексем <i>лошадь</i> и <i>конь</i>	83
2.2 Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта: общекультурная и региональная специфика.....	85
2.2.1 Основные принципы построения ЛСП «лошадь» и его регионального компонента «конь».....	85
2.2.2 Анализ общерусского компонента ЛСП «лошадь».....	87
2.2.3 Анализ регионального компонента ЛСП «конь».....	93
2.3 Особенности репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде.....	103
2.3.1 Характеристика ядерных элементов ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ в кубанской фразеологии.....	104
2.3.1.1 Сопоставительный анализ общерусских и кубанских фразеологических единиц, включающих компоненты <i>конь</i> и <i>лошадь</i>	104
2.3.1.2 Анализ кубанских фразеологических единиц, включающих синонимы лексем <i>конь</i> и <i>лошадь</i>	123
2.3.2 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими приядерную зону ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ.....	126

2.3.3 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими ближнюю периферию ЛСП вербализаторов концепта <i>КОНЬ</i>	127
2.3.4 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими дальнюю периферию ЛСП вербализаторов концепта <i>КОНЬ</i>	131
Выводы.....	138
ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОГО КОНЦЕПТА <i>КОНЬ</i> В КУБАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСЕН).....	144
3.1 Особенности ядерных элементов концепта <i>КОНЬ</i> в народных песнях.....	145
3.1.1 Воинские песни с базовыми репрезентантами концепта – лексемами <i>конь</i> и <i>лошадь</i>	145
3.1.2 Невоинские песни с базовыми репрезентантами концепта – лексемами <i>конь</i> и <i>лошадь</i>	169
3.1.3 Кубанские казачьи песни с синонимами лексем <i>конь</i> и <i>лошадь</i>	182
3.2 Характеристика приядерных элементов поля вербализаторов концепта <i>КОНЬ</i> в кубанских казачьих песнях.....	190
3.3 Характеристика элементов, составляющих ближнюю периферию поля вербализаторов концепта <i>КОНЬ</i> в кубанских казачьих песнях.....	191
3.4 Характеристика элементов, составляющих дальнюю периферию поля вербализаторов концепта <i>КОНЬ</i> в кубанских казачьих песнях.....	197
Выводы.....	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	214
Список литературы.....	220
Приложения.....	249

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике большое внимание уделяется реконструкции языковой картины мира, которая представляет собой совокупность знаний, отображенных в языке. Единицей описания языковой картины мира является концепт. Национально-культурный концепт может обладать региональной спецификой, то есть объединять элементы не только универсального, но и этноспецифического знания, обусловленного региональными особенностями. Региональные девиации можно выявить, исследуя лексико-фразеологическую систему диалекта, а также региональные фольклорные и авторские тексты [Атаян, 2007; Баскакова, 2012; Брысина, Супрун, 2021; Григорьева, 2010; Грязнова, 2014; Климкова, 2008; Лиханова, 2009].

Особенности языкового сознания кубанского казачества рассмотрены в работах таких лингвистов, как Л. А. Исаева и Е. В. Сафонова [2008], О. В. Кондрашова и И. В. Шельдешова [2008, 2020], И. В. Шельдешова [2004], О. Г. Борисова и Л. Ю. Костина [2008, 2020], С. В. Бурдун [2020], Е. В. Литус [2014, 2019], В. В. Калинин [2004], О. С. Финько [2008], Е. Н. Трегубова [2004, 2008], М. Ю. Беляева, Л. И. Сартаева и Е. Н. Трегубова [2021] и др. Однако до настоящего времени региональное своеобразие отдельных важных фрагментов кубанской языковой картины мира изучено не в полной мере.

Данное исследование посвящено специфике концептуализации понятия «конь» в региональной языковой картине мира кубанского казачества.

Изучение лингвокультурного концепта ЛОШАДЬ (КОНЬ) как фрагмента языковых картин мира разных народов отражено в ряде работ современных ученых [Ф. Ш. Бекмурзаева, 2021; А. Е. Божедонова, 2019; Е. Н. Булатникова, 2006; Э. С. Ганиева, 2018; Л. М. Довлеткиреева, 2019; Е. А. Иванова, 2010; Н. А. Илюхина, 2010; М. В. Пименова, А. Ш. Жилкубаева и Ф. Ш. Бекмурзаева, 2021; Т. Н. Чибиров, 2018].

Актуальность данного исследования обусловлена обращением к проблемам реконструкции фрагмента языковой картины мира кубанского казачества, что позволяет раскрыть региональные особенности языкового сознания этого субэтноса русского народа и способствует расширению наших представлений о нем.

Объект исследования – структурно-семантические характеристики концепта КОНЬ как результата концептуализации понятия «конь» в языковой картине мира кубанских казаков.

Предмет исследования – специфика понятийного, образного и ценностного компонентов концепта КОНЬ и способы репрезентации концептуальной информации о коне на регионально-культурном уровне (лексико-фразеологическая система и фольклорные песенные тексты).

Целью диссертационной работы является реконструкция структурных компонентов концепта КОНЬ и выявление их семантических особенностей в региональной языковой картине мира кубанского казачества на фоне общерусских представлений о коне / лошади.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) описать и уточнить следующие понятия: «языковая картина мира», «региональная языковая картина мира» и «фольклорно-языковая картина мира»; «общекультурный концепт», «регионально-специфичный концепт» и «фольклорный концепт»;

2) на основе методик исследования лингвокультурных концептов разработать методику анализа регионально-специфичного концепта;

3) исследовать лексико-семантическую составляющую общерусского концепта ЛОШАДЬ на материале наиболее авторитетных словарей русского языка;

4) определить региональную кубанскую специфику концепта КОНЬ на основе анализа лексико-семантического поля вербализаторов данного

концепта как фрагмента поля вербализаторов общерусского концепта ЛОШАДЬ;

5) выявить региональные особенности структурных компонентов концепта на основе сопоставительного анализа кубанских и общерусских фразеологических контекстов с элементами лексико-семантического поля вербализаторов концепта;

6) исследовать региональные особенности структурных компонентов концепта на основе анализа кубанских фольклорных песенных текстов, включающих элементы поля вербализаторов концепта;

7) смоделировать и описать структуру и содержание концепта КОНЬ в языковой картине мира кубанского казачества, определить его общерусскую лингвокультурную основу и региональную специфику.

Научная новизна диссертации заключается в том, что

– разработана методика изучения регионально-специфичного концепта, цель применения которой заключается в выявлении этноспецифических признаков понятийного, образного и ценностного компонентов национально-культурного концепта, детерминированных региональными особенностями;

– представлен первый опыт комплексного лингвистического анализа языковых средств, репрезентирующих концепт КОНЬ в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров;

– фольклорный концепт КОНЬ описан как регионально-специфичный фрагмент фольклорной картины мира на материале кубанских казачьих песен.

Материалом исследования послужили данные этимологических, толковых и некоторых других словарей русского языка, а также словарей кубанских говоров. Исследовательскую базу составили 1711 лексических единиц, выделенных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, и 503 лексические единицы, выделенные из словарей кубанских говоров [Борисова, 2018; Пелих, Андрющенко, Иванова, Иванова, 2009; Шейнина, Тарасенкова, 1992; Ткаченко, 2008; Мастепанов, 2013]; 314

фразеологических единиц, выделенных из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова, сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, и 459 фразеологических единиц, выделенных из «Фразеологического словаря говоров Кубани» В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих, «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой, словаря «Русский говор Кубани» под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой, диссертации В. П. Чалого «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру», «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова, сборника Л. Б. Мартыненко, И. В. Уваровой «Пословицы, поговорки и загадки Кубани», сборника П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота». Материал исследования включает также 518 текстов кубанских казачьих песен, содержащих элементы поля вербализаторов концепта КОНЬ и представленных в сборниках «Песни кубанских казаков» А. Д. Бигдая, «Народные песни Кубани» В. Г. Захарченко, «Народные песни казаков» Г. М. Концевича и «Песни и частушки периода Великой Отечественной войны» Л. Б. Мартыненко, И. В. Уваровой.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лингвофольклористики: уточняются понятия «региональная языковая картина мира», «общенациональный концепт с региональной спецификой (регионально-специфичный концепт)»; предлагается методика анализа регионально-специфичного концепта; дополняются знания о языковой картине мира кубанского казачества как составной части общенациональной картины мира; делаются выводы о лингвокультурной общности и региональной специфике концепта КОНЬ, значимого как для русского народа в целом, так и для кубанского казачества в частности.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке вузовских курсов по лексикологии, лингвокультурологии, диалектологии, лингвофольклористике, в организации спецкурсов и спецсеминаров по изучению кубанского фольклора, а также в преподавании школьного курса кубановедения. На полученные выводы можно опираться при изучении значимых концептов языковой картины мира кубанских казаков и других казачьих субэтносов, а также регионально-специфичных концептуализаций в картинах мира разных этносов.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили научные труды в области лингвокогнитологии [Алефиренко, 2004; Кубрякова, 2004; Маслова, 2005; Попова, Стернин 2007]; лингвокультурологии [Аглеева, 2019; Воркачев, 2005, 2007; Исаева, 2012; Карасик, 2014; 2005; Кононова, 2012; Ломоносова, 2019; Маслова, 2001; Пименова, 2004; Попова, Багронов, 2014; Слышкин, 2004; Степанов, 2004]; лексикологии и диалектологии [Апресян, 1995; Артемова, 2000; Борисова, 2018; Васильев, 1990; Караулов, 1976; Кондрашова, 1998; Мызников, 2017; Тюрин, 2017; Чарыкова, 2003]; фразеологии [Виноградов, 1977; Жолковский, 1978; Жуков, 1986; Телия, 1996; Шанский, 1996; Чалов, 1981]; лингвофольклористики [Никитина, 1993; Оссовецкий, 1975; Соколова, 2006; Хроленко, 2010; Черванева, 2003]; работы, посвященные анализу фольклорной картины мира и фольклорного концепта [Алещенко, 2008; Артеменко, 2006; Богданов, 2001; Голованова, 2016; Зиновьева, 2015; Никитина, 1991, 2000; Пименова, 2012, 2013; Рубакова, 2019; Черванева, 2009; Черноусова, 2013; Чистов, 2005; Эмер, 2010, 2011]; анализу региональной картины мира и региональной специфики лингвокультурного концепта [Атаян, 2007; Баскакова, 2012; Брысина, 2013; Григорьева, 2010; Демидова, 2014; Климкова, 2008; Лиханова, 2009; Рогожникова, 2013; Симашко, 2013; Хлыбова, 1998]; описанию особенностей текста народной песни [Алексеева, 2006; Камаев, Камаева, 2005; Карапетян, 2014; Климас, 2005; Мартыненко, 1983; Соколов, 2007; Чичеров, 1959; Щуров, 2007]; а

также работы по изучению концепта КОНЬ [Бекмурзаева, 2021; Булатникова, 2006; Илюхина, 2010].

Гипотеза исследования состоит в том, что лингвокультурный концепт КОНЬ, в основе своей общенациональный, в языковой картине мира кубанских казаков имеет структурные и содержательные региональные особенности в понятийном, образном и ценностном компонентах, что обусловлено ролью и значимостью этого животного в жизни и деятельности казака.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Общерусский лингвокультурный концепт ЛОШАДЬ характеризуется антропоцентризмом и отражает функциональный взгляд человека на это животное. В картине мира кубанского казачества данный концепт обладает региональными особенностями, что позволяет назвать его регионально-специфичным концептом, то есть вариантом национально-культурного концепта, понятийный, образный и ценностный компоненты которого обладают этноспецификой, детерминированной региональными особенностями. Региональная специфика в нем проявляется уже при выборе имени концепта: в языковой картине мира русского народа это лексема *лошадь*, в региональной языковой картине мира кубанского казачества доминирует слово *конь*, что обусловлено факторами частотности, стилистической нейтральности, семантической наполненности, предопределяющей способность к обобщению, и значимости для носителей языка. Подтверждает региональные девиации кубанского концепта и двойственность огласовки его имени: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинь* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой.

2. Методика изучения регионально-специфичного концепта, разработанная и апробированная в данной диссертации, направлена на выявление регионального своеобразия концепта и отличается от традиционных методик тем, что предполагает создание и анализ лексико-

семантического поля вербализаторов концепта, которое включает не только общерусский, но и региональный компоненты, с последующим изучением региональных фразеологических контекстов на фоне общерусской фразеологии, а также анализ региональных фольклорных песенных текстов, содержащих элементы поля вербализаторов.

3. Понятийная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ включает ряд признаков, из которых доминантными являются следующие: «рабочее животное»; «боевое животное»; «животное, способное к движению»; «лошадь вообще»; «животное, требующее ухода»; «животное для верховой езды»; «животное, являющееся частью своего/чужого мира». Кубанская региональная специфика понятийного компонента концепта КОНЬ состоит в том, что на первый план выдвигается концептуальный признак «боевое животное» (в отличие от общерусского концепта ЛОШАДЬ, ведущим концептуальным признаком которого является представление о коне/лошади как о животном, предназначенном, главным образом, для тяжёлой работы); кроме того, для кубанских казаков конь – это часть преимущественно своего, реже чужого мужского мира (в общерусской языковой картине мира на гендерном аспекте категории свойственности/чуждости внимание не акцентируется). К доминантным признакам кубанского фольклорного концепта КОНЬ относится также признак «мифологическое, сказочное животное», но не относится признак «рабочее животное».

4. Образная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ имеет общую основу и включает в себя перцептивные и метафорические признаки. Перцептивный образ коня как в общерусской, так и в кубанской казачьей картине мира вербализуется с помощью лексем, подробно описывающих визуальные признаки животного, а также издаваемые им звуки. Универсальной является метафора «конь – товарищ», но в кубанской фразеологии возникают и региональные метафорические признаки, отсутствующие в структуре общерусского

концепта: «конь – душа казака», «конь – кубанская кровь», «конь – пес», «конь – черт», подчёркивающие близость, преданность коня казаку, его первостепенную важность в жизни казака-воина, а также лихость коня и его наездника.

5. Метафорика кубанского фольклорного концепта КОНЬ в текстах народных песен значительно разветвляется. Фольклорный метафорический образ коня включает следующие концептуальные признаки: «конь – товарищ казака», «конь – брат казака», «конь – хранитель казака», «конь – предсказатель беды или удачи», «конь – вестник гибели казака», «конь – стрела», «конь – розбышака», «конь – отрада казака», «конь – пчелка», «конь – лев», «кони – орлы», «конь – брат орла», «конь – вихрь», «конь – облака». Образный компонент фольклорного концепта КОНЬ включает также знаковые для фольклорно-языковой картины мира кубанских казаков символические смыслы: конь – это символ казака-воина, казака-героя, казака-жениха; кони – это символ богатства.

6. Ценностный компонент концепта включает в себя актуальность и оценочность. Общекультурный концепт ЛОШАДЬ – один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. На это указывает значительное число вербализаторов (1711 единиц) в общерусской составляющей лексико-семантического поля концепта, его высокая номинативная плотность, а также метафорическая диффузность. При этом в восприятии носителей русского языка слово *лошадь* имеет как положительные, так и отрицательные коннотации, а наименование *конь* – в основном положительные.

В картине мира кубанского казачества концепт КОНЬ является одной из базовых ценностных констант. Степень актуальности, ценностной и коммуникативной значимости концепта в региональной картине мира высокая, о чем свидетельствует, во-первых, значительный количественный состав вербализаторов (503 лексических единицы) в региональном фрагменте исследуемого лексико-семантического поля; во-вторых, приращение

номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составляющее 37 лексических единиц; в-третьих, активное использование ассоциативного потенциала репрезентантов концепта КОНЬ для именовании других объектов и явлений действительности и, как следствие, наличие кубанских оригинальных метафор. Кроме того, лексема *конь* нередко является лексической доминантой, организующей текст казачьей песни. В кубанской казачьей картине мира и конь, и лошадь оцениваются преимущественно положительно; в фольклорном сознании присутствуют только позитивные оценки коня и лошади, что передается с помощью эпитетов, уменьшительно-ласкательных суффиксов, метафор.

Ведущим **методом исследования**, который был использован в работе, является метод концептуального анализа, который опирается на исследовательские приемы выявления семного состава базовых репрезентантов концепта; анализ лексической сочетаемости данных репрезентантов, проводимый на лексикографическом материале; анализ таких лексических парадигм, вербализующих концепт, как синонимический ряд и лексико-семантическое поле имени концепта, деривационные гнезда основных репрезентантов концепта. Применялись также метод сплошной выборки относительно словарей, сборников поговорок, сборников народных песен, метод систематизации и количественной обработки отобранного материала, метод контекстологического анализа. В работе использован и метод моделирования, предполагающий представление содержания концепта КОНЬ в виде структуры, которая включает понятийный, образный и ценностный компоненты.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в десяти публикациях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК РФ.

Доклады по теме работы были представлены на всероссийских и международных конференциях: «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2015),

«Перспективы развития современных гуманитарных наук» (Воронеж, 2016), «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны» (Санкт-Петербург, 2017), «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 2017), «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2018), «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 2020), «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2020).

Структура и объем диссертационной работы обусловлены целью и задачами исследования. Общий объем диссертации – 267 страниц. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. В основной части работы приводится 21 таблица.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Понятие языковой картины мира; региональная языковая картина мира

Картина мира – одно из центральных понятий, определяющих особенности взаимоотношений человека с окружающей его реальностью. По мнению таких учёных, как Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, мышление и язык – это самостоятельные, но тесно связанные между собой области. В соответствии с этим исследователи различают две картины мира: концептуальную и языковую [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 6].

Концептуальная картина мира – это «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения этноса, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности народа» [Черванева, 2003, с. 5]. Е. С. Кубрякова отмечает, что элементами такой картины мира являются «концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т.п., некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом» [Кубрякова, 1988, с. 141].

Поскольку картина мира – это результат переработки информации о человеке и мире, «наша концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта» [Маслова, 2001, с. 64]. В языке человек фиксирует результаты познания объективного мира. Совокупность этих знаний, запечатлённых в языковой форме, представляет собой **языковую картину мира (ЯКМ)** [Там же].

Так как познавать мир и самого себя человек может благодаря языку, ЯКМ является первичной по отношению к специальным картинам мира (химической, физической и др.) [Там же, с. 65]. Языковую картину мира, в которой воплотился «наивный» образ действительности, учёные называют

наивной картиной мира, формирующейся в ответ на практические потребности человека [Маслова, 2001, с. 68; Черванева, 2004, с. 8].

ЯКМ означает основные элементы концептуальной картины мира и эксплицирует их средствами языка. Формируя ЯКМ, язык отображает действительность знаковым способом: ЯКМ включает в себя слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 6].

Каждый конкретный язык формирует национальную, самобытную картину мира его носителей. Истоки специфики национальной ЯКМ В. А. Маслова видит в особенностях языка, в котором закрепляется как общечеловеческий, так и национальный общественно-исторический опыт. При этом она подчёркивает важность разграничения универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных ЯКМ [Маслова, 2001, с. 68-70].

Основными функциями и концептуальной, и языковой картин мира являются «интерпретативная (осуществлять видение мира)» и «регулятивная (служить ориентиром в мире функции)» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 25]. ЯКМ формирует тип отношения человека к миру и к самому себе, определяет нормы поведения человека в мире, так как транслируемая ею коллективная философия «навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Маслова, 2001, с. 65]. Кроме того, ЯКМ выполняет функции именованности, экспликации, идентификации, социализации и другие [Климкова, 2008, с. 12].

Таким образом, ЯКМ представляет собой весь комплекс как универсальных, так и национально-специфичных представлений человека о мире, выраженных в языке.

ЯКМ не только полифункциональна, но и поликомпонентна: она вбирает в себя различные формы существования языка народа. Принимая общенациональную ЯКМ за инвариант, Л. А. Климкова выделяет частные ЯКМ, которые являются фрагментами общенациональной: диалектную ЯКМ

и региональную ЯКМ. Под диалектной ЯКМ она понимает «диалектный язык как средство вербализации ККМ, объединяющий в себе частные диалектные системы (ЧДС) различного объема» [Там же]. Диалектная ЯКМ, таким образом, представляет собой макросистему, включающую в себя объединения частных диалектных систем, которые исследователь называет **региональными ЯКМ** (РЯКМ). Региональная ЯКМ имеет свою специфику в отражении мира, обусловленную условиями проживания, ценностными установками людей, а также характерными чертами региона как историко-культурной зоны [Там же, с. 13]. Выявить эту национально-культурную специфику можно «посредством анализа фраземики, тропов и фигур, лакун и безэквивалентных единиц, которые, хотя и являются универсальными формами, в каждом диалекте часто имеют оригинальное наполнение» [Григорьева, 2010, с. 9].

Л. А. Климкова указывает на то, что РЯКМ можно понимать и более широко, если допустить, что региональная КМ вербализуется не только в диалекте, но и в литературном языке, просторении, жаргонах [Климкова, 2008, с. 13].

На неоднородность, многокомпонентность РЯКМ указывает и В. А. Атаян, занимающаяся исследованием современной региональной картины мира народов Северного Кавказа. Но она несколько иначе представляет себе соотношение компонентов данной КМ: в современной региональной ЯКМ исследователь выделяет ядерную зону, основанную на общенациональном литературном языке, и периферию, характерную для данного региона, – так называемый региональный компонент. Остаточные диалектные явления, жаргонные образования и этнические региональные заимствования В. А. Атаян относит к региональному компоненту, то есть к периферии региональной ЯКМ. Кроме того, исследователь выделяет в РЯКМ план содержания и план выражения [Атаян, 2007]. Содержание ЯКМ любого поликультурного региона (каким является и Кубань) «можно охарактеризовать как многослойное динамическое состояние сознания как

индивидуального носителя языка, так и языковых сообществ разной степени сложности, отражающееся в стратегии и тактике речевого поведения. Выражение ЯКМ происходит в виде устного и письменного текста различных стилей, жанров и речевых форм» [Там же].

В. П. Баскакова также указывает на то, что РЯКМ может воплощаться не только в диалектных единицах, но и в художественных текстах региональных авторов. Данные тексты должны обладать региональными чертами и восприниматься жителями региона как часть культуры края [Баскакова, 2012, с. 169-170].

Итак, в широком смысле региональная ЯКМ представляет собой поликомпонентное образование, включающее диалектный, литературный, просторечный, жаргонный компоненты и представленное как в устных, так и в письменных текстах.

Другие учёные, отмечая наличие региональной картины мира [Лиханова, 2009, с. 171; Хлыбова, 1998, с. 7] или языковой картины мира в региональном аспекте [Григоренко, 2008, с. 49], не выделяют диалектную ЯКМ как особый компонент общенациональной ЯКМ, а региональную ЯКМ понимают более узко. Исследователи считают, что способом отображения региональной картины мира является диалект: «Знания о региональной картине мира могут быть получены именно через осмысление диалектного материала как культурно-исторического фактора, отраженного в языковой личности» [Лиханова, 2009, с. 171]. Т. А. Сироткина, говоря о РЯКМ, использует термин «локальная картина мира», понимая её как отражение языкового сознания носителей определённой локальной культуры, носителей диалекта [Сироткина, 2008, с. 117]. Е. В. Брысина и Н. А. Григорьева выделяют диалектную картину мира, под которой они понимают этническое сознание, систему ценностей носителей языка (определённой культурно-исторической общности, субэтноса), опосредованным образом зафиксированную и отражённую в народной речи, в диалекте [Брысина, 2012, с. 53; Григорьева, 2010, с. 3], то есть термин «диалектная картина мира» в

том значении, в каком понимают его эти учёные, синонимичен термину «региональная картина мира» в узком смысле.

Учитывая различные точки зрения учёных на РЯКМ, определим своё толкование этого термина. В настоящем исследовании под региональной ЯКМ мы понимаем совокупность зафиксированных в единицах территориального диалекта и региональных фольклорных текстах представлений о действительности носителей данного диалекта, объединённых территориально, культурно, экономически и исторически.

Ученые считают, что исследование РЯКМ всегда носит лингвокультурологический характер, и задачей лингвистов должно являться изучение локальных образов, концептов, «мифов», обладающих неповторимым региональным своеобразием [Архангельский Север в зеркале языка, 2010, с. 4].

1.2 Фольклорно-языковая картина мира

По мнению исследователей, важной, основополагающей частью концептуальной картины мира этноса, её базой является **фольклорная картина мира (ФКМ)** [Пименова, 2013а, с. 165].

Взгляды учёных на природу ФКМ разделились. В. А. Черванёва и Е. Б. Артёменко выделяют фольклорную картину мира, под которой они понимают «фрагмент концептуальной картины этноса, одну из ипостасей картины мира носителей фольклорной традиции» [Черванева, 2004, с. 5], и **фольклорно-языковую картину мира (ФЯКМ)**, которая представляет собой «часть ФКМ, эксплицируемую в языке фольклора» [Черванева, 2009, с. 192]. И. Н. Зиновьева трактует термин «фольклорно-языковая картина мира», как «фрагмент общеязыковой картины мира этноса, где уникальная фольклорная реальность представлена средствами народно-поэтической лексики» [Зиновьева, 2015, с. 33]. Т. С. Соколова использует термин «языковая картина фольклорного мира». По её мнению, такая картина мира является общежанровой и «строится на эстетическом отражении народных

знаний, представлений, оценок о мире», в основе которых лежит «своеобразно переработанная по законам жанров и способов языковых воплощений информация о бытии человека в пространстве и времени, ... культурных традициях, менталитете русского этноса» [Соколова, 2006, с. 182].

И. И. Рубакова выделяет два аспекта фольклорной КМ: культурно-исторический и языковой. Так как фольклорные тексты сохранили древние представления человека о мире, ФКМ – «образ мира, отражённый в произведениях устного народного творчества – является значимым фрагментом концептуальной национальной картины» [Рубакова, 2019, с. 16-17]. Для адекватного восприятия данных текстов нужно понимать специфику фольклорного слова.

По мнению Ю. А. Эмер, ФКМ – это «функциональный вариант этноязыковой картины мира, в котором по-своему преломляются инвариантные этнокультурные модели» [Эмер, 2011, с. 19].

Как и концептуальная КМ, ФКМ, представляя собой «преобразованную действительность», отражает «не только нечто общечеловеческое, но и особенности бытия и мышления определённого народа» [Чистов, 2005, с. 24]. К универсальным элементам, входящим в состав ФКМ, учёные относят «осколки мифопоэтической картины мира» [Зиновьева, 2015, с. 22].

Хотя ФКМ формируется под влиянием различных факторов: «канонов архаического мировидения, национальных фольклорных кодов и стереотипов, а также установок, продиктованных особенностями конкретного жанра» [Там же, с. 23], в основе ФКМ лежит именно архаическая модель мира [Черванева, 2004, с. 8]. Поскольку ФКМ является производной мифопоэтической, или архаической картины мира [Зиновьева, 2015, с. 18], она унаследовала много черт своей предшественницы, например, её семиотический характер. Вместе с тем ФКМ аккумулирует культурную информацию разных эпох, поэтому фольклорное произведение «многослойно» [Черванева, 2004, с. 9].

Б. И. Путилов так объясняет механизм формирования ФКМ: она возникает как результат «семантической перекодировки, художественной трансформации» этнографического материала, который входит в сферу фольклорного творчества избирательно. При этом происходит пересемантизация и формулировка этнографических реалий [Путилов, 1994, с. 122-126]. На избирательность в отражении информации как на отличительное свойство ФКМ, связанное с ценностной окрашенностью компонентов картины мира, указывает и И. И. Рубакова [Рубакова, 2019, с. 17].

Исследователи считают, что ФКМ выражает общенародное восприятие, поэтому фольклорный текст «является важным, значимым и приемлемым» для всего народа [Черванева, 2004, с. 9].

ФКМ получает свою реализацию в различных фольклорных текстах. Е. Бартминьский, определяя ЯКМ как интерпретацию действительности, представленную в виде комплекса суждений о мире и заключённую в языке, утверждает, что эти суждения могут быть закреплены как в языковой системе, так и в устойчивых, воспроизводимых текстах (например, пословицах), то есть имплицитно «формой и текстами языка» [Бартминьский, 2005, с. 88]. Такое понимание ЯКМ предполагает «нераздельность языка и фольклора» [Голованова, 2016, с. 36], поскольку ЯКМ воплощается как в значениях слов и категориях грамматики, так и в текстах, в том числе текстах устного народного творчества. По мнению исследователей, это вовсе не означает, что между ЯКМ и ФКМ нет принципиальных различий: будучи инструментом коммуникации, планирования и осуществления человеческой деятельности, «язык ... ориентирован на существование человека в реальном мире»; фольклор же, концентрируя основные коллективные ценности, оценки и стереотипы, «обращён, скорее, к идеальному миру» [Там же].

Определяя ЯКМ как выраженную средствами языка и имеющую коллективный характер «наивную» картину мира, учёные подчёркивают не

только её соотнесённость с обыденным сознанием и повседневной практической деятельностью людей [Голованова, 2016, с. 37], но и связанный с этим одновременно статичный и динамичный характер ЯКМ [Там же, с. 42]. Трактую ФКМ как «совокупность коллективных знаний, идей и представлений о человеке, его взаимоотношениях с миром и о самом этом мире, получившую реализацию и закрепление в фольклорных текстах» [Там же, с. 37], они акцентируют своё внимание на её большей статичности по сравнению с ЯКМ, а также на аксиологической составляющей ФКМ [Там же, с. 37, 42]. На нормативно-оценочный аспект, более выраженный в фольклоре, чем в языке, указывает и К. А. Богданов [Богданов, 2001, с. 54].

Ю. А. Эмер и Д. А. Первалова рассматривают ФКМ с точки зрения фольклорного дискурса: ФКМ – это «система коллективных мировоззренческих установок, свойственных участникам фольклорного дискурса» [Первалова, 2015, с. 12; Эмер, 2011, с. 16-17]. Ценностные установки, транслируемые ФКМ определяются целью фольклорного дискурса: «передать коллективное знание, выражающее культурное и социальное самосознание социума» [Эмер, 2011а, с. 57].

Фольклорная дискурсивная картина мира включает ограниченный набор тем, характеризуется «закреплённостью системы оценок, а также типичностью поведения коммуникантов» [Эмер, 2011, с. 16-17]. Исследователи выделяют следующие отличительные черты ФКМ: её концептуальную организацию, а также традиционность, идеальность, аксиологичность, символичность, семиотичность [Эмер, 2011, с. 19; Первалова, 2015, с. 12]. К. А. Богданов отмечает, что семиотическая специфика фольклорного текста релевантна идеологической модальности общества [Богданов, 2001, с. 54]. По его мнению, семантическая многозначность данного текста преобразуется в семиотическую однозначность благодаря его «прецедентности – коммуникативной традиции и ситуативному (социокультурному) контексту» [Там же, с. 53]. К специфическим чертам ФКМ учёные также относят вариативность,

связанную с разной степенью условности в изображении мира, и уникальность [Рубакова, 2019, с. 17].

Такие исследователи, как С. Е. Никитина, Е. Ю. Кукушкина, ставят под сомнение существование общефольклорной картины мира [Кукушкина, 2002, с. 53]. По мнению С. Е. Никитиной, в каждом из фольклорных жанров представлена своя «картинка» мира [Никитина, 2000, с. 559]. Развивая эту мысль, Ю. А. Эмер и Д. А. Перевалова связывают жанровый характер ФКМ с её коммуникативной направленностью [Эмер, 2011, с. 18-19; Перевалова, 2015, с. 12].

Каждый фольклорный жанр стремится к целостному отражению народной жизни, обладая при этом особым типом оценочности и выделяя в своей «картинке» мира свои, специфические доминанты [Зиновьева, 2015, с. 23]. Каждый фольклорный жанр формирует собственную концептосферу, и содержание одноименных концептов имеет свою специфику в разных жанрах [Черванева, 2004, с. 9].

В данном исследовании нас интересует та часть ФКМ, которая отображена в языке фольклора, поскольку реконструировать ФКМ, представляющую собой «укрупнение» и упорядочение концептов» [Голованова, 2016, с. 37], можно, прежде всего, через анализ и осмысление фольклорных текстов, ведь именно в них присутствуют концепты, определяющие миропонимание фольклорного коллектива и образующие специфическую фольклорную концептосферу. Мы, вслед за В. А. Черванёвой, Е. Б. Артёменко и И. Н. Зиновьевой, будем использовать термин «фольклорно-языковая картина мира», подразумевая под ним фрагмент ФКМ, эксплицированный в языке фольклора.

Рассмотрим несколько подробнее специфику языка русского фольклора. Его исследованиям посвящены работы таких учёных, как П. Г. Богатырева, И. А. Оссовецкого, А. П. Евгеньевой, А. Н. Веселовского, А. Т. Хроленко, С. Е. Никитиной, Е. Б. Артеменко.

По мнению учёных, языковой аспект ФКМ отличается формульностью, которая возникает как результат «стремления фольклорных образов к устойчивости, стабильности, стереотипизированности фольклорной картины мира» и проявляется на всех уровнях фольклорного текста [Рубакова, 2019, с. 17].

Разработавший основные положения теории фольклорного слова А. Т. Хроленко объясняет его выразительность и возможности семантической структурой фольклорного слова [Хроленко, 2010, с. 34]. К особенностям семантики фольклорного слова можно отнести:

– его семиотичность: семиотичность в фольклоре является результатом предельной обобщённости символов, которые, будучи сведены в классы, создают семиотическую оппозицию [Там же, с. 51]. Фольклорное слово вообще стремится к симметрии, бинарности, что способствует передаче дополнительной информации, «так называемому приращению смысла» [Там же, с. 67];

– «широту парадигматических связей фольклорного слова» [Рубакова, 2019, с. 17-18] и, как следствие, «тотальный синонимизм, который присущ фольклорному тексту» [Хроленко, 2010, с. 37-39]. Парадигма в фольклоре ограничивается тематически: она включает лексемы одного лексико-семантического поля;

– предельную обобщённость семантики фольклорного слова, обусловленную обобщённостью фольклорных образов;

– заложенную в фольклорном слове символичность. При этом символ и метафору в фольклорном тексте разграничить сложно, «критерием разграничения может служить частотность употребления: у символов она выше, чем у метафор» [Хроленко, 2010, с. 47];

– коннотативность, заключающуюся в порождении устойчивых ассоциаций с совокупностью фольклорных ситуаций;

– аксиологичность: оценочная компонента в фольклорном слове часто может превалировать и даже нейтрализовывать номинативную [Там же, с. 53];

– «блоковый характер», то есть заданность «всех свойств, которые будут реализованы в тексте» [Хроленко, 2010, с. 56; Эмер, 2011а, с. 58-59];

– иерархичность, то есть наличие в семантике фольклорного слова иерархически ценностной составляющей, появляющейся «в результате постоянного и длительного совместного употребления его с другими словами» [Хроленко, 2010, с. 55].

Своеобразие семантики фольклорного слова обуславливает и своеобразие его морфемики, например, частотность полипрефиксальных глаголов, сложных цветowych прилагательных [Там же, с. 62-77].

Специфика фольклорного синтаксиса проявляется, прежде всего, в «межстиховой атрибуции, когда определяемые слова находятся в первой строке, а их атрибуты – во второй» [Рубакова, 2019, с. 14], а также в соблюдении принципа симметрии, выражающегося в использовании приёма синтаксического параллелизма.

Поскольку язык фольклора является своеобразным кодом, «фольклорный текст представляет собой сложным образом закодированное сообщение» [Никитина, 1993, с. 66]. С одной стороны, чтобы понять, «раскодировать» фольклорный текст, необходимо знать и понимать ФКМ [Там же]. С другой стороны, чтобы лучше понять ФКМ и составляющие её содержание фольклорные концепты, необходимо понимать «своеобразный код» – язык фольклора.

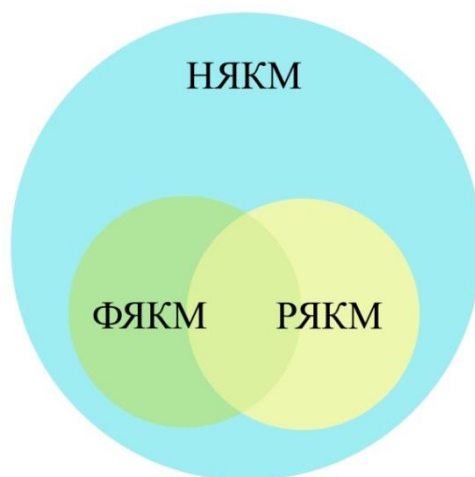
Как же соотносятся между собой национальная ЯКМ, региональная ЯКМ и фольклорно-языковая КМ? Поскольку элементы ФЯКМ репрезентируются в единицах языка фольклора, необходимо определиться с тем, какое место занимает язык фольклора в системе русского языка. Учёные по-разному отвечают на этот вопрос. Ю. А. Эмер утверждает, что «язык фольклора есть особая форма общенационального языка, сродни

художественному языку» [Эмер, 2011а, с. 58]. По мнению таких исследователей, как И. А. Оссовецкий, С. Е. Никитина, язык русского фольклора наддиалектен [Оссовецкий, 1979, с. 204; Никитина, 1993, с. 64]. Идея наддиалектности базируется на единстве русского национального языка, единстве русской фольклорной картины мира, а также типологической однонаправленности закономерностей фольклорного текстообразования [Хроленко, 2010, с. 105].

Противоположную точку зрения высказывают А. П. Евгеньева, В. И. Собинникова, П. Г. Богатырев, С. П. Праведников, А. Т. Хроленко. А. П. Евгеньева утверждает, что язык фольклора базируется на говоре населения, живущего на определенной территории, и представляет собой «”литературную” речь этого говора» [Евгеньева, 1963, с. 105]. В. И. Собинникова называет язык фольклора «художественным типом диалектного языка» [Собинникова, 1969, с. 79]. П. Г. Богатырев отмечает, что язык фольклора необходимо отличать от языка разговорно-бытовой диалектной речи, поскольку язык фольклора – это «диалект в его эстетической функции» [Богатырев, 1973, с. 106-108]. Ученые, принадлежащие к курской школе лингвофольклористики, утверждают, что отличия языка фольклора от диалекта существуют, но они невелики, поэтому язык фольклора является «функционально-стилевой разновидностью диалекта» [Хроленко, 2010, с. 105-106; Праведников, 2010, с. 55]. Позиция этих лингвистов согласуется с точкой зрения видного этнографа и фольклориста Б. Н. Путилова, считающего, что «фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна» [Путилов, 1994, с. 144].

В данном исследовании мы, вслед за В. И. Собинниковой и П. Г. Богатыревым, трактуем язык фольклора как художественную разновидность диалекта, выполняющую эстетическую функцию и обладающую жанровой дифференциацией. А поскольку язык фольклора является разновидностью диалекта, воплотившаяся в языке фольклора

ФЯКМ является компонентом репрезентированной в единицах диалекта региональной ЯКМ. Отображённая в единицах территориального диалекта РЯКМ представляет собой фрагмент национальной ЯКМ (НЯКМ). Тогда соотношение национальной, региональной и фольклорно-языковой картин мира можно представить следующим образом:

Подчеркнём условность данной схемы, из которой видно, что многие фрагменты ФЯКМ «выходят за пределы фольклора, смыкаясь с обыденным языковым сознанием» и составляют «интегральный феномен коллективного народного сознания» [Голованова, 2016, с. 38].

1.3 Концепт как составная часть языковой картины мира; регионально-специфичный концепт.

Популярный в современной лингвистике термин «концепт» по-разному трактуется учёными. В отечественной лингвоконцептологии выделяется несколько подходов к изучению концепта, но прежде всего, лингвокогнитивный (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин) и лингвокультурологический (С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов). Эти подходы взаимно дополняют друг друга, акцентируя внимание на разных аспектах изучения концепта.

Главный акцент в исследованиях лингвокогнитологов делается на психически-операционной стороне концепта [Эмер, 2011, с. 20; Ангелова,

2004, с. 8]. Они трактуют концепт как единицу мыслительной деятельности человека, «квант структурированного знания» [Попова, 2005, с. 7]. Концепты дают возможность человеку оперировать этим знанием в процессе когнитивной деятельности. Совокупность концептов образует концептуальную систему, или концептосферу.

Концепты могут быть вербализованы или не вербализованы средствами языка. Концепты вербализуются языковыми единицами разных уровней, но наиболее информативным является лексический уровень языка. Хотя изучение языковых средств и является самым простым и надёжным способом моделирования концептов, язык далеко не единственный канал доступа к содержанию и структуре концептов как единиц мышления [Там же, с. 7-10].

По мнению лингвокогнитологов, концепт имеет полевою структуру, в центре которой находится инвариантная, коллективно выработанная и понятийно структурированная ядерная часть, а вокруг располагается «индивидуальная ассоциативно-мерцающая» периферийная часть [Попова, 2001, с. 7-10].

Лингвокультурологи делают акцент на культурной значимости концепта, который они понимают как «вербализованный культурный смысл, и он “по умолчанию” является *лингвокультурным* концептом» [Воркачев, 2005, с. 11]. По мнению исследователей, чтобы явление культуры стало концептом, оно должно удовлетворять ряду требований: обладать культурной ценностностью, быть объективировано единицами лексико-фразеологической системы языка, включаться в большое количество разнообразных текстов, то есть стать носителем культурной памяти народа [Рогожникова, 2010, с. 81].

Лингвокультурный концепт характеризуется комплексностью бытования: он имеет ментальную природу (существует в индивидуальном или коллективном сознании), детерминируется культурой и опредмечивается в языке. Ему свойственна полиапеллируемость, то есть «к одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных

уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений» [Карасик, 2005, с. 15]. Лингвокультурный концепт изменчив: актуальность концепта, его составляющие и оценочный знак могут меняться в ходе жизни языкового коллектива.

В составе концепта учёные выделяют понятийный, образный и ценностный компоненты. «В глубине концепта мерцает понятие» [Ляпин, 1997, с. 27], которое является ядерным элементом концепта. Понятийная составляющая концепта – это его обозначение, дефиниция, описание.

Если понятийный компонент в вербальной форме хранится в сознании, то образный компонент может быть как вербальным (*лиса* – хитрец), так и невербальным (наши впечатления, представления), тогда его можно описать и интерпретировать. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что чувственный образ неоднороден, он формируется перцептивными (зрительными, звуковыми, тактильными, обонятельными, вкусовыми) и образными признаками [Попова, 2007а, с. 76]. Образные признаки возникают на основе метафорического переосмысления предмета концептуализации [Пименова, 2005, с.18] и создают метафорический образ.

Важнейшей составляющей лингвокультурного концепта является ценностный компонент [Карасик, 2005, с. 14]. Поскольку в основе культуры, исследуемой посредством анализа концептов, лежит ценностный принцип, «ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Карасик, 2002, с. 107]. Ценностный компонент включает в себя актуальность и оценочность. Оценочность заключается в свойственных имени концепта оценочных коннотациях, в сочетаемости имени концепта с оценочными определениями. Актуальность реализуется в количестве и частотности употребления языковых единиц, которые являются средствами апелляции к концепту [Слышкин, 2004, с. 29-30]. Показателями актуальности концепта являются его номинативная плотность, то есть множество вариантов обозначения объекта действительности, и метафорическая диффузность, то есть использование

ассоциативного потенциала этого объекта для именования других объектов [Там же, с. 60].

Изучение лингвокультурного концепта ЛОШАДЬ (КОНЬ) отражено в ряде работ современных ученых. В монографии Н. А. Илюхиной [2010] этот концепт описывается на основе изучения его ассоциативно-семантического поля. Диссертация Е. Н. Булатниковой [2006] посвящена выявлению признаков, лежащих в основе преемственности концептов ЛОШАДЬ и АВТОМОБИЛЬ. Специфика актуализации данного анималистического концепта в лингвокультурах других народов отражена в диссертационном исследовании Е. А. Ивановой [2010], где рассматривается структура и лексическое наполнение ассоциативно-семантического поля концепта HORSE в британской лингвокультуре; в статье Э. С. Ганиевой [2018], посвященной анализу лексико-семантической группы терминов коневодства в крымскотатарском языке; в работе А. Е. Божедоновой [2019], в которой исследуется этимология названий мастей лошади в якутском языке; в статьях Т. Н. Чибирова [2014, 2015], посвященных специфике концепта БÆХ (ЛОШАДЬ) в осетинском языке; в работе И. В. Котляровой [2012], где дается описание лексической репрезентации концепта ЛОШАДЬ в казахской культуре; в статье Л. М. Довлеткиреевой [2019], где рассматривается концепт КОНЬ, вербализованный в чеченском фольклоре и чеченской литературе. Кросскультурному изучению данного концепта посвящено диссертационное исследование Ф. Ш. Бекмурзаевой [2021], в котором рассматривается специфика концептов ЛОШАДЬ / КОНЬ и HORSE / MARE в русской и английской языковых картинах мира; статья М. В. Пименовой, А. Ш. Жилкубаевой и Ф. Ш. Бекмурзаевой [2021], где сопоставляются лингвокультурные смыслы образа коня / лошади в русской, казахской и английской культурах; статья Т. Н. Чибирова [2018], посвященная репрезентации когнитивного признака «рабочая лошадь» в русской, осетинской и английской языковых картинах мира; исследование Л. И. Бытовой [2013], где описывается коцептуализация понятий ЛОШАДЬ

и АТ в текстах русских и хакасских пословиц и поговорок; работа Э. У. Омакаевой, М. А. Тагановой и М. Куллыевой [2019], посвященная национально-культурной специфике калмыцких, монгольских и туркменских пословиц с зоолексемами, обозначающими коня / лошадь.

Приведенный выше краткий обзор лингвистических исследований, посвященных концепту ЛОШАДЬ (КОНЬ), говорит о том, что этот концепт является объектом изучения в лингвокультурах разных народов. В данной диссертационной работе он рассматривается как общерусский концепт, обладающий региональной спецификой в ЯКМ кубанского казачества как отдельного субэтноса русского народа. Вопрос о происхождении казачества все еще остается дискуссионным, ведь этническими слагаемыми кубанского казачества стали «два компонента – русский и украинский» [Бондарь, 1995, с. 10]. Рассматривая в данной работе кубанское казачество как субэтнос русского народа, мы опираемся на мнение авторитетного кубанского историка профессора Н. И. Бондаря, который отмечает, что важнейшими ценностями для кубанских казаков были «земля русская», отечество, «народ православный», защитниками которых они себя и считали [Бондарь, 2002]; кроме того, «в ряде фольклорных текстов подчеркиваются русские корни казаков» [Там же]. Его точку зрения поддерживает другой известный кубанский историк профессор О. В. Матвеев: «...с гордостью нося казачье звание, ... кубанцы никогда не отделяли себя от России и русского народа» [Матвеев, 2005, с. 83].

Лингвисты отмечают, что лингвокультурные концепты могут иметь региональные девиации, «выражающиеся не в изменении концептуальной структуры, а в уточнении существенных признаков концепта» [Рогожникова, 2013, с. 175]. При этом региональные концептуальные признаки, региональную специфику национальных концептуальных структур можно выявить, исследуя как письменные, так и устные региональные тексты [Там же, с. 174].

Раскрыть такие основные понятия лингвокультурологии, как культурный фон, культурные традиции, ментальность, менталитет, культурная коннотация, а также концепт, можно при изучении не только системы литературного языка, но и системы территориального диалекта как способа кодировки культуры его носителей. Носители литературного языка и носители диалекта могут по-разному реализовывать в языке свои представления об окружающем мире, что и порождает региональные особенности языковой концептуализации и конкретизации объективно существующего мира [Демидова, 2014, с. 36].

Е. В. Брысина отмечает, что наиболее актуальные, важные представления о действительности, безусловно, отражаются в диалекте «в виде концептуальных понятий, которые реализуются, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне диалекта» [Брысина, 2012, с. 51] и обладают региональным своеобразием. Это связано с тем, что не только для каждого национального языка, но и для диалекта как его разновидности «характерно возникновение специфических со-значений – этнокультурных коннотаций» [Там же, с. 53].

Работы лингвистов, исследующих территориальные диалекты с лингвокультурологических позиций, посвящены в том числе выявлению представленных концептами базовых ценностей диалектоносителей [Е. В. Брысина, 2003; С. В. Хлыбова, 1998; Н. А. Григорьева, 2010]. Такие концепты «содержат в себе элементы как универсального, так и идиоэтнического знания», детерминированного региональной спецификой, причём на первый план часто выходят уникальные концептуальные признаки [Брысина, 2003, с. 34]. К таким концептам Е. В. Брысина, исследовавшая диалектную фраземику Дона с точки зрения этнолингвокультурологии, относит концепты КАЗАК, СЛУЖБА, КОНЬ и некоторые другие, называя их этноэдемическими концептами картины мира донских казаков [Там же, с. 10]. Под этноэдемическими концептами учёные понимают «единицы этноязыкового сознания, репрезентирующие его этносемантическую

специфику в таких смысловых компонентах, как внутренняя форма идиомы, речевая коннотация, социально значимая оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал» [Алефиренко, 2004, с. 72].

Итак, в данном исследовании концепт трактуется как «вербализованный культурный смысл», выраженное средствами языка ментальное образование, которое включает понятийный, образный и ценностный компоненты. **Концепт с региональной спецификой, или регионально-специфичный концепт**, – это вариант национально-культурного концепта, который объединяет в себе элементы как универсального, так и этноспецифического знания, детерминированного региональными особенностями.

1.4 Фольклорный концепт

Поскольку язык фольклора является художественной разновидностью диалекта, отображающего особенности РЯКМ, в основе регионально-специфичного концепта лежит **фольклорный концепт**, также обладающий идиоэтническими чертами.

Исследователи считают фольклорный концепт «скрепой, основой национальной картины мира» [Эмер, 2011а, с. 57]. Фольклорный концепт учёные понимают как «разновидность общекультурного концепта» [Эмер, 2010, с. 93], подчёркивая при этом, что фольклорный концепт обладает своей спецификой.

И. П. Черноусова видит отличие фольклорных концептов от общеязыковых в том, что на общеязыковое значение концептов накладывается традиционная семантика фольклорных стереотипов, концептов [Черноусова, 2013, с. 351-352]. Специфика фольклорных концептов, по её мнению, обусловлена тем, что они представляют собой ментальные структуры хранения и передачи традиционных культурных смыслов [Там же, с. 349].

Ю. А. Эмер выявляет особенности фольклорного концепта, сравнивая его с художественным концептом. В отличие от художественного концепта, включающего как общекультурную, так и индивидуально-авторскую составляющие, а потому диалогичного по своей природе, «фольклорный концепт монологичен, ... он есть отражение знаний коллектива» [Эмер, 2010, с. 94], а не индивидуума.

Фольклорный концепт, отражающий оппозиционное моделирование мира («хорошо/плохо»), аксиологически однолинеен и ориентирован на антинорму, «через отрицание которой выстраивается идеальная модель мироустройства» [Там же]. Его ценностная и образная составляющие воплощают традиционные коллективные установки и образы. Языковые особенности воплощения фольклорного концепта, обусловлены «спецификой этнокультурного эстетического кода» [Там же, с. 95].

Говоря об отличительных свойствах структуры фольклорного концепта, Е. И. Алещенко отмечает, что в его составе, как и в составе общекультурного концепта, можно выделить три компонента: понятийный, образный и оценочный. При этом понятийный элемент фольклорного и одноимённого общекультурного концептов часто совпадает, а образная и оценочная составляющие имеют свою специфику. Особенности образного компонента заключаются в актуализации одного, наиболее значимого семантического признака ключевого слова концепта. Своеобразие аксиологического компонента связано с однозначностью оценок, свойственной фольклорному концепту [Алещенко, 2008, с. 55]. Е. И. Алещенко, проводившая ассоциативный лингвистический эксперимент, связанный с характеристикой общекультурного и одноимённого фольклорного концептов, отмечает, что эти особенности сохраняются и в сознании современных носителей языка [Алещенко, 2009, с. 256].

Ю. А. Эмер отмечает обусловленность фольклорного концепта фольклорным дискурсом [Эмер, 2011а, с. 57]. Сохраняя коллективные представления о мире, такой концепт обладает стабильным содержанием,

поэтому «в инодискурсивной среде фольклорные концепты сохраняют и актуализируют свое содержание, создавая “мини-фольклорный дискурс”» [Эмер, 2010, с. 91]. Несмотря на свою стабильность, фольклорный концепт не лишён и элементов динамизма.

Характеристики фольклорного концепта жанрово детерминированы: в разных фольклорных жанрах один концепт реализует свои разные стороны [Там же, с. 97].

Как и общекультурные, фольклорные концепты могут классифицироваться по разным основаниям. По содержанию и объёму передаваемой информации Е. Б. Артеменко выделяет следующие типы фольклорных концептов:

– символические концепты понятийного типа, которые, наслаиваясь на лексическое значение вербальной единицы, отодвигают его на второй план. Например, в слове *дом* ведущим стал семиотический смысл «центр своего мира» [Артеменко, 2006, с. 140];

– комплексные культурные концепты, представляющие собой текстообразующие и композиционно-сюжетные модели. Текстообразующие модели – это «ментальные “портреты” типизированных устно-поэтических ситуаций», например, ситуации дороги в былинах [Там же, с. 144]. Примером композиционно-сюжетной модели может служить система функций (типизированных акций) В. Я. Проппа, которые образуют композиционный каркас волшебной сказки;

– концептуальные образования функциональной природы, которые представляют собой функциональную специализацию языковых средств в фольклорном тексте: на функцию языкового явления накладывается функция, традиционно выполняемая им в определённом жанре народной словесности, например, использование прямой речи действующих лиц эпических жанров в сюжетно-прогностической функции [Там же, с. 147].

Другую классификацию фольклорных концептов предлагает Ю. А. Эмер. Она выделяет дискурсообразующие и недискурсообразующие

концепты. К дискурсообразующим концептам Ю. А. Эмер относит ключевые концепты, отражающие базовые ценности фольклорного коллектива (ЛЮБОВЬ, ТРУД, СЕМЬЯ). К недискурсообразующим концептам Ю. А. Эмер относит концепты, обозначающие предметы, а также явления природы (МОРЕ, БЕРЕГ, ДОМ). Такие концепты получают в фольклорных текстах символическое наполнение [Эмер, 2011а, с. 58].

Фольклорные концепты, которые воплотили традиционную культурную информацию, систему культурных смыслов, подвергшуюся семантическому перекодированию, образуют специфическую фольклорную концептосферу. Фольклорная концептосфера представляет собой субстанциональную основу ФКМ и объективирована в языке фольклора [Черноусова, 2013, с. 349]. Исследователи отмечают, что набор понятий, подвергшихся концептуализации в ФКМ, отличается от того, что представлен в современной ЯКМ в целом [Пименова, 2012, с. 95].

Поскольку содержание концепта формируется на уровне текста, его можно установить, исследуя смысловые структуры фольклорных текстов, получивших вербальное воплощение [Эмер, 2010, с. 95]. Хотя русский фольклорный текст «является поликодовым в объективации познавательной деятельности человека» [Соколова, 2006, с. 183], основным информационным кодом является именно вербализация.

Концептуальный анализ языка фольклора позволяет выявить народные стереотипы понимания и оценки действительности [Черванёва, 2003, с. 5-6].

С. Е. Никитина отмечает, что анализ концепта народной культуры имеет свою специфику, и предлагает свой тип концептуального анализа, который она называет расчленённым определением. Семантическое описание фольклорного концепта должно дать возможно более полное знание о понятии, которое живёт в сознании носителей народной культуры. Это знание выражается в языковых стереотипах, которыми могут быть как слова, так и словосочетания-фразеологизмы. Чтобы сделать семантическое описание слова-концепта народной культуры, необходимо проанализировать

его связь с другими концептами этой культуры: на материале фиксированного круга текстов описать регулярные семантические отношения данного слова, то есть его отношения к словам, которые синтагматически или парадигматически связаны с ним. Такие отношения С. Е. Никитина делит на статические и динамические [Никитина, 1991, с. 117-121].

Статические, или категориальные, отношения включают в себя равнозначные: синонимы (доля – участь), символы (море – символ границы между мирами), метафоры и метаморфозы (воплощение девичьей воли как птицы), изофункциональные слова (река, море, полая вода выполняют одну семиотическую функцию), оппозиции-антонимы (грешный – праведный) – и иерархические, или отношения принадлежности, например, “объект—внешний атрибут” (калики являются всегда с клюками), “объект—внутренний атрибут”, представленный главным образом постоянным эпитетом [Там же].

К динамическим, или ситуативным, отношениям исследователь относит актантные (субъектные, объектные, инструментальные, отношения адресата) и имплицативные (“причина – следствие”, отношения следования).

С. Е. Никитина также выделяет отношения локализации (в песнях типичным локусом для лебедя является море). Исследователь уточняет, что каждое слово-концепт характеризуется своим набором семантических отношений [Там же].

В данном исследовании под фольклорным концептом мы понимаем вариант регионально-специфичного концепта. Фольклорный концепт отображается в языке фольклора, являющегося художественной разновидностью диалекта, и вбирает в себя традиционные культурные смыслы.

1.5 Обоснование выбора и характеристика материала исследования

Цели и задачи данной работы обусловили выбор анализируемого материала. Материалом нашего исследования послужили лексические, фразеологические единицы, в том числе пословицы и поговорки, а также тексты народных песен.

Отдельные фрагменты ЯКМ можно воссоздать с помощью единиц разных языковых уровней, но, по мнению лингвистов, именно лексико-фразеологическая система языка наиболее ярко отображает материальную и духовную культуру народа, «в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топорова, 1994, с. 3]. Как лексические, так и фразеологические единицы языка выполняют номинативную функцию: называют выделенные языковым сознанием из окружающей действительности фрагменты, которые соотносятся с мировидением народа – носителя языка [Телия, 1996, с. 57]. При этом языковые единицы обладают культурно-национальной спецификой, которая связывает «”тело знака” – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны» [Там же, с. 215]. Анализ лексических и фразеологических единиц позволяет выявить эту специфику, в которой раскрываются черты русского национального менталитета и его региональные особенности, причем во фразеологических единицах эта специфика проявляется более ярко, чем в словарном составе языка [Там же, с. 83].

Фразеологизируются в языке лишь те образные выражения, которые, отражают культурный опыт народа. Этнокультурные особенности воплощаются в образах, лежащих в основе фразеологических единиц и в большинстве своем понятных для носителей языка. При интерпретации базовых образов фразеологических единиц и соотнесении их с концептами национальной культуры раскрываются культурно значимые смыслы этих образов, поэтому лингвисты считают фразеологию фрагментом ЯКМ [Маслова, 2001, с. 82].

Как отмечает В. Н. Телия, границы фразеологии «условны и подвижны» [Телия, 1996, с. 81]. Под фразеологизмом в современной науке о языке понимается «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний, обладающий целостным значением и сочетающийся со словом» [Жуков, 1986, с. 5]. К существенным признакам фразеологизмов ученые также относят семантическую эквивалентность слову, сверхсловность, то есть структурную расчленённость, наличие не менее двух основных ударений.

Вопрос о включении в состав фразеологии пословиц и поговорок остается спорным. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой пословица трактуется как «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление» [Ахманова, 1969, с. 341]. Поговорка, представляющая собой «образное, иносказательное выражение» [Там же, с. 328], отличается от пословицы своей синтаксической незавершенностью. Пословицы и поговорки современные лингвисты нередко объединяют термином «паремии» [Телия, 1996, с. 58; Кацюба, 2013, с. 67], который обозначает «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях» [Савенкова, 2015, с. 101].

Всякая паремия содержит как фактическую, так и оценочно-этическую информацию [Крикманн, 1978, с. 95], которая основана на миропонимании народа: паремии в сентенционной форме аккумулировали в себе «все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка» [Телия, 1996, с. 241]. Таким образом, устойчивые выражения назидательного характера также являются благодатным материалом для лингвокультурологического исследования.

В. П. Жуков, автор книги «Русская фразеология», не считает возможным включать пословицы и поговорки во фразеологический состав языка: пословично-поговорочные выражения, в отличие от фразеологизмов,

выражают законченную мысль и связаны не со словом, а с предложением или частью предложения [Жуков, 1986, с. 19]. Г. Л. Пермяков утверждает, что фразеологизмы занимают промежуточное положение между словами и пословицами и поговорками [Пермяков, 1970, с. 50]. С одной стороны, ученый отмечает сходство пословиц и поговорок с фразеологизмами: и те, и другие представляют собой языковые клише, похожи по своей внешней грамматической форме, имеют три плана (собственно лингвистический, логико-семиотический и предметно-образный) [Там же, с. 32]. С другой стороны, он указывает и на отличие пословиц и поговорок от фразеологизмов: пословицы и поговорки являются «знаками ситуаций или отношений между вещами», в отличие от фразеологических оборотов – «знаков вещей» [Там же, с. 35].

Другие лингвисты: В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, В. Н. Телия, А. К. Жолковский – рассматривают фразеологию более широко и допускают включение пословично-поговорочных выражений в её состав, поскольку эти выражения обладают основными свойствами устойчивых единиц: сверхсловностью и воспроизводимостью. Функционально и генетически фразеологизмы больше связаны с паремиями, чем со словами [Шанский, 1996, с. 36-37]. Кроме того, В. Н. Телия считает, что двуплановость пословиц и поговорок – это идиоматичность относительно их прямого, буквального значения [Телия, 1996, с. 73]. Вслед за этими учеными, мы рассматриваем фразеологию в широком смысле и относим пословицы и поговорки к числу фразеологических единиц.

Региональную специфику структурных компонентов концепта как единицы описания ЯКМ можно выявить на основе лингвокультурологического анализа лексико-фразеологической системы диалекта национального языка. Изучению кубанских говоров посвящены работы таких лингвистов, как В. И. Андрющенко, О. Г. Борисова, Т. Г. Иванова, Л. Ю. Костина, В. П. Чалов и др. О. Г. Борисова определяет кубанский диалект как локальный идиом смешанного типа с русско-

украинской языковой основой [Борисова, 2018, с. 97]. На этом диалекте говорит такой исторически сложившийся субэтнос, как кубанское казачество, и восточнославянское население Краснодарского края. Кубанский диалект относится к диалектам позднего образования: он начал формироваться в конце XVIII века. Несмотря на неоднородность кубанских говоров с южнорусской языковой основой и с украинской языковой основой, они имеют общекубанский лексико-фразеологический пласт, что позволяет говорить о монодиалектной лексической системе кубанского диалекта [Там же, с. 94-96].

Итак, такие уровни системы русского языка, как лексика и фразеология (понимаемая в широком смысле), являются наиболее информативными для изучения концептосферы русского народа. Лингвокультурный анализ лексико-фразеологической системы кубанского диалекта позволяет выявить региональные особенности мировидения одного из субэтносов русского народа – кубанского казачества.

Народная песня – это один из видов музыкально-поэтических произведений устной традиции. Исследованию русской народной песни посвящены работы В. И. Ереминой, О. И. Алексеевой, А. В. Рудневой, А. Ф. Камаева, Т. Ю. Камаевой, Е. А. Карапетян, Ю. Г. Круглова, В. А. Лапина, Н. П. Колпаковой, П. Н. Нестеренко, А. А. Шевердиной и др.

Русская народная песня, прошедшая долгий путь эволюции, объединяет в себе два начала: материальное (синкретическую форму) и духовное (содержание). По мнению исследователей, народная песня представляет собой модель мировидения этноса, которая «посредством бинарных вербальных концептов: слова и звука» объединяет в себе основные духовные идеалы и «понятия жизненной философии» [Алексеева, 2006, с. 10-11] народа. Русская народная песня «является культуровоспроизводящим, культуротранслирующим, культурогенерирующим феноменом» [Там же, с. 7]. Именно в народной песне отразились базовые концептуальные элементы национального сознания, проявилась картина мира русского народа

[Карапетян, 2013, с. 47], поэтому песня является одним из способов этнической идентификации.

К основным характеристикам народной песни учёные относят коллективность, многовариантность, синкретизм, традиционность, устную природу бытования и высочайший гуманистический потенциал [Алексеева, 2006, с. 14].

Главными функциями народной песни исследователи считают утилитарно-сакральную, ритуально-обрядовую, гносеологическую, коммуникативную, воспитательную, социализирующую, функцию сохранения и фиксации опыта, эстетическую [Алексеева, 2006, с. 20; Адаменко, 2013, с. 95].

О. И. Алексеева отмечает, что песня – это текст-код, то есть организованная система знаков, которые в совокупности составляют ‘словарь’ русской культуры. В основе этого ‘словаря’ – традиционные ‘понятия’, вызывающие «устойчивые ‘образы’ – знаки этноса и государства» [Алексеева, 2006, с. 18], то есть концепты. По мнению И. С. Климас, получить представление об основных концептах фольклорной картины мира можно, если проанализировать набор устойчиво употребляемых в фольклорных текстах лексем [Климас, 2005, с. 193]. Используя методику совмещения частотных словарей, исследователь установила, что, наряду с некоторыми другими словами, существительное *конь* является одним из наиболее частотных в русском песенном фольклоре, входит в верхний ярус лексики фольклорных текстов, отражающий «‘узлы’ своеобразной семантической сети, существующей в национальном фольклорно-языковом сознании» [Там же, с. 199], что позволяет сделать вывод о том, что концепт **КОНЬ** является одной из доминант фольклорной языковой картины мира и входит в её костяк [Там же, с. 221].

Учёные, исследовавшие песенное творчество Кубани, отмечают его сложный и своеобразный характер [Бондарь, 1983, с. 20; Захарченко, 1987, вып. 1, с. 8]. Н. И. Бондарь объясняет это тем, что Краснодарский край был и

остаётся зоной активных этнических контактов: кубанское казачество формировалось из запорожских, донских, екатеринославских, хопёрских казаков. На Кубани селились также крестьяне – выходцы из разных губерний России. Ученый подчеркивает, что межэтническая культурная диффузия происходила в первую очередь на уровне языка, песенного и танцевального фольклора [Бондарь, 1995, с. 21]. Дифференцируя песенный фольклор Кубани, Н. И. Бондарь выделяет в нём три основных пласта: 1) традиционный, частично адаптированный репертуар, который был характерен для тех мест, откуда приехали первопоселенцы Кубани; 2) общекубанский песенный фонд, сложившийся в результате фольклорной диффузии, которая затронула прежде всего военные и бытовые песни; 3) новые, вариативные или оригинальные песни, рассматриваемые уже как свои, кубанские. Созданию и широкому распространению кубанских песен способствовало формирование социально-этнографической общности кубанских казаков, которая, возникнув в результате консолидации русских и украинцев, обладала своей специфической материальной и духовной культурой, единым самосознанием и самоназванием [Бондарь, 1983, с. 21-22].

О фольклорной диффузии русского и украинского песенного фонда (песен, принесенных на Кубань линейными и черноморскими казаками) говорит и Л. Б. Мартыненко. Она выделяет два параллельных языковых процесса: украинизацию русских и русификацию украинских песенных текстов. Эти процессы повлияли на лексический и грамматический строй кубанских вариантов песен [Мартыненко, 1983, с. 28].

А. П. Мехнецов уточняет, что в процессе фольклорной диффузии стирались особенности песен отдельных групп переселенцев, переосмыслилась значимость отдельных элементов их песенного стиля, а также усваивались средства выразительности, появившиеся в песенном творчестве нового времени (XVIII-XIX в.в.) [Мехнецов, 1985, с. 7].

Для нужд исследования было проведено определенное сопоставление концептуализации понятия «конь» в песнях линейных и черноморских казаков, но принципиальных отличий при этом не выявлено, что подтверждает точку зрения кубанского историка И. Ю. Васильева: несмотря на то что у запорожских казаков, составивших основу черноморского войска, конница была развита слабее, чем у линейцев, «фольклорный образ казака неразрывно связан с образом коня» [Васильев, 2005, с. 159].

В нашей работе мы рассматриваем песни линейных и черноморских казаков как единый корпус кубанских казачьих песен, сложившийся в результате фольклорной диффузии, которая происходила на Кубани под влиянием внеязыковых факторов. В этих песнях отобразилась ФКМ кубанских казаков, объединяющая в себе как универсальные, общенациональные, так и регионально-специфичные элементы.

1.6 Методика описания концепта КОНЬ, принятая в настоящем исследовании

В современной лингвистике существует много исследований, посвященных концептуальному анализу (Воркачев, 2001; Кубрякова, 1991; Маслова, 2005; Никитина, 1991; Пименова, 2005, 2019; Стернин, 2001; Хроленко, 2009; Тимощенко, 2007; Дрыга, 2010; Безруков, 2013, Титова, 2010; Перова, 2018; Рудакова, 2001 и др.). В этих работах предлагаются различные методики изучения национально-культурных, фольклорных, коллективно-авторских, индивидуально-авторских концептов, в том числе методики сравнительно-сопоставительного описания концептов в языковых картинах мира разных народов.

За основу методики концептуального анализа, примененной в данной работе, была взята методика описания концепта Волгоградской школы концептуальных исследований (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Н. А. Красавский и др.), доработанная с учетом анализа регионально-специфичного концепта. Цель данной методики заключается в выявлении

этноспецифических признаков понятийного, образного и ценностного компонентов национально-культурного концепта, детерминированных региональными особенностями.

1. Первым этапом работы является определение имени концепта. Именем концепта служит языковая или речевая единица, актуализирующая «центральную точку» концепта [Карасик, 2001, с. 77]. Учёные называют различные критерии выбора имени концепта. Лексема, являющаяся именем концепта, должна быть общеизвестной, частотной в речи, значимостной для носителей языка [Фомина, 2000, с. 154], достаточно обобщённой по своей семантике, желательно стилистически нейтральной, неоценочной [Попова, 2007, с. 124]. Кроме того, имя концепта должно совпадать с доминантой соответствующего семантического ряда [Воркачев, 2007, с. 21].

В лингвистических исследованиях, посвященных описанию концепта ЛОШАДЬ, определены базовые репрезентанты данного концепта в русской ЯКМ – это лексемы *лошадь* и *конь* [Булатникова, 2006, с. 25; Илюхина, 2010, с. 30; Бекмурзаева, 2021, с. 36]. Из них указанным выше критериям в русском языке более соответствует слово *лошадь*. По данным «Частотного словаря современного русского языка», это слово более употребительно, чем слово *конь* [Ляшевская, 2009, с. 30]. Лексема *лошадь* является заглавным словом синонимического ряда в словарях синонимов [Александрова, 2001, с. 197; Словарь синонимов русского языка, 2003, с. 517]. Это слово стилистически нейтрально, в отличие от лексем *конь*, более характерной для фольклора, речи военных или людей, занимающихся разведением лошадей [МАС, 1986, т. 2, с. 98].

Данные, представленные во 2-ой и 3-ей главах настоящего исследования, свидетельствуют о том, что в картине мира кубанского казачества происходит смена доминант, и более значимостным становится другой репрезентант концепта – слово *конь*: оно является гораздо более частотным как в кубанской фразеологии, так и в кубанских казачьих песнях. Возможно, здесь сказалось влияние кубанских говоров с украинской основой

(в украинском языке нет слова *лошадь*). Различия в семантике лексем *конь* и *лошадь* в кубанском диалекте стираются, и в семантической структуре обоих слов ведущим становится значение «боевой конь», в русском языке более характерное для лексемы *конь*. Кроме того, слово *конь* обладает большими семантическими и словообразовательными возможностями. Чтобы дифференцировать понятия «общерусский концепт» и «регионально-специфичный концепт», мы здесь и далее признаем именем общерусского концепта слово *лошадь*, а именем регионально-специфичного концепта – слово *конь*. Основными репрезентантами и общерусского концепта, и его регионального варианта считаем лексемы *конь* и *лошадь*.

2. На следующем этапе описания концептуальной структуры необходимо проанализировать этимологическое значение и толкование базовых репрезентантов концепта, изучить их парадигматические и синтагматические связи, а также словообразовательные возможности на материале различных словарей русского языка, в которых закреплены коллективные представления носителей языка о содержании ключевых слов концепта. Анализ словарного материала позволяет выделить прежде всего понятийные, а также образные и ценностные общерусские концептуальные признаки.

3. Третьим этапом исследования является создание лексико-семантического поля вербализаторов концепта, основанного на данных как общерусских, так и кубанских диалектных словарей. В данной работе представлено общерусское лексико-семантическое поле имени концепта ЛОШАДЬ, в котором имеется региональный фрагмент, репрезентирующий этноспецифические лексико-семантические особенности языковой экспликации кубанского концепта КОНЬ. Изучение общерусского и кубанского диалектного компонентов данного поля, выявление специфических этнографических и исторических единиц в составе регионального компонента и анализ их семантики также позволяет описать

общекультурные и регионально-специфические понятийные, образные и ценностные концептуальные признаки.

4. Выделенные из толковых словарей лексические единицы, образующие лексико-семантическое поле вербализаторов концепта, реализуясь в речи, входят в состав различных по объему и содержанию текстов, в том числе региональных, где компоненты поля вербализаторов контекстуально обусловлены, при этом семантика слов-репрезентантов концепта обогащается, что составляет основу дополнительных образных и ценностных концептуализаций, которые и создают региональную специфику концепта. В данном исследовании изучались фразеологические микротексты и тексты народных песен. В указанных текстах, с одной стороны, присутствуют не все элементы поля, выделенные в словарях, с другой стороны, периферийная зона поля вербализаторов концепта несколько расширяется, включая в себя лексические единицы, имеющие ассоциативную сему 'конь'.

На четвертом этапе исследования необходимо проанализировать региональные фразеологические микротексты, включающие различные элементы лексико-семантического поля вербализаторов концепта. Региональные особенности концепта можно выявить только имея представление о структурных признаках общерусского концепта, для чего проводится также анализ общерусских фразеологических единиц с основными репрезентантами концепта.

5. Пятый этап работы предполагает анализ текстов кубанских казачьих песен, содержащих элементы лексико-семантического поля вербализаторов концепта.

6. На заключительном этапе необходимо обобщить данные о структурных признаках концепта, полученные на основе анализа русской лексико-фразеологической системы и ее фрагмента – лексико-фразеологической системы кубанских говоров, а также на основе изучения фольклорных песенных текстов; реконструировать понятийный, образный и

ценностный компоненты концепта КОНЬ в РЯКМ кубанского казачества; выделить общекультурные и регионально-специфические концептуальные признаки.

Данная методика позволяет разносторонне описать регионально-специфичный концепт и выявить его особенности; также она позволяет сделать и более общие выводы, если использовать в качестве материала исследования более разнородные массивы как региональных, так и общерусских художественных текстов.

1.7 Создание лексико-семантического поля вербализаторов концепта как способ описания концепта

Лингвокультурный концепт обладает набором вербализованных репрезентантов: лексем, свободных словосочетаний, фразеологизмов, предложений, текстов. Лексические единицы, вербализующие концепт, можно выделить из лексикографических источников, а затем посредством полевого структурирования систематизировать их семантику, построив **лексико-семантическое поле (ЛСП) вербализаторов концепта**.

Создание такого поля, изучение его структурных компонентов позволяют определить базовые концептуальные признаки и таким образом понять содержание концепта как ментально-вербального образования. Анализ поля вербализаторов концепта включает в себя определение количественного состава поля; выявление частеречной принадлежности входящих в него лексических единиц; анализ их распределения по ядерной и периферийной зонам поля; определение количественного состава и семантики единиц, синонимичных ключевой лексеме, являющейся именем концепта (номинативной плотности концепта); выявление семантической соотнесённости лексических единиц, составляющих периферию поля, с центральной точкой – именем концепта. Все эти приёмы позволяют выявить основные признаки концепта.

Важнейшим показателем актуальности концепта для носителей культуры является, по мнению Г. Г. Слышкина, номинативная плотность (термин В. И. Карасика), или культурная разработанность концепта (термин А. Вежбицкой). Номинативная плотность – это «детализация обозначаемого фрагмента реальности, наличие множества вариантов его обозначения и смысловых оттенков» [Слышкин, 2004, с. 54]. З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают на то, что высокая номинативная плотность концепта свидетельствует не только об актуальности осмысления какой-либо сферы действительности для конкретного сообщества, но и о древности соответствующего концепта, о его ценностной значимости, а также о коммуникативной релевантности концепта, то есть о необходимости обмениваться данной концептуальной информацией в конкретном социуме [Попова, 2007, с. 103].

Исследованию ЛСП были посвящены труды таких учёных, как Н. В. Артёмова [2000], Л. М. Васильев [1971], Ю. Н. Караулов [1972], В. Б. Тюрин [2017] и др. И хотя этот термин до сих пор не имеет однозначного толкования в лингвистике, большинство учёных выделяют следующие характеристики поля: ЛСП – это система связанных между собой семантических единиц; в центре ЛСП – ядерный элемент, связанный со всеми его компонентами; структура ЛСП состоит из ядра и периферии [Тюрин, 2017, с. 57].

В последние десятилетия в связи с развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в лексикологии сформировался взгляд на ЛСП как на фрагмент языковой картины мира, средство вербализации концепта, обладающего полевой структурой [Караулов 1976; Мильбрет 2014; Петренко, 2016; Попова, 2003; Потапова, 2020; Чарыкова, 2003]. Именно концептуальное поле лежит в основе поля семантического [Гольдберг, 2000, с. 9], то есть «содержательное ядро концепта коррелирует с семантикой лексических единиц, составляющих лексико-семантическое поле слова-имени концепта» [Булатникова, 2006, с. 22].

Семантическим полем лингвисты называют группировку языковых единиц, обладающих общим признаком. Как правило, таким объединяющим признаком является общая семантическая категория [Васильев, 1994, с. 133]. Строение поля, состав его компонентов определяются не только системно-языковыми параметрами, они обусловлены также экстралингвистическим фактором – той внеязыковой действительностью, в которой существует языковая коллектив, поэтому методом полевой структуризации лексических единиц можно раскрыть связь между языковыми явлениями и внеязыковой реальностью, выявить основные смысловые признаки, входящие в структуру исследуемого концепта [Булатникова, 2006, с. 23-25].

Поле вербализаторов концепта ЛОШАДЬ в русской языковой картине мира рассматривалось в работах Н. А. Илюхиной и Е. Н. Булатниковой. Е. Н. Булатникова в своём диссертационном исследовании, посвящённом концептам ЛОШАДЬ и АВТОМОБИЛЬ, выстраивает семантические поля слов-имён данных концептов. В каждом семантическом поле она выделяет ядерную часть и подполя, семантический анализ которых позволяет определить смысловые признаки концепта. Подполя выделяются в зависимости от значения единиц поля [Там же, с. 28].

Н. А. Илюхина в монографии «Образ в лексико-семантическом аспекте» использует термин ассоциативно-семантическое поле (АСП). Она выстраивает АСП «конь-лошадь» [Илюхина, 1998, с. 28-54]. По мнению учёного, в системе языка образ-концепт вербализуется единицами «ассоциативно-семантического поля, эксплицирующего специфические межсловные связи» [Илюхина, 2010, с. 68]. Такое поле представляет собой «семантическую парадигму, объединённую общим семантическим признаком – “конь”» [Там же, с. 68].

В ассоциативно-семантическое поле Н. А. Илюхина включает лексико-фразеологические средства, разнородные как с точки зрения структуры и частеречной принадлежности, так и с точки зрения семантики: лексемы, называющие «натурфакты (*конь*), артефакты (*узда*), человека (*всадник*),

абстрактные понятия (*аллюр*)» [Там же, с. 40-41]. Эти лексико-фразеологические средства объединены единством денотата – реалии, именуемой в многообразных её свойствах и связях [Там же, с. 53]. Такой реалией является конь. Лексико-фразеологические средства, образующие поле, исследователь дифференцирует по частеречному и, далее, семантическому принципам.

Н. А. Илюхина уточняет, что термин «ассоциативное», входящий в название поля, в данном использовании не отражает методику его создания, а указывает на его широкий состав [Там же, с. 64]. Термин «семантическое» указывает на наличие между словами собственно семантических связей.

В данной работе мы используем термин «лексико-семантическое поле», под которым понимаем широкое межчастеречное объединение слов с разной категориальной семантикой, объединённых общим денотатом, взятым в совокупности его свойств и типовых ситуативных связей. При таком понимании ЛСП, по нашему мнению, представляет собой языковую репрезентацию, языковую проекцию исследуемого концепта.

1.8 Концептуализация как процесс и результат формирования концептов

Формирование концепта как ментальной единицы происходит в процессе концептуализации. В лингвистике **концептуализация** рассматривается как классификационная деятельность человеческого сознания, процесс осмысления информации и порождения новых смыслов, ведущий к образованию концептов и концептуальной системы. Процесс концептуализации, в результате которого происходит выделение «минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» [Кубрякова, 2004, с. 93], надо отличать от процесса категоризации, направленного на систематизацию этих единиц.

Процесс концептуализации получает своё отражение в языке. Под языковой концептуализацией учёные понимают вербализацию знаний о

мире, получаемых человеком в процессе мыслительной деятельности, а также языковые механизмы интерпретации этих знаний [Волошина, 2010, с. 10]. По мнению А. Вежбицкой, языковая концептуализация – это приёмы семантического представления плана содержания лексических единиц [Вежбицкая, 1996, с. 238].

Л. А. Исаева выделяет типы объектов, которые могут подвергаться концептуализации, а также рассматривает сам механизм концептуализации. К объектам концептуализации исследователь относит элементы бытийной пресуппозиции (образы, типичные ситуации, ментальные установки и др.) и факты историко-культурного контекста (имена собственные, даты, пословицы, анекдоты, тексты и др.). Элементы бытийной пресуппозиции стереотипизируются, элементы историко-культурной пресуппозиции проходят процесс прецедентизации. Образующиеся в итоге стереотипы и прецедентные феномены в дальнейшем подвергаются концептуализации, то есть приобретают в языковом сознании нации устойчивые национально-культурные приращения, переходя в разряд концептов [Исаева, 2012, с. 59-60].

Многие лингвисты рассматривают концептуализацию не только как процесс, но и как результат данного процесса. У. Левелт под этим термином понимает результат процессов, происходящих в сознании человека и обеспечивающих продуцирование речи. К таким процессам он относит намерение, отбор и упорядочение информации [Холод, 2018, с. 175]. Л. А. Исаева и С. Г. Дрыга отмечают, что концептуализация – это и процесс структурирования знаний о мире в сознании человека, и результат этого процесса, когда понятия и репрезентирующие их языковые единицы получают приращённые значения, национально-культурные или индивидуально-авторские [Исаева, 2008, с. 12].

Вслед за Л. А. Исаевой и С. Г. Дрыгой, мы понимаем концептуализацию как процесс осмысления и структурирования информации об окружающем мире, а также как результат, итог такого процесса,

выражающийся в образовании концептов в коллективном и индивидуальном сознании. Под языковой концептуализацией мы понимаем языковую репрезентацию и структуризацию приобретаемых в процессе познавательной деятельности идей и представлений.

В нашем исследовании мы рассматриваем концептуализацию понятия «конь» прежде всего как результат одноимённого процесса в общекультурной ЯКМ и её региональном фрагменте – ЯКМ кубанского казачества. Другими словами, мы исследуем концептуализированное понятие, то есть концепт КОНЬ, включающий в себя понятийную, образную и оценочную составляющие. К изучению концептуализации как процесса мы обращаемся, когда рассматриваем путём лексикографического анализа происходящие с течением времени изменения в структуре данного концепта.

Выводы

1. Картина мира – это одно из главных понятий антропоцентрического направления в современной лингвистике. Концептуальная картина мира представляет собой совокупность представлений о мире, сложившихся в народном сознании в результате духовной деятельности народа.

Концептуальная система, запечатлённая в языковой форме, образует языковую картину мира. В языке закрепляется как общечеловеческий, так и национальный общественно-исторический опыт, поэтому ЯКМ представляет собой весь комплекс как универсальных, так и национально-специфичных представлений человека о мире, выраженных в языке.

2. Национальная ЯКМ поликомпонентна: она вбирает в себя различные формы существования языка народа. Фрагментом национальной ЯКМ является региональная ЯКМ, имеющая свою специфику в отображении мира, которая обусловлена условиями проживания, ценностными установками людей, а также характерными чертами региона как историко-культурной зоны. В широком смысле региональная ЯКМ представляет собой комплексное образование, включающее диалектный, литературный,

просторечный, жаргонный компоненты и представленное как в устных, так и в письменных текстах.

В узком смысле под региональной ЯКМ понимается совокупность зафиксированных в единицах территориального диалекта представлений о действительности носителей данного диалекта, объединённых территориально, культурно, экономически и исторически.

3. В основе концептуальной картины мира этноса лежит фольклорная картина мира. ФКМ выражает коллективное, общенародное восприятие действительности. Характерными чертам ФКМ являются её концептуальная организация, а также традиционность, идеальность, аксиологичность, символичность, семиотичность. ФКМ имеет жанровый характер.

Реконструировать ФКМ можно через анализ и осмысление фольклорных текстов, поскольку именно в них присутствуют концепты, определяющие миропонимание фольклорного коллектива и образующие специфическую фольклорную концептосферу. Фольклорно-языковая картина мира представляет собой фрагмент ФКМ, эксплицированный в языке фольклора. Язык русского фольклора является художественной разновидностью диалекта, поэтому ФЯКМ является компонентом репрезентированной в единицах диалекта региональной ЯКМ.

4. Субстратом картины мира является концепт. Лингвокогнитологи трактуют концепт как единицу мыслительной деятельности человека. Концепты могут быть вербализованы или не вербализованы средствами языка. Концепты вербализуются языковыми единицами разных уровней, но наиболее информативным является лексический уровень языка.

Лингвокультурологи делают акцент на культурной значимости концепта, который они понимают как выраженный средствами языка культурный смысл. В составе концепта выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты. Понятийная составляющая концепта – это его обозначение, дефиниция, описание. Образный компонент формируется перцептивными (зрительными, звуковыми, тактильными, обонятельными,

вкусовыми) и образными признаками. Образные признаки возникают на основе метафорического переосмысления предмета концептуализации и создают метафорический образ. Важнейшей составляющей лингвокультурного концепта является ценностный компонент, включающий в себя актуальность и оценочность. Наиболее значимые показатели актуальности – это номинативная плотность (количество вариантов обозначения концепта) и метафорическая диффузность (способность концепта служить источником вторичной номинации, обогащая содержание других концептов).

5. Не только для каждого национального языка, но и для диалекта как его разновидности характерно возникновение этнокультурных коннотаций, поэтому культурные концепты могут обладать региональными особенностями, которые выражаются в уточнении существенных признаков концепта. Концепт ЛОШАДЬ (КОНЬ) является объектом изучения в лингвокультурах разных народов. В данной работе он рассматривается как общерусский концепт, обладающий региональной спецификой (регионально-специфичный концепт) в ЯКМ кубанского казачества как отдельного субэтноса русского народа.

6. Фольклорный концепт представляет собой разновидность регионально-специфичного концепта. Фольклорный концепт отображается в языке фольклора и обладает своими особенностями. Он отражает коллективные установки и образы, аксиологически однолинеен, является ментальной структурой хранения и передачи традиционных культурных смыслов. Понятийный элемент фольклорного и одноимённого регионально-специфичного концептов часто совпадает, а образная и оценочная составляющие могут иметь свои особенности.

7. Материалом данного исследования послужили единицы лексико-фразеологической системы русского языка и кубанского диалекта как одной из его составляющих. Несмотря на неоднородность кубанских говоров с южнорусской и с украинской языковой основой, они имеют общекубанский

лексико-фразеологический пласт, что позволяет говорить о монодиалектной лексической системе кубанских говоров. Фразеология в работе понимается широко: пословицы и поговорки включаются в состав фразеологических единиц. Материалом исследования послужили и тексты народных песен. Песни линейных и черноморских казаков рассматриваются в работе как единый корпус кубанских казачьих песен, сложившийся в результате фольклорной диффузии, которая происходила на Кубани под влиянием внеязыковых факторов.

Анализ указанного материала способен дать представление о лингвокультурной общности и региональных особенностях концептуализации понятия «конь» в ЯКМ кубанского казачества.

8. За основу методики концептуального анализа, примененной в данном исследовании, была взята методика описания концепта Волгоградской школы концептуальных исследований (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин и др.), доработанная с учетом анализа регионально-специфичного концепта. Изучение регионально-специфичного концепта предполагает реализацию следующих этапов: определение имени концепта; словарную характеристику базовых репрезентантов концепта; создание и анализ лексико-семантического поля вербализаторов концепта, которое включает общерусский и региональный компоненты; изучение общерусских и региональных фразеологических контекстов, содержащих элементы поля вербализаторов; анализ региональных фольклорных песенных текстов с элементами поля. Эти этапы составляют основу методики анализа регионально-специфичного концепта, цель которой заключается в выявлении этноспецифических признаков понятийного, образного и ценностного компонентов национально-культурного концепта, детерминированных региональными особенностями.

9. Лексема, являющаяся именем концепта, должна быть общеизвестной, частотной в речи, стилистически нейтральной, значимостной для носителей языка. Концепт КОНЬ является концептом, в котором

региональная специфика проявляется уже на уровне имени концепта: в языковой картине мира русского народа это лексема *лошадь*, в региональной языковой картине мира кубанского казачества доминирует слово *конь*.

10. Лингвокультурный концепт имеет набор своих вербализованных репрезентантов, или вербализаторов: лексем, фразеологических единиц, свободных словосочетаний, предложений и целых текстов. Одним из важных этапов исследования концепта является создание ЛСП его вербализаторов. Вербализующие концепт лексические единицы можно систематизировать путём полевого структурирования, создав ЛСП вербализаторов концепта – широкое межчастеречное объединение слов с разной категориальной семантикой, объединённых единством денотата, взятого в совокупности его свойств и типовых ситуативных связей.

Выделенные из толковых словарей лексические единицы, образующие лексико-семантическое поле вербализаторов концепта, реализуясь в речи, входят в состав различных по объёму и содержанию текстов, в том числе региональных, где компоненты поля вербализаторов контекстуально обусловлены, при этом семантика слов-репрезентантов концепта обогащается, что составляет основу дополнительных образных и ценностных концептуализаций, которые и создают региональную специфику концепта. В данном исследовании изучались фразеологические микротексты и тексты народных песен.

11. Формирование концепта как ментальной единицы происходит в процессе концептуализации – классификационной деятельности человеческого сознания, ведущей к образованию концептов и концептуальной системы. Процесс концептуализации получает своё отражение в языке. Языковая концептуализация представляет собой языковую репрезентацию и структуризацию приобретаемых в процессе познавательной деятельности идей и представлений. К объектам концептуализации относятся элементы бытийной пресуппозиции и факты историко-культурного контекста.

Концептуализация – это не только процесс осмысления информации об окружающем мире, но и результат такого процесса, выражающийся в образовании концептов в коллективном и индивидуальном сознании.

В данном исследовании концептуализация понятия «конь» рассматривается, прежде всего, как результат одноимённого процесса в общерусской ЯКМ и её региональном фрагменте – ЯКМ кубанского казачества.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЛОШАДЬ* В ОБЩЕРУССКОЙ ЯКМ И КОНЦЕПТА *КОНЬ* В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯКМ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

2.1 Словарная характеристика базовых репрезентантов концепта – лексем *лошадь* и *конь*

Описание концепта предполагает изучение этимологии и толкования ключевых слов концепта, анализ их словообразовательных гнезд, а также парадигматических и синтагматических связей на материале различных словарей русского языка, поэтому важным методом исследования концепта считается метод лексикографического описания основных репрезентантов концепта.

Дадим сопоставительную характеристику ключевых слов исследуемого концепта на материале наиболее авторитетных в русской и советской лексикографии словарей.

2.1.1 Лексическая репрезентация концепта *ЛОШАДЬ* в этимологических и толковых словарях русского языка

Одним из активно применяемых приемов концептуального исследования признается анализ представленных в словарях толкований слов-репрезентантов концепта [Крючкова, 2004, с. 271; Хорошунова, 2001, с. 130], поскольку существует мнение, что «идеальная сущность концепта ‘улавливается’ словом и дублируется в его определении» [Бабушкин, 2001, с. 53-54]. Рассмотрим лексико-семантическое наполнение концепта *ЛОШАДЬ* на материале этимологических и толковых словарей русского языка: покажем понятийные и образные признаки концепта, выявим сходства и различия в семантике ключевых слов концепта, определим их оценочную составляющую.

С целью установления этимологии интересующих нас слов обратимся к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера,

«Этимологическому словарю русского языка» А. Г. Преображенского, «Историко-этимологическому словарю» П. Я. Черных и «Краткому этимологическому словарю» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. Словарные данные свидетельствуют, что слово *лошадь* представляет собой древнерусское производное от тюркского *алаша*, то есть «лошадь, мерин» [Шанский, 1971, с. 247], значит, можно предположить, что эта лексема вошла в состав языка позже слова *конь*, которое является общеславянским. В словаре П. Я. Черных находим пояснение, что в других славянских языках, в том числе в украинском, лексема *лошадь* отсутствует, ей соответствует слово *конь*, но корень *лош-* является составной частью некоторых лексем [Черных, 1999, с. 493].

Данные этимологических словарей указывают на то, что слово *конь* имеет неясное происхождение. Ученые предполагают, что это слово восходит к индоевропейскому корню *kob-* (ср.: *kobyła*) и является общеславянским [Шанский, 1971, с. 210]. П. Я. Черных прямо указывает, что название мужской особи лошади – *конь* – является производным от названия женской особи – *кобыла*, хотя и допускает возможность образования этого слова от общеславянского глагола *kovati*, так как бытует мнение, что славяне с давних пор подковывали своих коней [Черных, 1999, с. 426]. В связи с этим можно высказать предположение, что первоначально слово *конь* имело значение «подкованное животное». У М. Фасмера и А. Г. Преображенского находим и другую версию, что слово *конь* может происходить от глагола *skopiti*, в таком случае оно означало кастрированного жеребца [Преображенский, 1910, с. 348; Фасмер, 1986, с. 316].

Проведенное сопоставление позволяет сделать вывод, что лексема *конь* имеет общеславянское происхождение. Ее исходное значение могло включать следующие семантические варианты: «подкованное животное», «самец кобылы», «кастрированный жеребец», тогда как слово *лошадь*, тюркское по происхождению, первоначально имело значение «лошадь вообще» или «кастрированный жеребец».

Следующим этапом изучения лексической семантики слов *лошадь* и *конь* стало обращение в наиболее авторитетным толковым словарям, таким как «Словарь русского языка XI-XVII вв.» (далее – Сл. РЯ XI-XVII вв.), «Словарь русского языка XVIII века» (далее – Сл. РЯ XVIII в.), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (далее – Словарь Даля), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, или Малый академический словарь (далее – МАС), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее – Словарь Ожегова), «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой (далее – Словарь Ефремовой).

Детальный лексико-семантический анализ словарных статей, представляющих значения слова *лошадь* в этих лексикографических изданиях, позволяет утверждать, что данная лексема является полисемантом. Только в Словаре Ефремовой все лексико-семантические варианты (ЛСВ) данного слова даются в разных словарных статьях, то есть как омонимы (см. табл. 1 Приложения 1).

Заметим, что первый и главный ЛСВ слова обычно толкуется либо посредством родового наименования *животное*, либо с помощью синонима *конь* и содержит описание таких свойств этого животного, как принадлежность к биологическому отряду непарнокопытных (Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой) и семейству лошадиных (Словарь Ожегова); отмечается также размер животного (Сл. РЯ XVIII в., МАС, Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой); степень его прирученности человеком (Сл. РЯ XVIII в., Словарь Ушакова, МАС, Словарь Ефремовой; в Словаре Даля эту сему актуализирует ЛСВ 4); может быть указана порода (Сл. РЯ XI-XVII вв.); как правило, определяется назначение животного в жизни человека (Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в., Словарь Ушакова, МАС, Словарь Ефремовой; в Словаре Даля данное значение имеет ЛСВ 3). Как отмечают исследователи, значительное число определений, представленных в толковых

словарях и «указывающих на способ использования лошади, говорит о преобладании функционально-ориентированного взгляда человека на это животное» [Булатникова, 2006, с. 26]: лошадь может быть верховым, боевым животным (*верховая, кавалерийская*), но его главная функция – выполнения каких-либо хозяйственных работ (*ездовая, пахотная, рабочая, вьючная* и т.д.). Семантический компонент 'работа' настолько органичен в семантике этого слова, что является ключевым и во многих фразеологизмах, иллюстрирующих значения лексемы в толковых словарях: «он работает как лошадь, т.е. усердно» [Даль, 1881, т. 2, с. 274], «ломовая лошадь – о том, кто работает тяжело, много», «рабочая лошадка – о трудолюбивом человеке, безотказном работнике» [Ожегов, 1994, с. 325-326]. В Словаре Ефремовой особо выделенное значение «тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других» имеет третий омоним. По мнению Е. Н. Булатниковой, в самом «системно-языковом значении слова *лошадь*... содержится имплицитный признак 'работа' и его конкретизатор 'тяжелая', и именно по этому признаку «слово *лошадь* противопоставлено своему семантическому корреляту *конь*» [Булатникова, 2006, с. 26-27].

Примечательно, что сема 'пол', которая явно выражена в лексической семантике слова *конь*, в структуре значения слова *лошадь* вовсе отсутствует: лошадей именуют и самца, и самку животного. Лишь в Словаре Даля, кроме ЛСВ 1, имеющего значение «конь вообще», выделен ЛСВ 2, косвенно реализующий сему 'пол', поскольку обозначает мерина, то есть кастрированного жеребца.

В Сл. РЯ XVIII в. как стилистически отмеченный (простореч. бран.) и обладающий негативной эмоциональной оценочностью вариант ЛСВ 1 показано употребление слова *лошадь* для именованья нерасторопного, глуповатого человека. В Словаре Ефремовой это значение дается как ЛСВ 2 второго омонима. Еще одно переносное (по метафорическому типу) употребление слова показано в Словаре Ожегова как стилистически маркированная (разг. неодобр.) и отрицательно окрашенная характеристика

лица женского пола: «Ну и лошадь эта баба». Такое же значение выделено в Словаре Ефремовой как ЛСВ 1 второго омонима.

Остальные значения слова *лошадь*, отмеченные в словарях, показаны как дериваты от варианта с категориальной семой 'лошадь вообще, животное'. Интересно отметить, что в Сл. РЯ XI-XVII вв. зафиксирован ЛСВ 2 с ключевой семой 'игрушка', не встречающийся в более поздних словарях. Видимо, это значение устарело, и слово с ним вышло из употребления. Та же динамика выхода из употребления прослеживается и у ЛСВ 2 и ЛСВ 5 с ключевой семой 'бегемот', представленных соответственно в Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Даля и отсутствующих в словарях более позднего времени.

В Сл. РЯ XI-XVII вв. и в Сл. РЯ XVIII в. ЛСВ 3 толкуется как «спортивный снаряд (конь)». В Словаре Ушакова у существительного *лошадь* в форме множественного числа находим значение «конный экипаж» (ЛСВ 2), возникшее на основе метонимии и отсутствующее у леммы *конь*. Это же значение дается в МАСе как употребление ЛСВ 1.

Далее покажем отражение в толковых словарях семантической структуры слова *конь*. Детальное изучение материалов толковых словарей показывает, что слово *конь*, как и слово *лошадь*, – полисемант. Как и в случае с лексемой *лошадь*, только в Словаре Ефремовой лексическая семантика этой единицы представлена по-особому: все ЛСВ слова *конь* даны здесь как омонимы.

Общий ЛСВ, который выделяют в структуре леммы все словари, содержит ключевую сему 'лошадь, животное' (см. табл. 2 Приложения 1).

Объяснение значения этого первичного непроемного лексико-семантического варианта во всех привлеченных лексикографических источниках осуществляется посредством синонима *лошадь* или с помощью родового понятия *непарнокопытное животное*. Исключение составляет словарная статья Сл. РЯ XI-XVII вв., где как «лошадь вообще» толкуется оттенок второго ЛСВ, обозначающего боевого коня. Поскольку при создании

словарной статьи авторы толкового словаря, как правило, на первом месте располагают «наиболее употребительный вариант» [МАС, 1985, т. 1, с. 7], то логично предположить, что для носителей древнерусского языка слово *конь* прежде всего означало строевое животное.

Второй по значимости семантический элемент, отмеченный в толковании значений слова *конь* всеми словарями (отсутствует лишь в словаре Ушакова) актуализирует сему 'пол'. Почти во всех словарях эта сема выделяется как дифференцирующая в структуре ЛСВ с категориальной семой 'лошадь'. Примечательно также, что Сл. РЯ XI-XVII вв. и Словарь Даля в семантике слова *конь* вычленяют особые ЛСВ, обозначающие самца лошади.

Следующим общим признаком, отмеченным в семантике слова *конь*, является назначение животного. В Сл. РЯ XI-XVII вв. выделен специальный ЛСВ 2, обозначающий боевого коня. Словарь Ушакова и МАС указывают на боевое назначение коня с помощью помет к первому лексико-семантическому варианту (*воен.* (Словарь Ушакова); *в речи военных* (МАС)); иллюстраций («Боевой конь» (МАС)); устойчивых сочетаний «На конь (*воен.*)» (Словарь Ушакова), «На конь (*устар.*); по коням» (МАС)). Таким же образом, не в толковании значения, а через примеры к ЛСВ 1, Сл. РЯ XVIII в. отмечает как боевое, так и рабочее назначение коня: «Прапорщик без... позволения на конь никогда не садится»; «Вышед из кареты, увидел запряжённую четырьмя конями коляску, скачущую во весь мах». Этот же косвенный способ актуализации семы 'боевой конь' находим и в Словаре Ожегова, в примерах к ЛСВ 1: «Боевой конь. По коням! (кавалерийская команда)». У В. И. Даля в толковании 4-го значения слова *конь* используется сочетание «верховая лошадь». В этом толковании указана более широкая сфера применения коня – не только в армии, но и для верховой езды вообще. Однако в иллюстрации к этому значению здесь все же актуализируется сема 'боевой конь': «Конь воина обнюхивает – убитым быть». И только Словарь Ефремовой, представляющий словарный фонд рубежа XX – XXI вв., считает

приоритетным рабочим назначением коня: «животное, используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах». Можно предположить, что такое изменение в структуре словарной статьи отражает перемены, привносимые в нашу жизнь техническим прогрессом: боевых коней в современной армии окончательно вытеснила военная техника. Но тот факт, что толковые словари современного русского языка все же фиксируют присутствие в структуре полисемантического слова *конь* семы 'боевой', подтверждает закреплённость в национальном языковом сознании представления о военном применении этого животного.

Уникальная сема 'мифологический конь' актуализирована в качестве употребления при ЛСВ 1 в Сл. РЯ XVIII в.: «О мифологическом, сказочном крылатом коне».

В Словаре Даля обращает на себя внимание указание на территориальное ограничение в распространении слова *конь* в значении «лошадь, животное», в частности, отмечается, что на юге, на севере и в Сибири слово *конь* используется чаще, чем слово *лошадь*. Словарь Ушакова сопровождает значения этого слова стилистическими пометами, ограничивающими сферу его употребления торжественной или поэтической речью, профессиональным общением военных. В МАСе тоже стилистически маркируется употребление слова *конь*: в поэтической речи, в речи военных или коневодов.

Лексико-семантический анализ материалов толковых словарей позволяет сделать вывод, что под словом *конь* привлечённые лексикографические издания подразумевают самца лошади; верховую лошадь, применявшуюся преимущественно при проведении боевых действий. Словари указывают также на стилистическую ограниченность употребления слова *конь*. Изучение значения слова в динамике показывает, что в XI-XIX вв. семантика слова *конь* была более широкой, чем у современной лексемы: Сл. РЯ XI-XVII вв. и Словарь Даля выделяют у слова *конь* соответственно три и четыре ЛСВ с ключевой семой 'лошадь, животное',

которые в словарях более позднего времени объединились, утратив такой важный в прошлом отличительный признак лексического значения слова, как порода. В словарях XX – XXI вв. уже не отмечены и положительные коннотации слова *конь* (ср.: в Словаре Даля ЛСВ 2: «лошадь добрая, не кляча»). Возможно, это связано с историческим снижением роли коня в жизни человека. В связи с развитием техники люди с течением времени постепенно заменяли в своей мирной и военной жизни живого коня машинами различного назначения. Это постепенно привело к тому, что большая часть носителей языка утратила потребность в этом животном и связь с ним, потому и «словесно-семантический мир» соответствующего концепта начал сужаться и все более устаревать.

Вторичные ЛСВ рассматриваемого слова даются в толковых словарях как производные от основного значения с ключевой семой 'лошадь, животное'. Они были образованы путём метафорического переноса по внешнему сходству или по конфигурации сравниваемого предмета с конём. Примером тому служит лексико-семантический вариант «шахматная фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее», входящий в структуру полисеманта *конь* во всех словарях (в Словаре Ефремовой – слово-омоним).

В исторических толковых словарях, а именно в Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Даля присутствует еще один лексико-семантический вариант с ключевой семой 'водяное животное'. Однако в словарях, отражающих лексику более позднего времени, этот ЛСВ отсутствует.

В тех же трёх исторических словарях (Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в., Словаре Даля) отмечается ЛСВ со значением «брус, идущий по гребню крыши». А в Словаре Ефремовой, последнем по времени издания из семи сопоставляемых, это значение зафиксировано у одного из омонимов слова *конь*. Кроме того, в Сл. РЯ XVIII в. и в Словаре Ефремовой конём названо и «резное украшение – иногда в виде конской головы – на гребне крыши».

Как вариант употребления ЛСВ 1 даётся в Сл. РЯ XVIII в. также толкование: «О детской игрушке». А в Словаре Ушакова этот пример употребления оформлен как самостоятельный ЛСВ 2 с толкованием «детская игрушка, изображающая лошадь». Характерно, что в более поздних словарях этот вариант не зафиксирован.

Уникальной можно считать и сему 'волшебный конь', которая является ключевой для стилистически отмеченного (тул. и др.) лексико-семантического варианта 7 *конь-камень*, выделенного в Словаре Даля и обозначающего камень, «стоящий от природы или на могиле, кургане на ребро, стоймя; ... камень по ночам, обращаясь в коня, скачет тяжким топотом по полям и ржёт». Так словарь отражает народные представления о волшебных конях, олицетворяющих тучи (именно с конями-тучами связаны предания о кладах, которые могли являться в образе коня) [Афанасьев, 2005, с. 200].

В тех словарях, что описывают лексику второй половины XX – XXI вв. (МАС, Словарь Ожегова, Словарь Ефремовой), появляется новый семантический вариант слова *конь* (в Словаре Ефремовой – омоним), образованный путём метафорического переноса имени по сходству конфигурации сравниваемых предметов и означающий «гимнастический снаряд». Напомним, что такое же значение «спортивный снаряд (конь)» зафиксировано гораздо ранее в словарных статьях Сл. РЯ XI-XVII вв. и Сл. РЯ XVIII в. при толковании синонимичного имени данного концепта – *лошадь*, в связи с чем семантическим неологизмом XX века этот вариант считать, видимо, неправомерно.

Итак, сопоставительный лексико-семантический анализ слов *конь* и *лошадь*, выполненный по материалам этимологических и толковых словарей русского языка с целью обнаружения общеязыковой лексической семантики основных имен концепта ЛОШАДЬ, являющегося значимой константой картины русскоязычного мира, дает возможность выявить общее и различное в значении и коннотациях данных слов. Согласно словарным данным,

лексемы *конь* и *лошадь* являются синонимами, которые допускают взаимозамену, но при этом имеют и некоторые различия в семантической структуре: лексема *конь* обозначает животное, используемое прежде всего в боевых действиях; в слове *лошадь* основной можно считать сему 'рабочее животное'. Следует отметить также, что слово *конь*, в отличие от слова *лошадь*, имеет преимущественно положительную эмоциональную оценочность и чаще используется в книжных стилях речи.

В лексикографических источниках, описывающих семантику слов *конь* и *лошадь*, выделяются следующие составляющие понятийного компонента концепта ЛОШАДЬ: «лошадь вообще», «рабочая лошадь», «боевой конь», «животное для верховой езды», «домашнее животное», «жеребец», «дикое животное», «мифологическое, сказочное животное».

Наличие у лексем *лошадь* и *конь* различных производных значений и употреблений, зафиксированных в словарях («водяное животное», «детская игрушка», «гимнастический снаряд», «конь-камень», «шахматная фигура», «верхний брус кровли»), свидетельствует о коммуникативной востребованности основных наименований исследуемого концепта, что, в свою очередь, указывает на высокую степень значимости данного концепта для русской языковой КМ. Отмеченная в Словаре Ефремовой омонимия производящих значений слов *конь* и *лошадь* и их семантических дериватов говорит о том, что в современном языковом сознании они уже достаточно далеко отошли друг от друга.

2.1.2 Словообразовательные возможности лексем *лошадь* и *конь*

В современной лингвистике словообразовательный акт сопоставляется с оценочным суждением, потому что и в процессе словообразовательного акта, и в процессе оценочного суждения дается квалификация и оценка явлений окружающего мира, поэтому словообразование дает «возможность для концептуальной интерпретации действительности» [Вендина, 1998, с. 8-9].

Обратимся к материалу «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова (в дальнейшем – Словарь Тихонова) и проанализируем сначала более объемное словообразовательное гнездо – гнездо лексемы *конь*. Оно включает большое число дериватов – 86 единиц – производных 1, 2, 3 и 4 ступеней [Тихонов, 1985, с. 468-469]. Большинство дериватов относится к нейтральной лексике (*конский, конюшня, коневодство*), но есть и стилистически окрашенные лексемы: устаревшие (*конюший I,2, прил.* (связанный с конюхом), *конюший II, сущ.* (главный конюх), *подконюший, конка* (городская железная дорога с конной тягой), *коноводка* (большая барка, приводимая в движение конной тягой), *конножелезка* (конножелезная дорога; конка), *коновал*), диалектные (*коник II* (лавка, скамья в крестьянской избе), *коневий*), просторечные (*коняга, коняка*), разговорные (*коновод II* (вожак), *коноводка II* (женск. к сущ.: коновод), *конюшить, конюшничать*), оценочные (*коник I, чудо-конь, конишка*). Необходимо отметить и большое число сложных слов (55 из 86).

Самым продуктивным является образование от основы *кон-* имён существительных (52 слова). Большинство существительных-дериватов обозначает субъекта-человека и характеризует его по тем действиям, которые он совершает в отношении объекта-коня. Эти существительные обладают в гораздо большей степени не предметным, а признаковым значением, которое в языке выражается обычно такими частями речи, как глаголы, прилагательные и наречия. В семантике этих существительных «отражаются действия, состояния, процессы – отношения, подпадающие под логическую категорию – “признак”» [Уфимцева, 1986, с. 135], они называют человека по виду деятельности, связанной с лошадьми (чаще – человека, ухаживающего за лошадьми): *конюх, конюший II, сущ., подконюший, конепас, коновал, коневод, коннозаводчик, конник* (человек, занимающийся конным спортом), *коногон, конокрад*. Существительное *конокрад* имплицитно также сему отрицательной оценки, так как в сознании носителей языка присвоение чужих коней, как и вообще чужого имущества, преступно. К группе

признаковых существительных относится и значительное число дериватов, называющих человека или множество людей как одно целое, несущих военную службу на конях (7): *конник I* (конный воин, кавалерист, всадник), *конный II*, *сущ.* (всадник, конник), *конногвардеец*, *конармеец*, *коновод I* (присматривающий за лошадьми в военных отрядах), *конная I*, *сущ.* (конная армия, конница), *конармия*. Широкий диапазон этих существительных, а также прилагательных со значением «относящийся к воину-кавалеристу или к кавалерии» (*конногвардейский*, *конармейский*, *конноартиллерийский*, *легкоконный*, *худоконный*) указывает на то, что в языковом сознании русского человека закрепилось представление о том, что конь – животное, предназначенное прежде всего для военной службы.

Среди признаковых существительных-дериватов словообразовательного гнезда слова *конь* есть такие, которые образованы от относительных прилагательных путём субстантивации, «опредмечивания признака» [Там же, с. 119] (*конная I*, *сущ.*, *конная II*, *сущ.* (конная площадь, ярмарка), *конюший II*, *сущ.*, *конный II*, *сущ.*). А. А. Уфимцева называет их именами предметной признаковости [Там же].

Другие существительные-дериваты обладают предметным значением и выполняют номинативную функцию. Они могут называть коня или множество коней: *коник I*, *конюшонок*, *коншика*, *коняга*, *коняка*, *конематка*, *чудо-конь*, *конепоголовье* (последнее существительное является собирательным и называет множество животных как одно целое), мясо лошади (*конина*); место содержания, разведения или продажи коней (*коновязь*, *конюшня*, *конзавод*, *конезавод*, *конесовхоз*, *конеферма*, *конная II*); устройства или транспортные средства, приводимые в движение лошадьми (*конка*, *двуконка*, *конножелезка*, *коноводка*). Существительные с абстрактным значением называют сферу человеческой деятельности, связанной с разведением коней или уходом за ними: *коннозаводство*, *коневодство*, *коновальство*.

В словообразовательном гнезде присутствуют и семантические дериваты-существительные, образовавшиеся в процессе метафоризации дериватов слова *конь*, когда денотат сдвигается на основе внешнего сходства: *конёк I* (брусна гребне кровли или украшение на его конце), *коник II, обл.* (лавка, скамья в крестьянской избе), *конь-качалка, конь-рыба*; на основе переноса свойств: *конёк II* (стальной полоз для катания на льду), *коновод II* (зачинщик, вожак, руководитель в каком-либо деле).

Образование прилагательных от основы *кон-* тоже достаточно продуктивно – 29 единиц. Прилагательные-дериваты обозначают различные признаки: «свойственный коню» (*конский, коневий*), «относящийся к коню» (*конный I, прил.*), «относящийся к человеку, связанному по роду деятельности с конём, в том числе с боевым конем» (*конюший I.2, прил., коновальский, конармейский, конногвардейский, конноартиллерийский, легкоконный, художонный*), «относящийся к месту содержания коней» (*конюший I.1, прил., конюшенный*), «относящийся к коневодству» (*коннозаводский, коннозаводской, коннозаводческий, коневодческий, коновальный*), «приводимый в движение лошадьми» (*конномашинный, коннопрокатный, конно-ручной, машинно-конный, одноконный, двуконный, пароконный*), «относящийся к транспортным средствам, приводимым в движение лошадьми» (*коночный, конножелезный*).

В словообразовательное гнездо лексемы *конь* входят также наречие (*двуконь*) и глаголы, образованные от существительных, имеющих признаковое значение (*конюшничать, коновалить, коноводить I, коноводить II*).

Таким образом, от слова *конь*, которое является конкретным существительным, имеющим предметное значение и выполняющим номинативную функцию, образуются существительные, имеющие предметные, абстрактные и признаковые значения, и «признаковые имена» [Уфимцева, 1986, с.134]: прилагательные, наречия, глаголы. Имеет место

также и семантическая деривация. Всё это свидетельствует о больших словообразовательных возможностях лексемы *конь*.

Словообразовательное гнездо лексемы *лошадь* значительно меньше, чем лексемы *конь* – 26 производных 1 и 2 ступеней [Тихонов, 1985, с. 555]. 50 % дериватов относится к нейтральной лексике (*лошадиные, сущ., лошадность, обезлошадение I, II* и др.). 50 % дериватов стилистически маркировано: к разговорной лексике относятся слова *лошадёнка, лошадища, лошадник, лошадица, лошадный II, сущ., обезлошадеть I, 2*, а также лексико-семантический вариант 2 прилагательного *лошадиный* (очень крепкий). Глагол *обезлошадить I* отмечен как просторечный [Ефремова, 2006, т. 2, с. 370]. К южнорусскому диалекту относится дериват *лошонок* («жеребёнок» [Даль, 1881, т. 2, с. 275]). Словообразовательный вариант *лошадушка* принадлежит к народно-поэтическому пласту лексики [Ефремова, 2006, т. 1, с. 1153].

Сложных слов в словообразовательном гнезде лексемы *лошадь* значительно меньше (4), чем в словообразовательном гнезде лексемы *конь* (55).

Самым продуктивным является образование от основы *лошад-* (как и от основы *кон-*) имён существительных (14 слов). Часть словообразовательных вариантов называют лошадь или совокупность животных и обладают предметным значением: *лошадка, лошадушка, лошадёнка, лошадища, лошонок, лошадиные (сущ.)*. Последнее существительное образовано путём субстантивации прилагательного и обозначает название семейства однокопытных млекопитающих.

Большинство дериватов-существительных обладает признаковым значением и обозначает субъекта-человека по отношению к объекту-лошади. Но если дериваты слова *конь* называют человека по профессиям, связанным с конями, то лишь один дериват слова *лошадь, лошадник* (ЛСВ 2), обозначает профессию – «торговец лошадьми» [МАС, 1986, т. 2, с. 202]. Словообразовательные варианты со значением «военный человек,

кавалерист» отсутствуют. Дериваты слова *лошадь* обозначают любителя лошадей (*лошадник* (ЛСВ 1), *лошадница*) или актуализируют сему 'наличие / отсутствие лошади' (*лошадный II*, *сущ.*, *безлошадник I*, *лошадность*, *обезлошадение I*, *обезлошадение II*). Сема 'наличие / отсутствие лошади' актуализируется также некоторыми дериватами-прилагательными (*лошадный I*, *прил.*, *безлошадный*) и всеми дериватами-глаголами (*обезлошадеть I*, *обезлошадеть 2*, *обезлошадить I*, *обезлошадить 2*). Данная сема отсутствует в семантической структуре дериватов слова *конь*. Необходимо отметить, что в последние десятилетия в семантику слов *безлошадный* и *безлошадник* входит новый признак – «не имеющий автомобиля», который «отражает ассоциативно-метафорическую связь лошадь – автомобиль» [Булатникова, 2006, с. 166].

Другие прилагательные и наречие, образованные от слова *лошадь*, как и некоторые прилагательные-дериваты слова *конь*, имеют значение «относящийся к лошади» (*лошадный*, *по-лошадному*), «имеющий лошадей» (*однолошадный*, *двухлошадный*, *малолошадный*, *многолошадный*).

Иллюстративный материал, представленный в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, дополняет словообразовательные гнезда лексем *конь* и *лошадь*. Как и в Словаре Тихонова, дериватов лексемы *конь* здесь зафиксировано значительно больше, чем дериватов лексемы *лошадь*. У обеих лексем расширяется число дериватов-существительных, обозначающих животное (*конища*, *коня*, *коняшка*, *лошадочка*, *лошаденочка*, *лоша*, *лошачонок*), мясо животного (*коневина*, *конятина*, *лошадина*) или обозначающих человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми (*коноводец*, *конекладчик*, *коневор*, *лошевод* и др.), но только у лексемы *конь* отмечены дериваты, называющие такую деятельность (*конепаства*, *конепастьба*, *конеристанье* (спортивные соревнования), *конеристательство* и др.). Значение «кавалерист» также имеют только словообразовательные варианты с корнем *кон-* (*конязь*, *коннопионер*). В Словаре Даля представлены отсутствующие в Словаре Тихонова единицы, которые обозначают

различные растения: *конечки*, *коневник*, *конекровка*, *конехвост*, *коновальчик*, *лошадинник*, *лошачница* и др.

В иллюстративном материале Словаря Даля расширяется и число дериватов-прилагательных (*коневатый*, *конястый*, *конепасный*, *конеристалищный*, *коноводственный*, *лошаков* и др.), в том числе дериватов с корнем *кон-*, обозначающих «относящийся к боевым коням, к кавалерии» (*конничный*, *коннический*, *коннопионерский*, *коннопеший*). Помимо указанных словообразовательных вариантов, в Словаре Даля зафиксированы диалектные и устаревшие на момент его создания единицы.

Исследованный материал свидетельствует о том, что число однокоренных образований слова *конь* в 3,7 раза больше (учитывая данные Словаря Даля и Словаря Тихонова, словообразовательное гнездо этой лексемы включает 143 деривата), чем слова *лошадь* (39 дериватов), а их семантическое разнообразие шире. Если предположить, что лексема *лошадь* пришла в русский язык из тюркских языков позже общеславянского слова *конь*, то, возможно, почти вся необходимая языку семантика, связанная со словом *конь*, уже была «покрыта» дериватами этой лексемы. Словообразовательные варианты лексемы *лошадь* заняли в русском языке свою нишу: некоторые из них стали синонимами дериватов слова *конь*, другие реализовали семы, отсутствующие в лексическом значении производных этого слова.

Анализ словообразовательных гнезд ключевых слов концепта ЛОШАДЬ – лексем *лошадь* и *конь* – позволяет сделать вывод об антропоцентричности данного концепта: входящие в состав этих гнезд лексемы либо называют животное, его признаки через призму восприятия его человеком, либо характеризуют связанную с этим животным деятельность человека.

Кроме того, на основе данного анализа можно сформулировать понятийные признаки концепта в русской ЯКМ: лошадь / конь – это домашнее животное; рабочее животное; боевое животное; животное,

требующее ухода; животное, предназначенное для спортивных соревнований; часть своего / чужого мира.

Изучение дериватов лексем *лошадь* и *конь* позволяет охарактеризовать и ценностный компонент концепта ЛОШАДЬ. Семантическая структура ряда производных его базовых репрезентантов содержит сему положительной или отрицательной оценки (*коник I, конишка, лошадка, лошадушка, лошадёнка*). Наличие семантических дериватов у слова *конь* свидетельствует о метафорической диффузности, а значит, актуальности концепта. Словообразовательные возможности ключевых слов концепта – лексем *лошадь* и *конь* – достаточно велики, что также указывает на актуальность данного концепта в языковом сознании русского народа.

2.1.3 Сочетаемость лексем *лошадь* и *конь* в лексикографических источниках

Анализ лексического уровня языковой экспликации концепта ЛОШАДЬ предполагает изучение сочетаемости базовых репрезентантов данного концепта – лексем *лошадь* и *конь*. Для этого обратимся к толковым словарям, таким, как Сл. РЯ XI-XVII вв. [Сл. РЯ XI-XVII вв., 1980, вып. 7, с. 287-288; 1981, вып. 8, с. 288-289], Сл. РЯ XVIII в. [Сл. РЯ XVIII в., 1998, вып. 10, с. 158; 2000, вып. 11, с. 235-236], Словарь Даля [Даль, 1881, т. 2, с. 156-158, 274-275], Словарь Ушакова [Ушаков, 1996, т. 1, стб. 1232; т. 2, стб. 98], МАС [МАС, 1986, т. 2, с. 98, 202] и Словарь Ожегова [Ожегов, 1994, с. 288, 326]. В дальнейшем считаем возможным не указывать источник цитирования.

Сочетаемость лексико-семантических вариантов лексики *лошадь* в иллюстративной части словарных статей в толковых словарях обширна. Лексема *лошадь* сочетается с существительными в дательном и предложном падежах (*лошадь не ко двору, лошадка в хомуте*), с качественными прилагательными (*лучшая лошадь, старая лошадь*), относительными прилагательными (*почтовая лошадь, арабские лошади*), с количественными

числительными (*две лошади, восемь лошадей*), местоимениями (*своя лошадь, та лошадь*), наречием (*выше лошади*), глаголами (*лошади фыркают, покупать лошадь*), причастием (*лошади поданы*), междометием (*верть с лошади*).

Лексемы, сочетающиеся со словом *лошадь*, позволяют охарактеризовать животное по тем же признакам, что и лексемы, сочетающиеся со словом *конь*:

1) по признаку «внешний вид, в том числе масть лошади»: *лошадь широкая, приземистая, вислоухая, голая, большая, маленькая; лошади вороные, буланные* и др.;

2) по признаку «возраст»: *лошадь молодая, старая, лошади исполнилось 7 лет*;

3) по признаку «состояние»: *лошадь сытая, потная, жила, добреет, выпадает 12 лошадей*;

4) по признаку «порода»: *лошади африканские, арабские, донские, ассирийские* и др.;

5) по признаку «способность к перемещению человека или груза»: *лошадь везёт, возит*;

6) по признаку «издавать звуки», «издаваемые звуки»: *лошади фыркают, лошадь храпит, ржёт, ржание лошади*;

7) по признаку «испытывать чувства, ощущения»: *лошадь боится, сохнет, любит*;

8) по признаку «реагировать на внешнее воздействие»: *лошадь протянула шею, закидывает голову, кашляет, ложится* и др.;

9) по признаку «своя / чужая»: *лошадь своя, чужая, краденая*;

10) по признаку «назначение», прежде всего – рабочее: используется как транспортное или тягловое средство: *орёт лошадь, лошади каретные, возковые, лошадь ездовая, ежжальная, упряжная, вьючная, пристяжная, припряжная, передняя, переменная, подставная, запасная, дышельная, ломовая, почтовая, коренная, пахотная, рабочая, охотничья, потешная,*

беговая и др.; используется также в военных действиях: *лошади казачьи верховые, подъёмные, лошадь кавалерийская, строевая*;

11) по признаку «совокупность лошадей»: *пара лошадей, четыре лошади* и др.;

12) по признаку «движение человека на лошади»: *ехать на лошадях*;

13) по признаку «подготовка к движению / завершение движения»: *седлать, расседлать, поставить лошадь, заложить, выслать, подать лошадей, дуга лошади, лошадка в хомуте*;

14) по признаку «уход за лошадыю»: *холя лошади, содержать лошадей, кормит, не нудь, не потчуй лошадь* и др.;

15) по признаку «подчинение лошади человеку»: *объезжает лошадь, валяют лошадь*;

16) по признаку «причинение вреда лошади»: *бей, изломал лошадь*;

17) по признаку «приобретение / потеря лошади»: *поиметь, покупать, купи лошадь, украли двух лошадей, увели две лошади* и др.;

18) по признаку «отношение человека к лошади»: *холь лошадь, утирай слёзы лошади, жаль лошади, лошадь лучшая, добрая, не дорога, худая, лошадь не ко двору, берегись, боишься лошади, обругай, не гладь лошадь*.

Как видно из приведённых выше примеров, лексемы, сочетающиеся с именем *лошадь* анализируемого концепта, имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию.

Кроме указанных признаков, лексема *лошадь* характеризуется также по признаку, не отмеченному у слова *конь*, – «степень прирученности»: *дикая, одичалая, домашняя лошадь*.

В отличие от лексемы *конь*, слово *лошадь* никак не охарактеризовано по признакам «физическая сила», «характер» и минимально описана по таким признакам, как «способность к движению» (*лошадь не спотыкалась*), «движение на лошади» (*ехать на лошадях, поехал, верть на лошадке*), «быстрое движение» (*лошадь – крылья*). В микроконтекстах, включающих

слово *лошадь*, также не актуализируется сема 'обладающая интеллектом'. Вероятно, в языковой картине мира русского народа эти признаки были более актуальны для боевого коня, чем для рабочей лошади.

Производные лексико-семантические варианты слова *лошадь* обладают в иллюстративной части толковых словарей узкой сочетаемостью: они сочетаются с относительными прилагательными (*морская, водяная лошадь*), глаголами (*стоит лошадь, делали лошадь, скакать через лошадь*), причастием (*лошадь сделана*).

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина отсутствует статья, посвящённая сочетаемости лексемы *конь*, но представлена сочетаемость лексемы *лошадь* в значении «животное» [Словарь сочетаемости, 1983, с.264-265]. Вероятно, для представления в этом словаре был выбран синоним с более широкой семантикой.

Со словом *лошадь* в данном словаре сочетаются существительные, прилагательные и глаголы, которые актуализируют те же значения, что и лексемы, сочетающиеся с данным словом в толковых словарях. Кроме того, они характеризуют животное по темпераменту (*горячая, смирная*) и интеллекту (*умная*). Но в «Словаре сочетаемости слов русского языка», содержащем лексику XX века, как, впрочем, и в толковых словарях XX века, отсутствуют лексические единицы, описывающие лошадь по признакам «приобретение / потеря» и «свой / чужой». Такие лексемы сочетаются с данным словом лишь в иллюстративной части толковых словарей XI-XIX вв., отражающих лексику того времени, когда обладание лошадью, её приобретение или потеря были жизненной реальностью.

В «Словаре сочетаемости слов русского языка», как и в толковых словарях, представлена лексика, отражающая аксиологический взгляд человека на лошадь: [*не*]плохая, худая лошадь, при этом преобладают слова, выражающие положительную оценку животного: *любоваться лошастью, хорошая, умная, красивая, резвая*.

В «Словаре эпитетов русского языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло эпитеты к слову *лошадь* не представлены, вероятно, потому, что этот репрезентант анализируемого концепта, в отличие от слова *конь*, не обладает поэтической окрашенностью.

Сочетаемость лексико-семантических вариантов слова *конь* (с ключевой семой 'животное') в иллюстративной части словарных статей толковых словарей велика, как и сочетаемость слова *лошадь*. Лексема *конь* сочетается с существительными во всех падежах, кроме дательного и винительного (*конь без узды, конь под седлом, конь на соломе, конь-огонь*), с качественными прилагательными как в прямом, так и в переносном значении (*усталый конь, бурны кони*), с относительными прилагательными (*арабский конь, саксонский конь*), с количественными числительными (*четыре кони, о дву конь*), с местоимениями (*чей конь, мой конь*), с глаголами (*конь рыщет, поить коня, ехал на коне*), с наречиями (*верхом на коне, долой с коня*).

Такая широкая сочетаемость позволяет охарактеризовать коня по самым разным признакам, например, по внешнему виду: *высок, крылат, толст, хром, горбат, тощой, безгривый, короткохвостый, с копытом, о четырёх ногах*.

Качественные прилагательные с семой 'масть' образуют отдельную тематическую группу и тоже характеризуют коня по внешнему виду: *кар, чал, сер, бур, гнед, чубар, пегий*. Эти прилагательные означают различные цветовые оттенки шерсти коня. Такая детализация в описании внешнего вида животного указывает на его особое место в жизни человека. Кроме того, в грамматическом значении этих прилагательных заложена предметность, что проявляется «в их использовании непосредственно в качестве клички лошадей» [Булатникова, 2006, с.29], а также в том, что в фольклоре (например, в текстах казачьих песен) они могут быть контекстными синонимами существительного *конь*: *Посередыни пан хорунжий. Пид ным коныченько, Пид ным вороненький Сыльне дужий* [Концевич, 2001, с. 53, № 28].

Описание коня по внешнему виду дополняют лексемы, характеризующие его по возрасту (*старый конь*), по состоянию (*усталый конь, конь добреет, конь изъездился*).

Как по внешнему виду, так и по свойствам характеризуют коня прилагательные с семой 'порода' (*албанский, арменский, калмыцкий, римский, татарский* и др.). Вообще в иллюстративной части словарных статей в толковых словарях широко представлена сочетаемость слова *конь* с лексемами, описывающими свойства коня: его физическую силу (*конь крепок, мочен, кони многомочны, слабы*); способность к движению вообще (*конь ступает, рыщет, ломает сучья, спотыкается, волочёт зад, стой, не шатайся, кони проходят, конь с ходой, без спотычек, спотычка на коня, конь рысак, иноходец, твердоногий, шагистый, рысистый*), способность к быстрому движению (*конь носится, бежит, сечёт, прянет, кони скачут, рассекают мрак, конь-огонь, скакун, для скачки, ретивый, летучий, скаковой, скорый, беговой, быстр*). То, что в иллюстративном материале толковых словарей способности коня к движению, особенно быстрому, уделено большое внимание, говорит о значимости этого свойства животного для человека. Важным является и такое свойство коня, как способность к перемещению человека (*конь привёз, везёт, не трясёт*).

Поведение коня характеризуется лексемами, имеющими значение «издавать звуки», «издаваемые звуки» (*кони ржут, коней ржанье*); «испытывать чувства, ощущения» (*конь не боится, бесится, любит, коням весело*); «реагировать на внешнее воздействие» (*конь поднимает уши, опустил шею, обнюхивает, чешется; конь сбивает попоны и сёдла, бьёт копытом, грызёт удила, пускает пар, даёт сдачи, кони не даются – в двух последних микроконтекстах актуализируется также сема 'непокорный нрав'*). Важной для человека является и принадлежность коня к своему или чужому миру (*конь чей, мой, чужой, чужеземский*).

В описанных выше вариантах лексико-семантической сочетаемости конь представлен как субъект действия. В тех контекстах, где описываются

действия человека по отношению к коню, конь является объектом действия. Разнообразны варианты сочетаемости слова *конь* с лексемами, указывающими на назначение коня: используется в военных действиях (*сести на коня* (пойти походом), *ссести с коня* (закончить службу), *боевой конь*, *служить с конём*, *служба на коне*); используется в мирной жизни (*конь рабочий*, *женский*, *не орать конём*). Широка сочетаемость слова *конь* с лексемами, имеющими значение «движение человека на коне» (*сесть на коня*, *вскочить на коня*, *прыгнул бы на коня*, *ехал на коне*, *не объедешь на коне*, *въехали на конях*, *ударити в кони* (поскакать), *конь не без седока*, *люди на конях*, *долой с коня* – такие микроконтексты реализуют также сему 'верховое животное'); «подготовка к движению» (*седлать коней*, *конь под седлом*, *конь без узды*); «подчинение коня человеку» (*погоняй коня*, *покажи плеть коню* – в таких сочетаниях акцентируется сема 'движение'); «уход за конём» (*поил коня*, *огладишь коня*, *не накормлен конь*, *сыпь коню*, *конь не без корму*, *не в коня корм*, *конь на соломе*, *ферма коней*); «причинение вреда коню» (*раздуешь коня*), «приобретение / потеря коня» (*конь даровой*, *непродажный*, *дал коня*, *ищет коня*, *меняет коней*, *примечают коня*, *найди коня*, *пригнано коней*, *не купишь коня*, *продавши коней*, *увели коня*). Лексемы последней тематической группы содержат сему 'материальная ценность' и отражают аксиологический взгляд человека на коня. Ценностную составляющую концепта ЛОШАДЬ образует и широкий круг лексем, сочетающихся с базовым репрезентантом концепта, лексемой *конь*, и обозначающих отношение человека к коню (*конь добр*, *хорош*, *худой*, *пришёлся ко двору*, *похваляют коня*, *жалеть коня*, *бредит о конях*, *хотелось на коня*, *не верь коню*, *холь коня*, *гладь коня*, *помилуй коня*, *вынеси коня*), а также метафорически характеризующих коня, олицетворяющих его (*конь храбрый*, *верный*, *учёный*, *конь жесток*, *смел*, *остр*, *доволен малым*). В последних микроконтекстах актуализируется сема 'обладающий интеллектом'. Лексемы, отражающие ценностную составляющую концепта ЛОШАДЬ, могут иметь сему отрицательной оценки (*худой конь*, *жесток*

конь, не верь коню), но в подавляющем большинстве они имеют положительную коннотацию (*конь добр, хорош, пришёлся ко двору, счастье на коне* и др.).

Говоря о сочетаемости лексемы *конь* в значении «животное», необходимо упомянуть и о вариантах сочетаемости, представленных в «Словаре эпитетов русского языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло [Горбачевич, 1979, с.193-194]. Как отмечает О. В. Кондрашова в своей работе «Семантика поэтического слова», эпитет должен представлять предмет через его признак, что легче всего осуществляется «“признаковыми” или “предикативными” словами» [Кондрашова, 1998, с. 211]. Все эпитеты, поэтически описывающие коня и представленные в «Словаре эпитетов русского языка», являются прилагательными, редко причастиями. Они характеризуют коня по внешнему виду (*крупный, подбористый, поджарый, статный, стройный* и др.), в том числе по его масти (*буланный, вороной, голубой, караковый* и др.), по возрасту (*дряхлый, старый, молодой*), по состоянию (*загнанный, запалённый, застоялый, холёный*), по наличию / отсутствию породы (*породистый, породный, благородный, худородный, чистокровный*), по физической силе (*двужильный, могучий, мощный, сильный*), по способности коня к быстрому движению (*борзый, быстроногий, стремительный, лёгкий, летучий* и др.), по характеру коня, в основном по его непокорному нраву (*бешеный, гордый, непокорный, дикий, неудержимый* и др.). Большинство эпитетов, описывающих внешний вид коня или эксплуатируемые человеком свойства этого животного, имплицитно сему положительной оценки (*добрый, красивый, грациозный, златогривый, удалой* и др.). Положительную коннотацию имеют и метафорические эпитеты: *верный, надёжный, преданный, умный, чуткий*.

Производные лексико-семантические варианты слова *конь*, как и производные варианты слова *лошадь*, имеют в толковых словарях очень узкую сочетаемость: с некоторыми существительными, относительными прилагательными, числительными и деепричастием, выражающими признак

обозначаемого данным словом объекта (*конь водяной (водный), речной, морской, болотный, деревянный*), количество (*четыре коня*) или действия человека в отношении этого объекта (*сидя на коне, упражнения на коне*). Подобная бедность лексической сочетаемости производных лексико-семантических вариантов говорит об их гораздо более редком употреблении в литературе и разговорной речи по сравнению с производящей лексемой.

Описывая сочетаемость базовых репрезентантов концепта ЛОШАДЬ, необходимо сказать и о динамике их сочетаемости в толковых словарях, отражающих лексику разных эпох. В словарях XX века (в Словаре Ушакова, в МАСе и в Словаре Ожегова) количество иллюстративного материала в словарных статьях, посвященных лексемам *конь* и *лошадь*, уменьшается по сравнению со словарями, отражающими лексику XI-XIX вв. (Сл. РЯ XI-XVII вв., Сл. РЯ XVIII в. и Словарем Даля). Соответственно сужается и круг признаков, через которые представлено животное: это, прежде всего, назначение, подготовка к движению, движение на коне / лошади, издаваемые животными звуки. В словарях XX века уже не акцентируется внимание на таких деталях, как порода, внешний вид, возраст, состояние, эмоции лошади, ее подчинённость человеку. Динамика сочетаемости основных репрезентантов концепта ЛОШАДЬ свидетельствует о том, что с течением времени внимание к словам *лошадь* и *конь* в языке «ослабевало», а значит, снижалась и актуальность концепта, что можно объяснить ослаблением роли лошади в военной и хозяйственной жизни человека.

Таким образом, в рассмотренном иллюстративном материале толковых словарей, в «Словаре сочетаемости слов русского языка» и в «Словаре эпитетов русского языка» лексемы, сочетающиеся с базовыми репрезентантами концепта ЛОШАДЬ, словами *лошадь* и *конь*, характеризуют животное по самым разным признакам, и прежде всего, имеющим практическое значение для человека, а также описывают деятельность человека по отношению к животному, что говорит об антропоцентрическом взгляде на него.

Слова *конь* и *лошадь*, являясь синонимами, выражают разные представления носителей русского языка об этом животном. Конь предстаёт преимущественно не как рабочая, а как верховая, часто воинская лошадь, физически сильное животное, способное к быстрому движению, наделённое интеллектом, гордое и непокорное, но умное и храброе, способное стать другом для человека. В большинстве рассмотренных лексико-семантических контекстов слово *конь* имеет положительную коннотацию. Кроме того, оно обладает поэтической окрашенностью.

Лошадь выступает в основном как рабочее, а не боевое животное. Носители русского языка почти не наделяют её (в отличие от коня) физической силой и способностью к быстрому движению, интеллектом и характером. В рассмотренных микроконтекстах, включающих лексему *лошадь*, широко представлена как положительная, так и отрицательная оценка животного.

Разноплановость лексической сочетаемости слов *конь* и *лошадь* в иллюстративном материале толковых словарей, отражающих лексику ушедших эпох, и уменьшение количества иллюстраций в словарях XX века указывает на то, что данные лексемы стали реже употребляться как в литературных источниках, так и в обиходной речи, что свидетельствует о снижении актуальности концепта ЛОШАДЬ в русском языковом сознании.

2.1.4 Словарная характеристика синонимов лексем *лошадь* и *конь*

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой заглавным словом синонимического ряда является лексема *лошадь* [Словарь синонимов, 2003, с. 517; Александра, 2001, с. 197], поскольку она соответствует следующим критериям: «доминанта должна быть стилистически нейтральной, семантически прозрачной и емкой, по сравнению с другими членами ряда иметь большую употребительность» [Александра, 2001, с. 7].

«Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой даёт следующий синонимический ряд: «лошадь, конь». Также в словарной статье указывается на разницу в употреблении этих синонимов: лексема *лошадь* даёт общее название животного – лексему *конь* используют, когда говорят о жеребце, верховой лошади, о быстром и сильном животном, «особенно в поэтической речи, в фольклоре, в речи военных, коннозаводчиков» [Словарь синонимов, 2003, с. 517]. В этом комментарии акцентируется внимание на тех понятийных признаках концепта, которые выделяются в толковых и этимологических словарях у базовых репрезентантов концепта – лексемы *лошадь* («лошадь вообще») и лексемы *конь* («боевой конь», «жеребец»). Кроме того, в семантическую структуру слова *конь* включаются семы '*быстрый*', '*сильный*', а также отмечается стилистическая окрашенность этой лексемы.

Синонимический ряд с доминантой *лошадь*, представленный в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой, значительно шире [Александрова, 2001, с. 197]. Первым в этом ряду стоит слово *конь*. Выделенная у этого слова в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой сема '*быстрый*' актуализируется в ряде синонимов с определением *резвая*: *скаун*, *борзый конь*, *сивка-бурка*. Слово *конь* (с определением *железный*) входит еще в один синонимический ряд с доминантой *автомобиль* [Александрова, 2001, с. 15]. В этом синонимическом ряду у лексемы *конь* также актуализируется сема '*быстрый*'.

Наиболее яркое значение, выделенное в толковых словарях у слова *лошадь*, – «рабочая лошадь» – реализуется у синонимов с определением *крестьянская*: *сивка* – «вообще рабочая крестьянская лошадь» [МАС, 1988, т. 4, с. 88]; *саврас* – «употр. вообще в знач. лошади – простой, рабочей» [Ушаков, 1996, т. 4, стб. 32]; *копяга* – «(прост.) то же, что конь (обычно о непородистой рабочей лошади)» [Ожегов, 1994, с. 288].

Часть синонимов лексемы *лошадь* эмоционально окрашены: обладают отрицательной коннотацией (в словаре З. Е. Александровой они

охарактеризованы определением *плохая*): *кляча, лошаде́нка, одер, шкапа*; иронично окрашены (имеют помету *книжн. шутл.*): *буцефал, росинант*.

Итак, по данным словарей синонимов базовый репрезентант концепта слово *лошадь* имеет более широкую семантику, обозначает лошадь вообще или рабочее животное и является более употребительным, чем базовый репрезентант концепта слово *конь*, обозначающее жеребца, боевого коня, быстрое и сильное животное. Все эти данные подтверждают, что именем концепта в русской ЯКМ является лексема *лошадь*.

2. 2 Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта: общекультурная и региональная специфика

ЛСП вербализаторов концепта, создание и анализ которого является одним из приемов лексикографического описания имени концепта, может быть основано на данных не только общерусских, но и диалектных словарей, а значит, включать в себя как общекультурный, так и региональный компоненты. ЛСП «лошадь» и его региональный фрагмент «конь» представляют собой языковые проекции общерусского концепта ЛОШАДЬ и его регионально-специфичного варианта – концепта КОНЬ.

Построение общерусского и кубанского региональных фрагментов ЛСП вербализаторов исследуемого концепта, их сопоставление, анализ семантики образующих их лексических единиц позволяет описать основные общекультурные концептуальные признаки, а также выделить региональные концептуальные признаки.

2.2.1 Основные принципы построения ЛСП «лошадь» и его регионального компонента «конь»

Вербализаторами как общерусского, так и регионально-специфичного концепта являются базовые репрезентанты – слова *лошадь* и *конь*, а также те лексические единицы, семантическая структура которых содержит сему 'лошадь', обязательную или потенциальную: синонимы слов *лошадь* и *конь*,

их однокоренные образования, лексемы, обозначающие свойства животного, а также различные аспекты человеческой деятельности, связанной с лошадьми.

Критерием, в соответствии с которым лексические единицы включались в ЛСП «лошадь» и его региональный фрагмент «конь», была их «соотнесённость как средств номинации с конём, его свойствами и отношениями» [Илюхина, 2010, с. 42], то есть способность лексических единиц к прямой или метонимической экспликации концепта. Прямо эксплицируют концепт его базовые именованья, *конь* и *лошадь*, а также их синонимы. Метонимически эксплицировать концепт могут лексемы, обозначающие действия коня, его свойства, элементы сбруи и упряжи, места содержания лошадей, и некоторые другие.

Единицами ЛСП являются слова, а точнее лексико-семантические варианты слов, поскольку в состав данного поля входят и многозначные лексемы, отдельные варианты которых включены в разные семантические группировки, например, лексема *путло* в значении «пута, чем путают коней» [Даль, 1882, т.3, с. 564] называет средство ограничения свободы животного, а в значении «ремень, на котором привешено к седлу стремя» [Даль, 1882, т.3, с. 564] – элемент конской сбруи.

Лексико-семантическое поле «лошадь» и его региональный фрагмент «конь» имеют свою структуру, в которой выделяются ядро, приядерная часть, ближняя периферия и дальняя периферия. Полеобразующие признаки наиболее ярко проявляются в ядре и снижают свою интенсивность на периферии. Ядро ЛСП содержит основные репрезентанты концепта, лексемы *лошадь* и *конь*, а также их синонимы. В приядерную зону включены дериваты слов *лошадь* и *конь*. Зону ближней периферии поля составляет лексика, характеризующая различные свойства лошади. Дальнюю периферию образуют лексические единицы, описывающие связанную с этим животным человеческую деятельность.

2.2.2 Анализ общерусского компонента ЛСП «лошадь»

С целью выявления основных признаков общекультурного концепта ЛОШАДЬ был проанализирован Словарь Даля, где зафиксирован разнородный лексический состав русского общенационального языка XIX века, в том числе и диалектная лексика, то есть в контаминированной форме представлены как общекультурная, так и разнообразные региональные составляющие поля. Из этого словаря методом сплошной выборки было выделено 1711 лексико-семантических вариантов, из которых: 1021 существительное, 428 глаголов, 231 прилагательное, 26 наречий, 5 междометий (см. Приложение 2).

По данным этого лексикографического издания, ядро ЛСП включает большое количество именовании объекта номинации: основные репрезентанты концепта – слова *конь* и *лошадь*, а также их синонимы (всего 205 ЛСВ), из них однокоренных образований лексем *конь* и *лошадь* – 21 ЛСВ. Столь значительное количество наименований этого домашнего животного является показателем высокой номинативной плотности концепта ЛОШАДЬ, что обусловлено значимостью денотата в действительности XIX века.

Наименования лошади, представленные в Словаре Даля, включают различные семантические признаки: биологический отряд (*однокопытник*), родовое название (*скотина*, *животина* и др.), пол (*комонь*, *жеребец*, *кобыла*, *матка* и др.), возраст (*коняшонок*, *стригун*, *лошняк*, *однолеток*, *жеребёнок* и др.), физиологические характеристики, в том числе особенности внешнего вида (*мерин*, *новочисть*, *гривач*, *белоножка* и др.), порода (*аргамак*, *битюк(г)*, *вятка*, *киргиз* и др.), помесь с лошадью ослом (*джигитай*, *мул*, *мулёнок*), масть (*бурка(о)*, *воронко*, *изренка*, *каурка*, *савраска*, *сивка(о)* и др.), способ хода (*иноходец*, *бегун*, *скакун* и др.), способность развивать скорость побежки (*рысак*, *спотыкала*), степень истощения (*кляча*, *истомок*, *одрань*, *одёр* и др.), степень объезженности (*выезжанка*, *неук*, *объездок*), неприрученность (*тарпан*, *мудзин*, *такья*), характер, поведение (*неспряга*,

неспряжь, лягала, лягуша и др.), назначение (*водовоз, дорожняки, коренник* и др.), множество вьючных лошадей или лошадей в свободном состоянии (*караван, косяк, табун*), способ упряжки (*пара, тройка, четвёрка, цуг* и др.).

Самую многочисленную группу образуют ЛСВ, называющие коня с точки зрения его назначения (31 ЛСВ). При этом большинство таких ЛСВ (29), а также варианты, именующие упряжки лошадей (15), как и следовало ожидать, обозначают рабочих животных, которые используются как транспортное средство или как тягловая сила, например: *возовик, сада* (тянущие барку «лошади, расположенные в определённом порядке» [Даль, 1882, т. 4, с. 129]), *четверик*. Сему 'рабочая лошадь' реализуют также ЛСВ *одёр, одёра, одрань*, имеющие значение «старая, изнурённая рабочая скотина, лошадь» [Даль, 1881, т. 2, с. 591]; *неспряга, неспряжь*. Сему 'верховая лошадь' содержат только 4 варианта: *фарь, подъездок, аргамак, крымка*. Сема 'боевой конь' в семантической структуре синонимов слов *конь* и *лошадь* в материалах словаря Даля не выявлена.

Важную роль коня в жизни человека того времени косвенным образом подтверждают лексические единицы ядерной зоны поля «лошадь», отражающие аксиологический аспект одноимённого концепта. Уменьшительно-ласкательные (*конёк, лошадка, жеребчик, кобылочка* и др.), пренебрежительные (*конишка, лошадёнка, клячонка*), увеличительные (*конища*), шуточные (*возилка*) варианты названий животного выражают равнодушие и различное отношение к нему человека.

В приядерную зону лексико-семантического поля входят дериваты слов *конь* и *лошадь*, характеризующие коня или деятельность человека, связанную с конем (101 ЛСВ). Из этих ЛСВ 17 имеют широкое значение «относящийся к коню или месту его содержания; подобный коню»: *лошадиный, конский, конюшенный, коневатый, конястый* и др. Но самые многочисленные группы составляют производные от базовых лексем, обозначающие человека, по роду своей деятельности связанного с конём (33 ЛСВ), в том числе: всадника/всадников: *коневник, конязь, конник, конный*,

конница и др.; того, кто так или иначе обслуживает коней: *конюх, конепас, конюший, коне(о)вод, коновал, лошевод* и др., а также человека, лишившегося коня: *бесконный, бесконничный, безлошадный*.

Состояние человека, имеющего / не имеющего лошадь, а также деятельность человека, связанную с конём, обозначают 15 ЛСВ, многие из которых производны от единиц предыдущей группы: *коне(о)водство, доброконство, конокрадство; безлошадеть, коновалить* и др. Еще 16 ЛСВ производных слов выражают отношение к человеку, связанному с конем, или его деятельности: *конюхов, коновальский, конногвардейский, коннозаводский* и др. К группе производных лексических единиц, связанных с конём, можно отнести и названия или характеристики повозок, устройств, приводимых в движение этими животными: *коноводка, конножелезная (дорога), конка, одноконный* и др. (6 ЛСВ), названия мест содержания коней или упряжи: *конюшня, коновязь, конепастьба* и др. (9 ЛСВ), названия продуктов коневодства: *лошадина, конина, конюшина* и др. (5 ЛСВ).

Семный анализ рассмотренного материала свидетельствует о том, что границы между структурными частями лексико-семантического поля «лошадь» размыты, поскольку многие ЛСВ выражают разные семантические признаки. Например, семантика некоторых лексических единиц, называющих человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми, саму такую деятельность или указывающих на то, что относится к человеку и его деятельности, включает также признак «назначение животного». При этом 8 ЛСВ (*конник, конница, коннопеший, коннопионерный* и др.) актуализируют сему 'боевой конь'; 8 ЛСВ (*коновод, лошевод (=хозяин коноводки), конка, одноконный* и др.) – сему 'рабочая лошадь'; 3 ЛСВ (*конеристанье, конеристалище, конеристалищный*) – сему 'спортивная лошадь'.

Аксиологический аспект концепта ЛОШАДЬ отражают ЛСВ, называющие человека, занимающегося воровством лошадей, или его деятельность, вызывающую, как правило, порицание: *лошевод, коно(е)крад,*

коневор, конокрадство. В этих ЛСВ выражается материальная ценность животного. Положительное отношение человека к коню отражают лексические единицы, называющие любителя этого животного: *конятник, конятница*.

Ближнюю периферию поля «лошадь» образует лексика, характеризующая свойства животного (439 ЛСВ). Семантическая структура таких ЛСВ включает следующие признаки: принадлежащий животному, относящийся к нему, подобный ему: *жеребцов, иноходный, клячин, покобыльи* и др. (18 ЛСВ); масть, особенности окраса: *буланный, вороной, гнедой, изабелловый, караковый* и др. (44ЛСВ); назначение: *возовой, упряжной, боевой, курьерский* и др. (12 ЛСВ); характерные внешние признаки: *стати, копытистый, плоскокопытый, плоскозадый, толстоногий, седлистый, черногривый* и др. (24 ЛСВ); части тела: *морда, бабка, грива, копыто, порка* и др. (29 ЛСВ); биологические и психофизиологические свойства: *вздыбчивый, новочистый, лягливый, жеребая, норовистый* и др. (34 ЛСВ); издаваемые звуки: *ржание, фыркание, гоготать, храпеть/храпнуть*, и др. (20 ЛСВ); поведение: *ляганье; дыбиться, повалиться, разбрыкаться* и др. (41 ЛСВ); движение: *скачка; галопировать, грунить, рысать* и др. (24 ЛСВ); способы хода и бега: *аллюр, галоп, развалец, закачка, иноходь, карьер* и др. (39 ЛСВ); самостоятельное избавление от упряжи: *разнуздываться/разнуздаться, расхомутиться* и др. (4 ЛСВ); другие действия коня: *пасть/попасть, припрягаться, коваться, табуниться, осечься, замяться* и др. (22 ЛСВ); состояние коня, его болезни: *волосень, вылинка, закопытница, линка, мыт, мышьяки, обезножить* и др. (89 ЛСВ); роль в упряжке: *пристяжной, отпряжной, отхлёт, седловой* и др. (9 ЛСВ); характеристика коня с точки зрения породы, беговых или тяговых качеств, профиля использования: *малосильный, возовитый, племенной, рысистый, чистокровный* и др. (28 ЛСВ); особые позы коня: *дыбом, дыбок* (2 ЛСВ).

Как видно из представленного языкового материала, самыми многочисленными являются ЛСВ, в лексическое значение которых входят

признаки «состояние лошади», «болезни лошади» (89 ЛСВ). Данные лексические единицы актуализируют сему 'годность / негодность к работе' и отражают утилитарное, практическое отношение человека к лошади. Сему 'годность/негодность к работе' реализуют и 4 глагола, обозначающих самостоятельное избавление животного от упряжи, а также 29 ЛСВ других тематических групп: *малосильный, ездовой, охромелый, слабоногий, спотыч(к)ливый, стомчивый* и др.

Функциональный взгляд человека на коня отражает и лексические единицы, характеризующие животное с точки зрения назначения. Рабочую лошадь, выполняющую роль транспортного или тяглого средства, определяют 6 ЛСВ (*возовой, упряжной, подъяремный* и др.), верховую лошадь – 5 ЛСВ (*верховой, подседельный, узданный* и др.), боевого коня – 1 ЛСВ (*боевой*). Сему 'рабочая лошадь' актуализируют также лексические единицы, характеризующие роль коня в упряжке (9 ЛСВ), а также ЛСВ *тугомордый, тугорылый, тугоносый, тугоуздый, взовитый, принукаться*.

Словарный материал свидетельствует, что одним из важнейших признаков лошади человек считает «способность к движению» (24 ЛСВ). С точки зрения способности к движению, в том числе к быстрому движению, характеризуют лошадь ЛСВ, обозначающие различные способы хода и бега лошади (39 ЛСВ), а также 9 ЛСВ, определяющих беговые качества коня: *рысистый, скаковой, борзый, бегучий* и др. Приведенные данные подтверждают, что способность коня к движению, особенно к быстрому движению, была одним из главных свойств животного, эксплуатируемых человеком в различных видах его деятельности.

Практическое отношение человека к коню отражает и лексика, характеризующая связанную с этим животным человеческую деятельность и составляющая дальнюю периферию ЛСП «лошадь», наиболее объёмную по числу представленных лексических единиц (966 ЛСВ). Вся лексика, включённая в дальнюю периферию поля, носит антропоцентрический характер.

Самыми многочисленными являются здесь ЛСВ, называющие человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми (162 ЛСВ). К ним примыкают лексические единицы, называющие деятельность человека, связанную с лошадьми (27 ЛСВ), а также обладающие широким значением «относящийся к такому человеку или к такой деятельности» (27 ЛСВ). Из них сему 'рабочая лошадь' имеют 100 ЛСВ (*возница, боронщик, ванька, извозчик, запрягальщик, лихач, обозный, ямщичанье* и др.); сему 'боевой конь' – 40 ЛСВ (*драгун, кавалерист, кавалергард, корнет, казак, гусар, эскадрон* и др.); сему 'верховая лошадь' – 30 ЛСВ (*амазонка, всадник, всадница, кавалькада, наездник* и др.); сему 'спортивная лошадь' – 8 ЛСВ (*жокей, ристатель, ристала* и др.).

Сема 'годность/негодность к работе' потенциально включена в семантическую структуру ЛСВ, обозначающих различные аспекты ухода за лошадью (*класть, ковать, пасенье, подковка, проездка, отаврить* и др. – 72 ЛСВ); а также причинение ей вреда (*застеганье, загнать, заездить, запалить, попримучить* и др. – 51 ЛСВ); обучение хождению в упряжи и под седлом (*выездка, наездка, вышпорить, нарысить* и др. – 19 ЛСВ); ограничение свободы животного (*стреноживанье, аркан, опутина, укрючить* и др. – 28 ЛСВ); места содержания лошадей (*денник, жеребятник, стойло, манеж* и др. – 21 ЛСВ). Сему 'годность/негодность к работе' актуализируют и лексические единицы, называющие человека, ухаживающего за лошадьми или занимающегося обучением лошадей: *подковщик, табуник, фуражир, приездчик* и др. (17 ЛСВ).

Утилитарное отношение к лошади отражают также ЛСВ, обозначающие продукты коневодства (11 ЛСВ), например, *гривьё* – «конский волос, гривы и хвоста, для набивки» [Даль, 1880, т. 1, с. 406], *волосяник* – «род лаптей из конского волоса, хвоста, гривы» [Там же, с. 240], *кумыс* – «квашеное кобылье молоко» [Даль, 1881, т. 2, с. 223] и др.

Широко представлены в зоне дальней периферии поля «лошадь» и ЛСВ, в значении которых присутствует категориальная или потенциальная

сема 'движение'. Они дифференцированы по следующим признакам: подготовка к движению, завершение движения (120 ЛСВ): *впряганье, выпряганье, запряганье, обнуздыванье, взнуздывать/взнуздать, закладывать/заложить, осёдлывать/оседлать, расхомутать* и др.; перемещение человека и грузов на лошади (99 ЛСВ): *галопированье, ездить, поскакать, возить, вскакивать, рысачить, прогрунить, верхом, вскачь* и др.; управление лошадью во время движения (85 ЛСВ): *понуканье, шпоренье, кнут, подхлестнуть, править, ну, тпру* и др.; элементы упряжи и сбруи, необходимые для движения на лошади (109 ЛСВ): *упряжь, сбруя, дышло, мундштук, оглобля, повод, хомут* и др.; повозки и устройства, приводимые в движение лошадьми (111 ЛСВ): *арба, воз, двуколка, молотяга, телега, борона* и др.; конные состязания, показательные выступления, выставки (13 ЛСВ): *скачка, ставка, заезд, наездничать, скакаться* и др.

ЛСВ трёх последних групп имплицитно указывают на назначение животного, например, ЛСВ *седло, стремя, арчак* («деревянный остов седла» [Даль, 1880, т. 1, с. 26]) актуализируют сему 'верховая лошадь'; ЛСВ *гуж* («в упряжи, кожаная петля, укреплённая в хомутных клешнях» [Там же, с. 416]), *дуга, борона* («конные грабли» [Там же, с. 118]) реализуют сему 'рабочая лошадь'; ЛСВ *скачка, заезд, ристанье* («скачка, наездничество» [Даль, 1882, т. 4, с. 97]) – сему 'спортивная лошадь'.

Ценностную составляющую концепта ЛОШАДЬ отражают такие лексические единицы с отрицательной и положительной коннотацией, как *уводины* (конокрадство), *рысачник* (любитель рысаков), *аргамачник* (любитель аргамаков).

2.2.3 Анализ регионального компонента ЛСП «конь»

Проекция концепта на систему национального языка охватывает и диалектную лексику. Чтобы выявить регионально-культурную специфику концепта КОНЬ, мы обратились к словарям кубанских говоров [Борисова, 2018а; Словарь кубанских говоров, 2009; Русский говор Кубани,

1992; Ткаченко, 2008; Словарь говора казачьего населения..., 2013]. Лексика, представленная в этих словарях, хотя и была собрана во второй половине 20 – начале 21 вв., но сопоставима, по нашему мнению, с языковым материалом Словаря Даля, ведь диалектная лексика отражает, скорее, не актуальную, а ретроспективную картину мира кубанского казачества. Из словарей кубанских говоров было выделено 503 ЛСВ разных частей речи, из них: 358 существительных, 81 глагол, 43 прилагательных и причастий, 15 наречий, 6 междометий (см. Приложение 2).

Следует отметить, что имя концепта – лексема *конь* – в силу лингвальной двуприродности единого субэтноса имеет в кубанском диалекте две огласовки: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинь* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой. Представляется, что двойственность огласовки имени концепта, столь релевантного для ЯКМ кубанских казаков, – существенная черта, подтверждающая его региональную специфичность.

В кубанских говорах отмечено 37 именующих коня ЛСВ, отсутствующих в Словаре Даля, то есть налицо характерный для диалектной картины мира процесс парцеллирования, заключающийся в детализации наименований важного для диалектоносителей объекта концептуализации [Радченко, 2004, с. 39] – коня. ЛСВ, называющие коня по таким признакам, как пол (*лошака, кобыляка*), возраст (*лошак, годови(ы)к, четвертак, кунан* и др.), родовое название (*худоба, худобина, живность* и др.), порода (*дончак, маиштак*), помесь лошади с ослом (*катрук*), назначение (*коняка* – «рабочий конь» [Словарь кубанских говоров, 2009, с. 112], *конячка, глодун* – «запасной конь» [Ткаченко, 2008, с. 98], *строевик*), состояние (*задохлик, сдохляка, невоз* и др.), множество лошадей (*конва*), повышают номинативную плотность концепта.

Лексика кубанских говоров пополнила лексико-семантическое поле также ЛСВ, включающими следующие признаки: масть коня (*ла(о,у)патый, яблукový* и др.); характерные внешние признаки коня (*маслаковатый*);

части тела (*ганаш* – «нижняя челюсть коня» [Ткаченко, 2008, с. 97], *чолка*, *жывьэць* – «подкопытная часть ноги лошади» [Там же, с. 118-119] и др.); болезни, состояние (*клищук*, *обдутье*, *оглум*, *опрокынуться*, *лэчэ(ё)ный* и др.); биологические и психофизиологические свойства (*строгий*, *вылэчэный* – «холощенный» [Там же, с. 91], *комызыстый* – «норовистый» [Там же, с. 146] и др.); издаваемые звуки (*реготать*, *кабудык-кабудык*, *чмых* – «фырканье» [Там же, с. 268] и др.); поведение (*затки* – «лягание лошади задними ногами» [Словарь говора казачьего населения..., 2013, с. 42], *бзыкать* – «взбрыкивать» [Русский говор Кубани, 1992, с. 38], *дрыкать* – «лягать. Булы таки кони: як начнэ дрыкать» [Борисова, 2018а, с. 107] и др.); движение коня (*выбрыкавать* – «(о лошадях) бегать, выбрасывая копыта» [Словарь говора казачьего населения..., 2013, с. 28], *тюпачить* – «медленно идти, брести. Лошади тюпачуть» [Ткаченко, 2008, с. 252]); способы хода и бега коня (*вынород* – «иноходь» [Там же, с. 91], *рысца*, *навска(о)к*, *трушком* и др.); особые позы коня (*дыбки*, *гонки*); беговые или тягловые качества (*ездалый*, *жвавый* «резвый, живой» [Там же, с. 117]); относящийся к коню или к месту его содержания (*киньский*, *конюшаный*, *коняцкий* и др.); подготовка к движению (*захамутать*, *замузданай*); перемещение человека и грузов (*нэсты*, *охлюпкой* – «без седла (о езде верхом)» [Борисова, 2018а, с. 282], *охлопью* – «скакать верхом на лошади без седла» [Ткаченко, 2008, с. 195] и др.); управление конём (*бати(ы,о)г* – «кнут в виде длинного ремня на деревянной палке». *Я на каняках була, а хлопци як ударят батагом, дак я и личу* [Борисова, 2018а, с. 29], *стё(е)бать*, *хлыскать*, *цоко-цоко* и др.); ограничение свободы животного (*пута*, *при(ы)кол*, *трыног* и др.); уход за лошадьми (*комяга* – «длинное корыто, служащее кормушкой для лошадей» [Там же, с. 182], *лыщитка* – «зажим для кастрации лошадей» [Ткаченко, 2008, с. 161], *звалять* – «кастрировать, выхолостить» [Борисова, 2018а, с. 144] и др.); причинение лошади вреда (*нудыть* – «мучить. *Сюды блудыть, туды блудыть, пид собою коня нудыть*» [Ткаченко, 2008, с. 183], *хлабызнуть*, *ожалить*); человек, по роду своей деятельности связанный с

конём (*конник (=пастух), лошадык, дрогаль* – «перевозчик грузов, извозчик» [Борисова, 2018а, с. 106], *шворнык, пагонуш* и др.); деятельность, связанная с конём (*конюховать, упрух* – «отрезок времени от одной подкормки лошадей или волов до другой при пахоте» [Словарь говора казачьего населения..., 2013, с. 82], *дрогалевать* и др.); места содержания лошадей (*баз, паша, тичок* – «рынок скота и лошадей» [Ткаченко, 2008, с. 248] и др.); повозки или устройства, приводимые в движение лошадьми (*коники, бедарка* – «одноконная повозка на двух колесах» [Борисова, 2018а, с. 32], *садка* – «конная сеялка для зерновых культур» [Там же, с. 365], *ход* – «устар. Бричка» [Там же, с. 365] и др.); элементы упряжи, сбруи (*снасть, барка* – «хомут» [Там же, с. 28], *торокы(и)* – «переметные седельные сумы. Ремешки у седла для прикрепления чего-либо» [Ткаченко, 2008, с. 249], *рыпица* – «часть шлеи, ремень у седла, идущий под хвостом лошади» [Борисова, 2018а, с. 363], *юбка* – «часть конской упряжи, шлея» [Там же, с. 477] и др.); продукты коневодства (*кизе(я)к/кызьяк, ки(ы)рпыч, щитына, доливка* и др.).

Кроме того, в кубанских говорах есть особые слова, называющие лошадь в зависимости от времени рождения (*осеннык, летошник*), физиологических особенностей (*нежсеребь, конёк* – «холощенный конь трех-четырёх лет» [Русский говор Кубани, 1992, с. 150]), роли на скачках (*передок*), слово, называющее коня в разговоре с детьми (*кося*).

Наряду с лексическими единицами, характеризующими коня по уже указанным признакам, диалектные словари позволяют выделить особый пласт лексики, который составляют слова, отражающие различные аспекты военной службы казаков (75 ЛСВ). Все они содержат в своей семантической структуре категориальную или потенциальную сему 'боевой конь'. Эта сема присутствует уже в семантике самого слова – *казак*. По определению В. И. Даля, казак – это «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, лёгкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении.

Есть и пешие казаки» [Даль, 1881, т. 2, с. 72], то есть казак – это прежде всего конный воин. В кубанских говорах есть особые лексемы, обозначающие казака-пехотинца: *пластун, сэрдюк*, а также устойчивое сочетание *пеший казак*. Как правило, в пехотных батальонах служили бедные казаки, которые не могли приобрести строевого коня. Однако именно строевой конь символизировал избранность, высокий социальный статус казака, его принадлежность к благородному военному сословию. По мнению историка О. В. Матвеева, «такие представления уходили своими корнями во времена рыцарской конницы, когда пехотинец даже не считался воином» [Матвеев, 2005, с. 141]. Поэтому в системе координат ‘свой – чужой’ конь был для казака-воина не просто важным – центральным образом своего мира [Бурдун, 2020а, с. 112].

Военная лексика кубанских говоров дифференцируется по следующим признакам:

– «конный(-ые) воин(-ы)»: *есаул, подъесаул, хорунжий, подхорунжий, вахмистр, прапорщик, приказный, урядник, сотник, линейец, чорноморци, кубанцы, конвоец, значковый, джура, дэйнэки, сотня, делибаш, розвист* и др.;

– «служить в казачьих полках»: *казаковать*;

– «казачьи воинские регалии»: *клейноты, бунчук, значок*;

– «вспомогательные средства, которыми пользовались казаки-конники»: *салы* («камышовый плотик для оружия и седла, при переправе через реку вплавь» [Ткаченко, 2008, с. 231];

– «связанный с конём обряд»: *постриг, пострижэнье*. Это старинный обряд, который назывался также «Посаждение на коня»: мальчика, которому исполнялся год, в казачьей семье было принято впервые сажать на коня [Ткаченко, 2010, с. 54-60];

– «казачья воинская экипировка»: *справа*. Существительное *справа* является дериватом диалектного глагола *справлять/справи(ы)ть*, имеющего значение «экипировать»: *Када козак шол на службу, йиго нада была*

справлять. Казаку нада была каня, и башлык, и бурку [Борисова, 2018а, с. 397]. Синонимом ЛСВ *справа* являются лексемы *докматы, прыча(и)ндалы*. Слово *справка* обозначает как казачье снаряжение, так и процесс сборов казака на службу. *Справа* несла глубокое ценностное содержание: она была свидетельством готовности казака к его главному предназначению – военной службе. *Справа* включала казачий мундир (*черкеску*), оружие (*шашку* и *кинжал*) и, конечно, боевого коня, который являлся обязательным атрибутом полноценного воина [Матвеев, 2005, с. 140-141]. Боевой конь в кубанских говорах имел особое название – *строевик*. На высокий военный статус указывала и длинная *черкеска* конного казака – к короткой *черкеске* *пластуна* относились презрительно, она не считалась «настоящей» [Там же, с. 146]. Элементы казачьей *справы* обозначают ЛСВ с семой 'казачья форма': *черкеска, бекирка* («*черкеска на меху*» [Ткаченко, 2008, с. 73]), *газыри, аксильбант, паттисёмак, беимэт* («*легкая верхняя одежда казаков и горских народов*» [Там же, с. 74]), *шаровары, ланпас, бурка, кубанка, галуны, тулмак* («*высокая казацкая шапка, папаха*» [Там же, с. 251]), *башлык, ноговыци* и др.; с семой 'холодное оружие': *рубач* («*сабля*» [Русский говор Кубани, 1992, с. 304]), *сабель, табля, шашка, гурда* («*дорогая кавказская шашка*» [Ткаченко, 2008, с. 104]), *кинджял (гинджал, г(ч)инжал), карбиж* («*кинжал*»). *У кажного козака коло пояса було и карбиж высыть* [Там же, с. 140]), *нагайка, чепеги, ратыще* («*копье*» [Там же, с. 224]), *дзюба* («*пика у запорожцев*» [Там же, с. 107]), *пидсоха* («*короткое копье*» [Там же, с. 200]).

Большинство диалектных ЛСВ, включающих указанные признаки, можно отнести к этнографизмам-локализмам (термин О. Г. Борисовой). Под этнографизмами-локализмами автор понимает этнографизмы, которые обозначают «предметы, характерные для определённой местности или для определённого сообщества людей (в нашем случае таковым является казачество в целом)» [Борисова, 2018, с. 274]. К таким этнографизмам-локализмам учёный относит, например, слова *нагайка* («холодное оружие казака: ременная плеть, имеющая на конце небольшую свинцовую деталь; во

время езды на лошади находилась в левой руке» [Там же]), *кубанка*, *шаровары*, *шашка* и др. [Там же]. Считаем, что этнографизмами-локализмами являются и такие лексические единицы, как *бурка*, *бешмэт*, *кинджял* (*гинджал*, *г(ч)инжал*) и др.

С этнографизмами-локализмами тесно сближаются включённые в диалектные словари историзмы – слова литературного языка, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий: *делибаши* («в старой Турции конный воин» [Ткаченко, 2008, с. 106]), *сотня* («шестая часть казачьего конного полка» [Там же, с. 239]), *чепеги* – «холодное ударное оружие конных казаков в старое время» [Там же, с. 266]. Все описанные этнографизмы-локализмы и историзмы отражают особенности военной жизни казачьего сословия.

Можно предположить, что в кубанские диалектные словари вошла далеко не вся специфическая военная лексика казаков: большая часть военной лексики представляет собой общенародные слова, а словари кубанских говоров по принципу отбора языкового материала в основном представляют собой словари дифференциального типа, и это обстоятельство является главной причиной отсутствия в них многих лексем, относящихся к военному быту. Кроме того, материал для этих словарей собирался во второй половине XX – начале XXI вв., когда большинства мужчин, когда-то служивших в казачьих полках, уже не было в живых. Информантами диалектной лексики часто были женщины, О. Г. Борисова в предисловии к своему словарю называет их фамилии [Борисова, 2018а, с. 3]. И тем не менее лексика, представленная в диалектных словарях, отражает военную специфику концепта КОНЬ в казачьей картине мира.

«Следы» такой лексики можно отыскать и в художественной литературе, исторических источниках, исторических исследованиях. Например, в монографии О. В. Матвеева «Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности» присутствуют лексемы, включающие следующие признаки:

«подготовка коня для службы» (*вольтижировка, джигитовка*); «элементы казачьего обмундирования» (*папаха, тумак, тужурка, напатронники*); «названия казаков, служивших в конных полках, а также названия воинских подразделений» (*хонёрцы, хопры, кавказцы, урупцы, полтавцы, таманцы, лабинец, закаспиец, сотенный, полусотня*), «приёмы и способы ведения боя казаками-конниками» (*лава, мельница, рубка, рубиться, рубать*) [Матвеев, 2005, с. 141-179]. Все эти слова, к сожалению, уже отсутствуют в современных словарях кубанских говоров.

Особенности мирного быта казаков отразились в зафиксированных в словарях этнографизмах-локализмах интересующей нас тематики, как-то: *щитына* – «сапожная нить из конского волоса» [Ткаченко, 2008, с. 278], *кизек, ки(ы)зьяк, кизячок, кизейка* – «топливо из сухого навоза. *Кизьяк быв конский*» [Борисова, 2018а, с. 170], *кирпич (кырпыч)* – «сухой коровий или конский навоз, используемый как топливо» [Там же, с. 171], *доливка* – «смесь из глины, воды и коровьего или конского навоза для покрытия земляного пола» [Словарь кубанских говоров, 2009, с. 67]. Деревянные постройки на Кубани, где леса было мало, встречались редко, основным строительным материалом была глина, смешанная с соломой и навозом, часто конским [Попко, 2009, с. 13]. Отапливались казачьи хаты, за отсутствием дров, также часто высохшим конским навозом.

Некоторые лексические единицы ЛСП «конь», извлечённые из общерусских словарей, в составе кубанских говоров приобрели иное значение. Например, существительное *конник* в Словаре Даля означало всадника, конного воина, кавалериста [Даль, 1881, т. 2, с. 157], а в Словаре Борисовой имеет значение «пастух, пасущий коней» [Борисова, 2018а, с. 183]; существительное *лошак* в Словаре Даля толковалось как «полуконь, животное от осла и кобылы» [Даль, 1881, т. 2, с. 248], а в Словаре Борисовой обозначает жеребёнка по первому, второму или третьему году [Борисова, 2018а, с. 219].

В то же время кубанские говоры сохранили ЛСВ, включённые в Словарь Даля, но затем вышедшие из употребления в общенациональном языке: *конячий*, *лошадина*, *лоша* («жеребёнок» [Там же, с. 219]), *выпряг*, *опор*, *лука* («спинка седла» [Словарь говора казачьего населения..., 2013, с. 53]). В говорах эти архаичные слова литературного языка «в большинстве своём лишены оттенка устарелости» [Борисова, 2018, с. 272]. Данные лексические единицы употребляются в кубанских говорах не только в прямом, но и в переносном значении, например: *зануздать* – «1. Надеть узду на лошадь. 2. (Перен.) держать кого-либо в зависимости» [Словарь кубанских говоров, 2009, с. 89]; *засупоныть* – «1. Застегнуть хомут в конской упряжи. 2. Связать, поставить в зависимость» [Ткаченко, 2008, с. 127]. Метафоризироваться могут и другие диалектные единицы поля: *гужывать* – «заниматься извозом» [Словарь говора казачьего населения..., 2013, с. 33] и «гулять, устраивать застолье, пьянствовать» [Словарь кубанских говоров, 2009, с. 58]; *реготать* – «очень громко смеяться» [Там же, с. 202]; *снuzдаться* «вступить в нежелательные отношения с кем-то» [Там же, с. 216]. Приведенные языковые акты убеждают в том, что ассоциативный потенциал объекта действительности – коня – и связанных с ним характерных действий, ситуаций используется в кубанских говорах для номинации других реалий, действий, ситуаций, а это, в свою очередь, свидетельствует о ценностном отношении кубанских казаков к коню.

Итак, нами построено поле вербализаторов общекультурного концепта ЛОШАДЬ, выявлены особенности организации этого лексико-семантического поля, которые позволяют сформулировать основные признаки понятийного компонента общекультурного концепта: лошадь – это, прежде всего, рабочее животное; животное, используемое для верховой езды; боевое животное; животное, предназначенное для спортивных соревнований; животное, способное к движению; животное, годное / негодное для использования. Такой функционально ориентированный взгляд человека на лошадь как на необходимого участника военной, спортивной, но, главным

образом, трудовой деятельности человека определяет антропоцентрический характер поля в целом, то есть в основе ЛСП вербализаторов общекультурного концепта ЛОШАДЬ лежит принцип антропоцентризма: лошадь описывается через восприятие ее человеком, а в связи с лошадью подробно характеризуется и сам человек.

Анализ организации лексико-семантического поля «лошадь», лежащего в основе соответствующего концептуального поля, показал также, что общекультурный концепт ЛОШАДЬ – один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. В прошлом он был ценностно значимым и коммуникативно востребованным. Обо всём этом свидетельствует высокая номинативная плотность концепта, отразившаяся в подробной детализации наименований лошади. Лошадь была одним из главных животных, участвовавших в жизни человека, поэтому так обширна лексика, не только именующая лошадь, но и описывающая ее различные биологические, психофизиологические свойства, ее поведенческие реакции, оттенки ее физического состояния, болезни.

Лексические единицы поля отражают аксиологический аспект концепта: лошадь была для человека и эмоционально, и материально ценностным объектом.

В русской лингвокультуре концепт ЛОШАДЬ относится к числу сформировавшихся концептов, служащих источником вторичной номинации, обогащающей содержание других концептов.

Фрагмент поля «конь», построенный на основе языкового материала, выделенного из словарей кубанских говоров, позволяет увидеть те концептуальные признаки, которые не зафиксированы в Словаре Даля, вобравшем в себя значительную часть диалектной лексики русского языка.

Лексические единицы (503 ЛСВ), извлеченные из словарей кубанских говоров, разносторонне характеризуют как свойства коня, так и различные стороны человеческой деятельности, связанной с этим животным. Приращение номинативной плотности концепта за счет региональных

наименований составляет 37 лексических единиц. Активно используется ассоциативный потенциал коня для именованя других объектов и явлений действительности. Анализируя кубанский диалектный фрагмент поля, можно сделать вывод, что ценностная составляющая концепта КОНЬ в картине мира кубанского казачества была очень весомой – роль коня в жизни казака трудно переоценить.

На языковом уровне проявляется также специфика понятийного компонента концепта в казачьей языковой картине мира. Ведущим понятийным признаком регионально-специфичного концепта КОНЬ, наряду с признаком «рабочее животное», становится признак «боевое животное»: кубанские этнографизмы-локализмы и историзмы, содержащие в своей семантической структуре сему 'боевой конь', отражают высокий социальный статус, особое предназначение и своеобразие военной жизни казачества как служилого сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России.

2.3 Особенности репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде

В данной работе в состав кубанской фразеологии мы включаем диалектные кубанские фразеологические единицы, а также литературные и просторечные, употребляющиеся в речи носителей кубанских говоров. При трактовке термина «диалектный кубанский фразеологизм» мы опираемся на определение О. Г. Борисовой: к кубанским диалектным фразеологизмам она относит устойчивые речения, «входящие в общекубанский фразеологический пласт, а также в КГЮЯО (кубанские говоры с южнорусской основой) или в КГУЯО (кубанские говоры с украинской основой), но не входящие в систему РЛЯ» [Борисова, 2018, с. 182]. Все фразеологические единицы, от двусловного образования до сложного предложения, «являются устойчивыми воспроизводимыми сочетаниями, что обеспечивает им повторяющееся употребление в речи носителей говоров и позволяет рассматривать их в

пределах единого фразеологического пространства кубанского диалекта» [Там же, с. 183].

2.3.1 Характеристика ядерных элементов ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ в кубанской фразеологии

Проанализируем фразеологические единицы (ФЕ) с элементами, входящими в ядерную зону поля вербализаторов концепта КОНЬ, а именно: ФЕ с ключевыми словами концепта – лексемами *конь* и *лошадь*, а также ФЕ, включающие синонимы этих слов, в том числе синонимы-дериваты.

Контексты для исследования кубанского фразеологического фонда были извлечены из «Фразеологического словаря говоров Кубани» [2006], словарей кубанских говоров [Борисова, 2018а; Русский говор Кубани, 1992; Ткаченко, 2008; Словарь говора казачьего населения..., 2013], диссертации В. П. Чалого, посвященной кубанской фразеологии, сборников кубанских паремий Л. Б. Мартыненко и И. В. Уваровой, П. И. Ткаченко и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота». Считаем возможным рассматривать совокупный материал этих изданий как единый фразеологический фонд кубанских говоров и не указывать в тексте данного исследования источник цитирования.

2.3.1.1 Сопоставительный анализ общерусских и кубанских фразеологических единиц, включающих компоненты *конь* и *лошадь*

К фразеологическим единицам, включающим в себя ядерные элементы поля вербализаторов концепта КОНЬ, относятся, прежде всего, ФЕ с компонентами *конь* и *лошадь*: опишем прямые и метафорические значения этих лексем, выявим сходства и различия в их семантике, а также их оценочную составляющую.

Чтобы определить региональную специфику концепта КОНЬ в РЯКМ кубанского казачества, сопоставим кубанские ФЕ, включающие компоненты *конь* и *лошадь*, с общерусскими ФЕ, содержащими те же компоненты. Большинство контекстов для анализа общерусского фразеологического

фонда были взяты из таких источников, как «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова, сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Источник цитирования в дальнейшем считаем возможным не указывать. Только используя дополнительный иллюстративный материал, извлеченный из Словаря Ожегова или сборника «Русские пословицы и поговорки» под редакцией В. П. Аникина, будем ссылаться на соответствующий словарь или сборник паремий.

Из названных источников было извлечено 97 кубанских фразеологических контекстов (23 фразеологизма и 74 паремии), репрезентирующих концепт КОНЬ, и 314 общерусских фразеологических контекстов (13 фразеологизмов и 301 паремия), репрезентирующих концепт ЛОШАДЬ. Количественное соотношение фразеологизмов с разными ключевыми словами концепта таково: в кубанских говорах с компонентом *конь* – 21 ФЕ, с компонентом *лошадь* – 2 ФЕ; в национальном языке с компонентом *конь* – 11 ФЕ, с компонентом *лошадь* – 2 единицы. В кубанских паремиях представлено 62 ФЕ с лексемой *конь* и 12 ФЕ с лексемой *лошадь*; в общенародном паремиологическом корпусе – 187 единиц с лексемой *конь* и 114 ФЕ с лексемой *лошадь*.

Таким образом, и в кубанских, и в общерусских ФЕ более частотным является компонент *конь*: в кубанских говорах он употребляется в 6 раз чаще, чем компонент *лошадь*; в общенародном языке слово *лошадь* более распространено, поэтому лексема *конь* употребляется лишь в 1,7 раза чаще, чем слово *лошадь*. Чтобы определить причины такого количественного соотношения, нужно выявить особенности употребления данных лексем в пословицах, поговорках и фразеологизмах, то есть провести лексико-семантический анализ материала.

Анализ фразеологических контекстов свидетельствует о том, что 53 % кубанских устойчивых речений (44 единицы) и 14 % общерусских ФЕ (28 единиц) со словом *конь*, реализуют его прямые значения. Уточним при этом,

что разделить фразеологические единицы на группы в зависимости от употребления лексем *конь* и *лошадь* в прямом или переносном значении можно весьма условно: в большинстве случаев микротексты, в которых происходит метафорическое переосмысление этих слов, можно понять и в прямом значении. В результате анализа ФЕ с компонентом *конь* были выделены закрепленные в словарях прямые значения: «боевой конь» и «рабочее животное», причем большая часть кубанских ФЕ (42 из 44 ФЕ) актуализирует значение «боевой конь»: *Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться; Терпи, казак, атаманом будешь, а умрешь – с коня в рай попадешь; На коня* (деньги на приобретение боевого коня). Лингвист В. П. Чалов называет такие речения устойчивыми фразами пословично-поговорочного типа [Чалов, 1981, с. 111]. Они связаны с военным бытом кубанских казаков и говорят о значимости боевого коня для казака: в казачьей системе ценностей конь занимает первое место, и лексический компонент *конь* обладает в таких контекстах мелиоративной оценочностью: *Конь для казака дороже всего; Нет ничего дороже казаку, чем конь; Без коня не казак; Без отца да без матери казак ещё не сирота, а как без коня, – круглый; Биз коня казак кругом сирота; Казак без коня що солдат без ружья*. В пословице *Булы б кони, казаки найдуться*, где казак и конь сопоставляются по степени важности, предпочтение отдается боевому коню. Положительную коннотацию данный лексический компонент имеет и в устойчивых фразах, описывающих глубокую привязанность казака к этому животному: *Конь – это душа казака; Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом; И спит, и коней во сне видит; Кинь жвавый, сам бравый; Бисами добрый кинь*.

В исследованном общерусском фонде выделено 9 микротекстов, в которых говорится о боевом коне (*Голосом петь, а конём воевать; На конь! По коням!*), причём устойчивые речения, в которых подчеркивается значимость коня для воина, говорят именно о казачьем боевом коне (*Казаку*

конь себя дорожке), три из них известны и на Кубани (*Без коня не казак; Казак без коня что солдат без ружья; Без коня казак кругом сирота*).

Боевой конь недаром высоко ценился казаками. Он нес военную службу и участвовал в боях наравне со своим хозяином, поэтому «в народном сознании боевой конь наделялся качествами, близкими казакам: удалью, бесстрашием, лихостью» [Васильев, 2005, с. 163]. Любовь казака к своему коню нашла отражение в устойчивых речениях. Часть ФЕ, актуализирующих сему 'боевой конь', восхищаются преданностью животного своему хозяину: *Конь, как пёс, всю жизнь на одну кличку отзывается; Нет у казака лучшего друга, как его боевой конь; Конь на службе казаку – верный товарищ; Хороший друг – то как вороной конь: и из огня вынесет, и из беды выволит*. В данных контекстах лексема *конь* обладает позитивной эмоциональной окраской, а в трёх последних микротекстах она олицетворяется в сравнениях и приобретает значение «товарищ». Концептуальная метафора «конь-товарищ» основана на восприятии коня как верного, преданного человеку животного. В пословице *Конь – это душа казака* боевой конь, соотносимый с душой человека, приобретает даже некий сакральный смысл.

Нами выделены и общерусские ФЕ, в которых лексический компонент *конь* обозначает преданного друга: *Конь мой, конь, ты мой верный друг!; Конь мой вся моя надежда; Конь не выдаст, и враг не съест; Кто коней меняет, у того хомут гуляет*. В последнем микротексте метафоризация лексемы *конь* происходит на основе прямого значения «рабочее животное».

Большая часть описанных выше кубанских ФЕ включает или подразумевает лексему со значением «мужчина-воин», поэтому в данных контекстах конь изображается как часть мужского мира. По мнению исследователей истории кубанского казачества, конь для казака являлся символом принадлежности к мужской субкультуре и «был в той или иной степени изолированным от женщин» [Васильев, 2005, с.160]. Такую изолированность демонстрирует устойчивое речение: *Вот какая женщина:*

хоть до коней, хоть до рала, хоть до пана генерала. Пословица одобрительно отзывается о женщине, которая способна выполнять то, что, по представлениям казаков, является мужским делом: ездить на коне, пахать землю, служить в армии. Эта пословица актуализирует сему 'боевой конь', а сему 'работа' реализует другая лексема – *рало*, обозначающая сельскохозяйственное орудие труда.

Некоторые кубанские устойчивые фразы пословично-поговорочного типа, в которых говорится о боевом коне, являются кавалерийскими заповедями [Чалов, 1981, с.112], вобравшими в себя многолетний опыт обращения человека с этим животным: *Держись за гриву, бо за хвост коня не удержишь; Хозяин коня тот, кто на нём сидит, кого конь на себе нэсэ, кому служит; Дать коню нагайку; Бийся козла спэрэди, коня сзади, а дурного чоловика – з усих сторон.* В данных ФЕ в лексеме конь реализуется потенциальная сема 'непокорность', а в последнем микротексте – и сема 'опасность'. «Конь был верным товарищем казака, несмотря на это он осознавался как особое существо с непредсказуемым поведением» [Беляева, 2021, с. 76].

Подобные поучения есть и в общерусском фразеологическом фонде: *Запрометчиву коню не верь в узде (в езде); Коню не верь: кобылью голову найдёшь, и ту зануздай; Козла бойся спереди, коня сзади, а злого человека со всех сторон.* Такие фразеологические контексты могут пониматься как в прямом, так и в переносном значении, приобретая дополнительный смысл «призыв к осторожности».

Непокорный характер боевого коня отражен и в кубанской паремии *То и конь, что треноги рвёт.* Для службы казак часто приобретал необъезженную, выросшую в табуне и привыкшую к вольным степным просторам лошадь, которую объезжал он сам или черкес-табунщик [Матвеев, 2005, с. 141]. Это устойчивое речение может употребляться и в переносном значении при характеристике свободолюбивого человека.

В общерусских поговорках семантика лексемы *конь* тоже может обогащаться переносным значением «свободолюбивый человек»: *У коня овса без выгребу, а он рвётся на волю; Какими заклёпами ни замыкай коня, он всё равно рвётся на волю; Весело коням, когда скачут по полям.*

К группе кубанских ФЕ, актуализирующих сему 'боевой конь', относятся и устойчивые фразы пословично-поговорочного типа, в которых говорится об уходе за этим животным. Такие речения отражают ценностную составляющую концепта КОНЬ. Лексема *конь* в подобных контекстах обладает мелиоративной оценочностью. Казаки, жизнь которых была связана со строевыми лошадьми, знавшие и любившие этих животных, тщательно и бережно ухаживали за ними, что отразилось в следующих микротекстах: *Береги коня как зеница (зеника, зеницу) ока (вока); Побереги коня раз, а он тебя десять раз; Майская роса коням лучше вивса; Сам недоешь, а коня накорми, сам недопей, а коня напои; Не давай коню тощатъ – в дороге не станет; Бэрэжи коня дома, а вин тэбэ – в дорози.* Большая часть таких устойчивых речений тоже имеет форму кавалерийских наставлений. Поговорка *Хороший казак коня своего сам холит* может пониматься и в прямом, и в переносном значении [Чалов, 1981, с. 112], обогащаясь дополнительным смыслом «своё / чужое». Сема 'уход за конём' реализуется и в общерусских ФЕ: *Сыпь коню мешком (холь, гладь коня мешком), так не будешь ходить пешком.*

Армейские стандарты отбора строевых лошадей были достаточно высоки: боевой конь должен был быть физически безупречен [Матвеев, 2005, с. 143-144]. Об этом говорится и в кубанских фразеологических контекстах: *Конь лэчоный, жьыд крещоный; На лэченом кони далэко нэ уидэши; Лэчэным конэм нэ найиздэшия.* В общерусских поговорках тоже говорится о больном или уставшем, надорвавшемся животном: *На леченом коне неделю ездить; Надсажен конь недалеко везёт; Усталому коню хомут не хомут, всё неладно.* В переносном значении такие устойчивые речения могут быть употреблены и применительно к человеку. Метафорический перенос

осуществляется на основе признака «психофизиологическое состояние» объектов скрытого сравнения.

Семантическая структура ФЕ, посвященных боевому коню, может включать категориальную или ассоциативную сему 'дорога', так как совокупно образы коня и дороги воплощают реалии военной жизни казачества. Казак отправлялся в поход пешком либо на коне, которого выводила из ворот мать или невеста [Бондарь]. Кубанский фразеологизм *Выпить на коня* (выпить перед дорогой) связан с обрядом проводов казака. В данном контексте лексический компонент *конь* в результате метонимического переноса обогащается дополнительным смыслом «дорога». Дорога, нередко трудная и опасная, была неотъемлемой частью военной службы: *На коня – копыцею, а з коня – пшеницею; Конём играть* (скакать). В общерусских ФЕ, посвящённых дороге, слово *конь* обозначает не боевое животное, а рабочее (транспортное средство): *Конного гостя провожай до коня, а пешего до ворот; Не бойся дороги, были б кони здоровы.*

Сема 'рабочий конь' актуализируется лишь в двух кубанских ФЕ: *Хорошего коня в работе побачишь, а хорошую жену – у люльки; Как покормишь коня, так и попасешь.* Малое количество таких устойчивых речений может быть связано с тем, что до переселения на Кубань у черноморских казаков, занимавшихся скотоводством, рыболовством и охотой, земледелие почти не было развито [Щербина, 1910, с. 557]. К этому можно добавить, что в широких кубанских степях и черноморские, и линейные казаки использовали в качестве тягловой силы преимущественно волов, а не лошадей, в отличие от тех славян, которые занимались сельским хозяйством в лесной зоне [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 590].

На рубеже XIX – XX столетий роль коня в жизнедеятельности казаков изменилась. И. Ю. Васильев отмечает, что в этот период, в связи с упадком экстенсивного коневодства и ростом цен на армейских лошадей, покупать их стало сложнее. Вместе с этим распашка целины привела к тому, что казаки при обработке земли стали все чаще использовать коня, а не вола. Это

не могло не отразиться на казачьем менталитете: «Отношение к строевому коню – один из основных показателей сохранения или упадка казачьей системы ценностей. Желание иметь боевого коня свидетельствовало о приверженности воинским идеалам, которые традиционно первенствовали в казачьей ментальности. Взгляд на коня исключительно с хозяйственной точки зрения говорил о размывании специфического воинского мировоззрения казаков» [Васильев, 2005, с. 164].

В общерусском фразеологическом фонде нами выделена 1 ФЕ, где в семантике слова *конь* эксплицитно выражена сема 'рабочее животное': *Конь налогом берёт, а человек – смирением.*

Итак, в большинстве кубанских и общерусских ФЕ, отражающих прямые значения лексемы *конь*, она обладает положительными коннотациями. Некоторые микротексты могут иметь не только прямое, но и переносное значение.

Проанализированные кубанские ФЕ включают 47 % устойчивых речений с компонентом *конь* (39 ФЕ), отражающих метафорическое осмысление этой лексемы; общерусские ФЕ – 85,9 % (170 единиц). В результате изучения кубанских и общерусских фразеологических контекстов с лексическим компонентом *конь*, были отмечены различные метафорические значения. Самую многочисленную группу образуют ФЕ, образно характеризующие человека.

В кубанской фразеологии конём называется человек, внешность которого не соответствует общепринятым эстетическим нормам. Сопоставление человека с конем основано на таких материально-физических признаках животного, как «крупное телосложение, рослость» (*Конь в юбке. «О женщине крепкого телосложения, грубоватой»*) или «возраст» (*Красивый, как кинь (конь) сивый. «О постаревшем, некрасивом человеке»*). Внешне непривлекательный человек сопоставляется с конем и в общерусской пословице: *Лыс конь – не увечье; плешив молодец – не бесчестье.*

Получили распространение в кубанских говорах, но отсутствуют в обследованных нами фразеологических контекстах общенародного языка фразеологизмы, характеризующие человека, неспособного на что-либо большее (*Коням хвосты крутит*), а также глупого человека (*Дурний, як турецький кинь*). В приведённых ФЕ слово *конь* обладает пейоративной оценочностью.

Кубанская поговорка *Не в коня корм* обозначает что-либо бесполезное. Эта ФЕ получила распространение и в национальном языке. О чём-либо бесполезном для человека говорят и другие общерусские устойчивые выражения: *Не в коня овёс; Корм коня дороже; В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить*.

Казакам было известно, каким порой неуправляемым и упрямым может быть это домашнее животное, поэтому обладающего такими качествами человека тоже уподобляли коню: *Норовитый як конь; Сдерживать, как норовистого коня*. Упрямый человек сопоставляется с конём и в общерусских пословицах: *На ретивого коня не кнут, а возжи; Обойдёшь да огладишь, так и на строгого коня сядешь*. Этот смысл является показателем психотипа «свободного» человека [Илюхина, 2010, с. 109].

В представлениях казаков конь был особенным существом и отличался от всех домашних животных, поэтому в некоторых фразеологических контекстах с конем сравнивается исключительный, отличный от всех человек: *Куды кинь копытом, туды и жаба лапою; Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёю; Похожа свиня на коня, тикэ шерсть нэ така*. В таких ФЕ «благородное» животное (конь) противопоставлено «низким» (жабе, раку, свинье) не только по признаку «внешний вид», но и по более высокому «статусу». Лексема *конь* обладает мелиоративной оценочностью и актуализирует сему 'боевой конь', ведь для казаков боевой конь был воплощением благородства и аристократизма, символом высокого казачьего воинского статуса [Васильев, 2005, с.159].

В национальном языке тоже присутствуют ФЕ, в которых показана исключительность коня: *Свинье коню и рылом под хвост не достать; Коня куют, жаба лапы подставляет; Конь горбат, не мерину брат; Без осанки конь – корова; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.*

В общерусском фразеологическом фонде есть пословицы, в которых боевой конь противопоставляется рабочей лошади: *Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом; Не всё то конь, что лошадь* [Русские пословицы и поговорки, 1988, с. 210]. В кубанских ФЕ такие речения не обнаружены. Это может указывать на отсутствие различий в семантике лексем *конь* и *лошадь* в кубанских говорах.

В кубанских устойчивых контекстах осторожный, обладающий жизненным опытом человек сопоставляется с умным, прекрасно обученным конём: *Бережёного коня и зверь в поле не берёт; Осторожного коня и волк не берёт; Старый конь борозды не портит.* Две последних пословицы являются и общерусскими. Они реализуют признак «животное, обладающее интеллектом». Такой признак актуализируется и в кубанских пословицах *Конь на четырёх нагах, и то спатыкайица; Конь на четырёх ногах спотыкается, а человек на двух тем более,* которые получили распространение и в национальном языке, наряду с другими общерусскими поговорками: *Кабы на добра коня не спотычка, так ему бы и цены не было!; И на добра коня спотычка живёт; Спотыкается конь, да поправляется.* Способность хорошего коня спотыкаться осмысливается как способность умного человека ошибаться. В таких ФЕ лексема *конь* обладает позитивной оценкой.

Конь был полноправным участником не только военной, но и трудовой деятельности казака, поэтому некоторые устойчивые выражения с лексемой *конь* характеризуют человека-труженика: *Коня в гости зовут не мёду пить, а воду возить;* человека-мастера: *Конь возит воду и воеводу.* В таких пословицах актуализируется признак «рабочее животное», а в последней ФЕ – и признак «боевой конь». Конь соотносится с работающим человеком и в

общерусских пословицах: *Красовит конь упряжью да в хомуте; Кто в кони пошёл, тот и воду вози; Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое.*

Остальные кубанские паремии, дающие метафорическую характеристику различных человеческих качеств, акцентируют признак «требующий ухода». Это поучения, вобравшие в себя опыт многих поколений. ФЕ *Песнею коня не накормишь* учит, что голодного человека нужно накормить. Устойчивое речение *Не гони коня кнутом, а гони его овсом* напоминает о том, как важно поощрять человека. Кубанская паремия *Ясли до коний ни ходють* советует проявлять инициативу. Эти пословицы являются также и общерусскими.

В национальном языке есть и другие фразеологические контексты, метафорически описывающие человека. Подобные переносные употребления лексем *конь* в обследованных нами ФЕ кубанских говоров отсутствуют:

– человек, любящий свою родину, патриот: *И конь на свою сторону рвётся, а собака отгрызётся и уйдёт; Степного коня на конюшне не удержишь;*

– самобытный человек: *Бурого коня за рекой примечают; Что двор, то говор, что конь, то норы;*

– человек, живущий надеждой: *Надеючись, и конь копытом бьёт; На авось (наудачу) казак на коня садится, на авось (наудачу) его и конь бьёт;*

– человек, у которого всё в прошлом: *Был конь, было и поезжено; Был конь, да изъездился; Ешь, конь, сено, поминай красное лето;*

– жадный человек: *На голодного коня травы в поле много;*

– трусливый человек: *Конь запрягальщика, а запрягальщик коня боится;*

– неуклюжий человек: *Конь бежит, земля дрожит;*

– ленивый человек: *Конь с запинкой да мужик с заминкой не надорвутся.*

Некоторые кубанские и общерусские ФЕ, включающие компонент *конь*, содержат характеристику каких-либо предметов или явлений.

Например, конь сопоставляется с подарком в устойчивом выражении *Дареному коню в зубы не смотрят*. Метафорический перенос основан на признаке «конь – предмет дарения».

Ряд кубанских ФЕ не имеет соответствия в общерусском фразеологическом фонде. Кубанский фразеологизм *Хата на коне* обозначает бурку казака. Бурка – это верхняя одежда казаков-воинов, которую они позаимствовали у своих противников – горцев, поэтому в основе метафорического переноса в этом микроконтексте лежит функциональный признак «боевой конь».

Кубанские ФЕ *Хоть (хочь; хучь) конём гуляй (играй); Конём гуляй; Конём играй*, в основе которых лежит признак «движение», характеризуют большие размеры помещения, поскольку конь в языковом сознании кубанских казаков ассоциируется со степными просторами, где веет ветер и где казаку есть где разгуляться.

Признак «движение» лежит и в основе ФЕ *С коня (коней) не слазит (слезает)*, которая описывает человека, долго находящегося на военной службе. Лексический компонент *конь* обогащается дополнительным смыслом «военная служба». Метафорическое переосмысление основывается на признаке «боевой конь».

В кубанских говорах нами не обнаружен возникший в XX веке общерусский фразеологизм *Стальной конь*, обозначающий трактор.

Признак «движение», который можно считать одним из ведущих в структуре понятийной составляющей исследуемого концепта, лежит в основе кубанских и общерусских фразеологических контекстов, характеризующих абстрактные понятия: неизбежность предназначенной человеку доли (кубанские ФЕ: *От притчи и на коне не уйти; Нэ кинь вэзэ, а Бог нэсэ*; общерусские ФЕ: *Суженого и на коне не объедешь; Конём не объедешь*), невозможность, недостижимость желаемого (кубанская ФЕ: *Конем не догнать*; общерусские ФЕ: *Прошлого не на конях не заворишь; Выше меры и конь не скачет*). Неизбежность или невозможность чего-либо

выражается предикатом-инфинитивом с отрицательной частицей *не*. Кубанский фразеологический контекст *Конем не догнать* имеет и другое значение: он называет быстро бегущего человека. В паремии *Хотел ехать дале, да кони встали*, реализующей признак «прекращение движения», лексема *кони* получает дополнительный смысл «препятствие в деле».

Признак «движение» лежит и в основе получивших распространение в национальном языке, но не обнаруженных нами в кубанских говорах пословицах, говорящих о вреде спешки, нетерпеливости: *На резвом коне жениться не езд!*; *Кто на борзом коне жениться поскочет, тот скоро поплачет*; *Который конь скоро бежит, тот (после) доле стоит*.

На основе функционального признака «рабочее животное» лексема *конь* приобретает переносное значение «дело» в кубанском фразеологическом контексте *Дело стоит – и конь не валялся* и общерусских ФЕ: *Конь ещё не валялся*; *Когда коней седлать, тогда овсянку заваривать*; *Этот конь корму не стоит*.

Важными для кубанской РЯКМ являются и другие метафорические переосмысления слова *конь*. Они реализуются во ФЕ, в структуре которых есть противопоставление. Например, устойчивые речения с предложными сочетаниями *на коне* и *под конём* акцентируют оппозицию «счастье – несчастье»: *Со счастьем – на коне, без счастья – под конём*; *Хто на кони, той бува и пид конэм*. Фразеологизм *Был на коне и под конём* характеризует опытного, бывалого мужчину. Метафорический смысл развился на основе прямого значения «боевой конь»: на коне оставался уцелевший в бою казак, под конём оказывался раненый или убитый.

В обследованных нами ФЕ национального языка группа микротекстов, в которых лексема *конь* приобретает метафорическое значение «счастье», наиболее многочисленна – 19 ФЕ: *Деньгами коня не купишь, а удачей*; *Непродажному коню и цены-то нет*; *Ныне конь конём, а завтра кол колом*; *Добрый конь не без седока (не без корму)* и др. В паремиях с сочетаниями *на коне* и *под конём* реализуется противопоставление *счастье – несчастье*:

Счастье на коне, несчастье под конём; Кто бывал на коне, тот бывал и под конём (эти пословицы присутствуют и в кубанской фразеологии); *Хотелось на коня, а досталось под коня; Счастливый на коне, несчастный пеш.* Устойчивое выражение *На коне или под конём* приобретает переносное значение «победитель или побеждённый».

Весьма актуальной в кубанской языковой картине мира является бинарная оппозиция «свой – чужой». Боевой конь был не только материально ценностным объектом – он воплощал казачью честь и был «наделён неприкосновенностью. Схватить чужого коня за повод – оскорбить хозяина» [Васильев, 2005, с. 160], поэтому конокрадов наказывали особенно жестоко [Там же]. Противопоставление «свой – чужой» актуализируется во ФЕ в разных значениях: *С чужого коня хоть среди грязи долой; С чужого коня – хочь сэзрьдь дороги геть!* (чужой конь – это конь, принадлежащий другому). В паремии *Конь кобылу не убьёт* ассоциативная сема 'свой' слова *конь* реализована в ином плане: связанный близкими или родственными отношениями. Пословица *С чужого коня хоть среди грязи долой* присутствует и в общерусском фразеологическом фонде, где оппозиция «свой – чужой» также актуализируется в микротекстах с лексемой *конь*: *Не ржут други кони, а лают; Конь не свой, погоняй, не стой; Своего коня шлепком, чужого коня кругляком.*

Общерусские паремии, в состав которых входит слово *конь*, реализуют также противопоставления «богатство – бедность» (*Рабочий конь на соломе, а пустопляс – на овсе; Заёмщик на коне ездит, плательщик на свинье*); «надёжность – ненадёжность» (*Чалого коня за рекой купи; Надсаженный конь, да надломленный лук*). Кроме того, в составе общерусских ФЕ есть микротексты, в которых лексема *конь* приобретает переносное значение – «нечто важное, ценное» (*Саночки-самокаточки, а без коня нельзя; Коня положили, да зайца уходили*); «вздор, небывальщина» (*Найди пегого коня, да чтоб был одной масти; Седлай порты, надевай коня*). Подобные фразеологические контексты в кубанских говорах не обнаружены.

Устойчивых выражений, содержащих компонент *лошадь*, в проанализированных кубанских фразеологических контекстах 14. В 5 ФЕ отражено прямое значение этого слова. Такие микротексты, как и многие фразеологические единицы с лексическим компонентом *конь*, говорят о значимости этого животного для казака, выражают любовь к нему человека. В зависимости от коммуникативной ситуации лексема *лошадь* в составе данных пословиц актуализирует семы 'строевая лошадь' или 'рабочая лошадь': *Из-за одного гвоздя теряется подкова, из-за одной подковы можно потерять лошадь; Беда, у кого лошадь худа; Лошадь ценится резвостью, а человек – знанием; Казак сам не ест, а лошадь кормит*. В этих ФЕ подчеркиваются важные для казака характеристики лошади – способность к быстрому движению и здоровью. Лексема *лошадь* обладает в этих устойчивых речениях позитивной оценкой.

По мнению В. П. Чалого, кубанская ФЕ *И спит, и коней (лошадей) во сне видит* говорит о важном значении боевого коня в жизни казака [Чалов, 1981, с. 111], поэтому можно утверждать, что слово *лошадь* обозначает здесь боевое животное. Более того, в этом микротексте лексемы *конь* и *лошадь* взаимозаменяемы, что указывает на полное совпадение их семантики.

В общерусском фразеологическом фонде выделено 116 ФЕ с компонентом *лошадь*. О ценности этого животного для человека говорится только в одном микротексте (*Лошадь человеку крылья*), но ещё в 9 паремиях семантика лексем *лошадь* обогащается метафорической семой 'нечто важное, ценное' и приобретает положительную коннотацию: *Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову; Дуга золочёная, сбруя ременная, а лошадь некормленая; Целы ль сани, а лошади пропали*.

В русской фразеологии присутствуют ФЕ, в которых лексема *лошадь* обозначает рабочее животное: *Борони по солнцу, лошадь не вскружится; За здоровье лошадей, что возят милых гостей; То лошади и холя: пой да катай, а овса не давай*. Последний из приведённых микротекстов может быть употреблён и в переносном значении и обозначать тяжело работающего, но

не получающего достойной оплаты за свой труд человека. Метафорическое значение «много и тяжело работающий человек» лексический компонент *лошадь* приобретает и в других общерусских фразеологических единицах: *Ломовая лошадь* [Ожегов, 1994, с. 325]; *Он работает как лошадь*; *Лошадь и не мала, да обычаем пропала: ты с хомутом, а она и шею протянула*. ФЕ с компонентом *лошадь*, эксплицитно выражающих значение «рабочее животное», в кубанских говорах не обнаружено.

Если в кубанских ФЕ сема 'уход за животным' эксплицируется только в микротекстах с компонентом *конь*, то в общерусском фразеологическом фонде теме ухода за животным посвящена и группа ФЕ с компонентом *лошадь*: *Не лошадь везёт, а корм*; *Либо корму жалеть, либо лошадь*; *Не корми лошадь тестом да не нудь ездом*. Некоторые из таких фразеологических контекстов обогащают семантику лексемы *лошадь* отрицательной оценочностью: *И с сытой лошади тень тоща*; *Лошадь холь, корми, как сына, а берегись, как ворога (как вора)*; *Не окрикнув лошади, в стойло не лезь*; *Собака друг, а лошадь враг*. В трёх последних пословицах актуализируется сема 'опасность'.

Метафорические переосмысления лексемы *лошадь*, реализующиеся в кубанских ФЕ, сходны с переносными значениями слова *конь*:

- изношенный, больной человек: *Тощей лошади и хвост в тягость*;
- необходимость поощрения для человека: *На лошадь не плеть покупай, а овёс* (эта пословица отмечена и в общерусском фразеологическом фонде); *Не тот хозяин, кто в стремя ноги вложил, а тот, кто сыто лошадь накормил* – в последнем устойчивом выражении дополнительный смысл развился на основе функционального признака «боевое животное»;
- свой – чужой: *Свой осёл лучше чужой лошади*; *Я ни я и лошадь ни моя*. Оппозиция «свой – чужой» актуализируется и в общерусских ФЕ, содержащих лексему *лошадь*: *Лошади чужие, хомут не свой – погоняй, не стой*; *В ссуду жена никогда не даётся, а лошадь – смотря по человеку*.

В кубанском фразеологическом фонде присутствуют микротексты, в которых лексема *лошадь* приобретает и другие метафорические значения:

– подавленный чем-либо, удручённый человек: *Ходит, как опоенная лошадь*;

– много: *Лошадь упрёт(ь)* – так говорят о человеке, который может много съесть;

– покорность – на этом контекстуальном значении остановимся подробнее.

По мнению Н. А. Илюхиной, в процессе метафоризации в образе коня могут реализоваться противоположные признаки: «вольный, непокорный человек» и «покорный, привыкший к работе, к власти над собой»; последний признак воплощается в образе рабочей лошади [Илюхина, 2010, с. 107-108]. Среди проанализированных кубанских ФЕ с компонентами *конь* и *лошадь* были выделены лишь два устойчивых выражения, акцентирующих указанный признак. Эти пословицы содержат лексему *лошадь*: *Одной рукой слезу утирай, а другой лошадь погоняй; Жизнь не лошадь, кнутом не погонишь*. В последней ФЕ возникает оппозиция «жизнь – лошадь», в основе которой – признак «неподчинение/ подчинение человеку». Этот же признак лежит в основе и общерусских пословиц: *Счастье не лошадь: не везёт по прямой дорожке; И слепая лошадь везёт, коли зрячий на возу сидит*.

В общерусском фразеологическом фонде выделены и другие ФЕ, в которых лексема *лошадь* приобретает различные метафорические значения:

– исключительный человек, тот, кто лучше других: *Не хвастайся, корова, есть лошадь поворовей; Кобыла не лошадь, баба не человек*;

– надёжный человек: *Игрению лошадь за рекою купи*;

– бедный человек: *Лошадь с волком тягалась, хвост да грива осталась*;

– опытный, но способный ошибаться человек: *И лошадь кашляет*;

– неопытный человек: *Лошадь молода: первая голова на плечах, и шкура не ворочена*;

- упрямый человек: *Молода лошадь, да норов стар;*
- глупый человек: *Дурак с дураком съедутся, инно лошади одуреют;*
- человек, подверженный соблазнам: *На потливую лошадь овод садится;*
- нетерпеливый, спешащий человек: *Быстрая лошадь скорее станет;*
- трусливый человек: *Что ногойская лошадь у колоды (у колодца): сама своего навоза (дерьма) боится;*
- ленивый человек: *Пиво с кваском (с кислотой), лошадь с запинкой да человек с ленцой два века живут;*
- неуклюжий человек: *Топают, как лошадь;*
- хвастливый человек: *Лошадь рьяна, когда не обротана, а как запряжешь, с места не собьешь;*
- плохая лошадь сопоставляется с избалованной девушкой: *Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована;*
- ученье: *Взвалился на лошадь, так раскинь клешни;*
- кто-либо или что-либо значительное, большое: *И комар лошадь свалит, коли волк пособит;*
- что-либо, не соответствующее требованиям: *Не ко двору лошадь пришла;*
- препятствие в деле: *Бьёт лошадь и задом и передом, а делу идти своим чередом;*
- вздор, небывальщина: *Две лошади белые, третья голая.*

В большинстве представленных ФЕ русского языка лексема *лошадь* имеет отрицательную коннотацию.

Таким образом, в общерусских фразеологических контекстах, составляющих ядро поля вербализаторов концепта ЛОШАДЬ, ключевое слово концепта *лошадь* значительно более употребительно, чем в кубанских, и несёт большую смысловую нагрузку. В кубанских ФЕ более широкой семантикой обладает численно превалирующее ключевое слово *конь*.

В общерусской фразеологии конь осмысливается и как боевое, и как рабочее животное, а лошадь – как животное, необходимое, главным образом, для тяжёлой работы. В кубанской фразеологии эти различия в семантической структуре слов *конь* и *лошадь* исчезают. В семантике лексемы *конь* кубанские ФЕ акцентируют сему 'боевой конь', которая реализуется преимущественно в получивших широкое распространение в кубанских говорах устойчивых фразах пословично-поговорочного типа. Это значение присутствует и в семантике лексемы *лошадь*. О более полной синонимии лексем *конь* и *лошадь* свидетельствует и то, что среди кубанских фразеологических единиц не выделены микротексты, отражающие их дифференциацию.

Необходимо отметить, что в кубанских говорах сходными оказываются и переносные значения, выражаемые устойчивыми речениями с компонентами *конь* и *лошадь* (изношенный человек; необходимость поощрения для человека; свой – чужой). Кроме этих значений, лексема *конь*, обладающая более широким семантическим потенциалом, реализует еще богатую палитру метафорических смыслов. Большинство ФЕ с этим лексическим компонентом дают образную характеристику человека.

В общенародном языке и ФЕ с компонентом *конь*, и ФЕ с компонентом *лошадь* эксплицируют большое число как сходных, так и различных дополнительных значений.

Анализ общерусской фразеологии показал, что лошадь воспринимается русским человеком как часть своего или чужого мира. Кубанские ФЕ с компонентами *конь* и *лошадь* рисуют это животное, прежде всего, как необходимую часть мужского мира, символ казачьего аристократизма и воинского статуса. Боевой конь – самое ценное, что есть у казака, и многие устойчивые выражения с этими компонентами акцентируют сему 'ценность'.

Кроме того, если аксиологическая составляющая общеязыковой лексической семантики слов *конь* и *лошадь* различна (слово *конь*, в отличие

от слова *лошадь*, имеет преимущественно положительную коннотацию), то в кубанской фразеологии обе эти лексемы обладают в основном мелиоративной оценочностью.

2.3.1.2 Анализ кубанских фразеологических единиц, включающих синонимы лексем *конь* и *лошадь*

Ядерную зону ЛСП «конь», вербализующего одноименный концепт, образуют и фразеологические контексты, включающие синонимы-дериваты имен концепта – слов *конь* и *лошадь*, причём три ФЕ являются вариантами устойчивых речений с компонентом *конь*: *Як коняка норовыста(я)*; *Конякой не догнать*; *Конякам хвосты крутить*. Всего выделено десять контекстов с родственными образованиями слов *конь* и *лошадь*: шесть фразеологизмов и четыре паремии. Из них пять фразеологических единиц содержат родственные образования слова *конь*, пять – слова *лошадь*. Полученные данные отображены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение синонимов-дериватов слов *конь* и *лошадь* в ядерной зоне ЛСП вербализаторов концепта **КОНЬ**

	Конь (5 ФЕ)	Лошадь (5ФЕ)
1.	Коняка (4)	Лошадка (1)
2.	Конёк (1)	Лошак/лошака (2)
3.		Лоша (2)

Компонент с корнем *лошад-* содержится во фразеологическом контексте *А твоя лошадка тихо шла*, означающем человека, не успевшего к чему-либо, опоздавшего что-либо сделать. Эта ФЕ содержит уменьшительно-ласкательный дериват лексемы *лошадь*. В кубанских фразеологических контекстах лексемы *лошак* (молодой конь), *лошака* (молодая кобыла) и *лоша* (жеребёнок), метафоризируясь, расширяют свою семантику и обозначают людей: ребёнка (*Кобыла за делом, а лоша без дела*; *Кобыла ряба, и лоша рябэ*); человека, который в чём-либо лучше других (*Був бы лошак, та хвист*

нэ так). Фразеологизм *Реготать як лошака* характеризует очень громко смеющуюся девушку или женщину и обладает отрицательной оценочностью.

Уменьшительно-ласкательный словообразовательный вариант с корнем *кон-* (*конёк*) присутствует во ФЕ *Конёк мой верный – кубанская кровь*. Конь здесь представлен как часть своего мира казака-кубанца. Более того, метафора «кубанская кровь» представляет коня как очень близкое казаку существо, родное ему по крови.

ФЕ с компонентом *коняка* имеют следующие значения:

– упрямый, непокорный человек (1 ФЕ): *Як коняка норовыста(я)*;

– 1) тот, кто быстро бежит; 2) невозможность вернуть что-либо за давностью времени (1 ФЕ): *Конякой не догнать*;

– тот, кто много и тяжело работает (1 ФЕ): *Робыть як коняка*;

– 1) конюх; 2) тот, кто выполняет чёрную работу; 3) тот, кто неспособен на что-то большее (1 ФЕ): *Конякам хвосты крутить*;

Представленные данные говорят о том, что ФЕ с однокоренными образованиями лексем *конь* и *лошадь* характеризуют в основном человека, давая ему как положительные, так и отрицательные характеристики.

Ядерную зону ЛСП «конь» составляют также другие близкие по значению к базовым репрезентантам концепта лексем, обозначающие коня / лошадь (45 ФЕ). Это входящие в состав фразеологических контекстов компоненты *кобыла*, *жеребец*, *жеребчик*, *мерин*, *кляча*: *Бред сивой кобылы*; *Старой (белой) кобылы сон*; *Играть в(у) жеребца* (прыгать на палке, изображая всадника на лошади); *Нэ сидай на жэрэбчика, бо спину поломаешь*; *Врёт, как сивой мерин*; *Ржёшь как мерин в стойле*; *Шкандыбать як кляча*. В обследованных нами микротекстах больше всего выделено ФЕ, содержащих компонент *кобыла*: *На волка памолка, а зайиц кабылу съел*; *Я нэ я, кобыла нэ моя, а батиг дядькив*.

Обычно в кубанских паремиях и фразеологизмах лексема *кобыла*, употребляясь в переносном значении, обозначает человека: *Баба з возу – кобыли лэгшэ*; *Кобыла за диплом, а жэрэбчик так*; *Знала кобыла, нашо*

оглобли была. Как правило, в таких устойчивых речениях слово *кобыла* используется для отрицательной характеристики человека, нередко женщины:

– внешне непривлекательный человек (*Такая кобыла!* – о человеке большого роста; *Стри(ы)жена(я) кобыла* – о коротко подстриженной женщине или девушке);

– неподобающе ведущая себя девочка или женщина (*Иржать як/как кобыла* – о слишком громко смеющихся женщинах или девушках; *Как кобыла ногайская (скачет, носится, насаётся, бегаёт)* – о не в меру резвящейся девочке-подростке; *Кобыла ногайска(я)* – о распутной женщине);

– человек, обладающий отрицательными качествами: лживостью (*Врёт, как старая кобыла*); глупостью (*Хвастала кобыла, что с возом горшки побила; Кобыла с волком подружилась, та й до дому не вернулась*); жадностью (*Нэ хотила кобыла вивса*).

Неодобрительно или иронично характеризуют человека и другие микротексты, включающие компонент *кобыла*: *У кобыл хвосты обкусывать* (досадовать по поводу чего-либо упущенного, непоправимого); *Водить кобылу* (бездельничать, пьянствовать); *Нэ прышей кобыли хвист* (бестолковый работник); *Пришей кабыли хвост* (кто-либо ненужный, лишний); *У кобылы под пузом катухи очищать* (насмешка над конником, наездником). В приведённых выше контекстах лексема *кобыла* обладает отрицательной оценочностью и ироничной или презрительной эмоциональной окраской.

Итак, лексемы, обозначающие коня / лошадь, в кубанских фразеологических контекстах, как правило, приобретают метафорическое значение «человек». Но если ключевые слова концепта *конь* и *лошадь* имеют в кубанской фразеологии преимущественно положительные коннотации, то лексические компоненты *кобыла*, *кляча* и *мерин*, наоборот, обладают пейоративной оценочностью.

2.3.2 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими приядерную зону ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ

Приядерную зону поля «конь» образуют включенные в кубанские фразеологические единицы дериваты имени концепта – слова *конь*, характеризующие коня или связанную с лошадьми деятельность человека. Всего выделено девять фразеологических контекстов с родственными образованиями слова *конь*: шесть фразеологизмов и три паремии. Фразеологические единицы, содержащие родственные образования слова *лошадь*, отсутствуют. Полученные данные отображены в таблице 2.

Таблица 2
Однокоренные образования слова *конь* в приядерной зоне ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ

Конь (9 ФЕ)	
1.	Конский/ки(о)ньский (4)
2.	Конюшня (1)
3.	Конный/бесконный (2)
4.	Коняцкий (1)
5.	Конюшаный (1)

Проанализировав микротексты, включающие однокоренные образования с корнем *кон-*, их смысловое содержание, можно выделить следующие значения, связанные с объектным значением слова *конь*: «принадлежащий коню» или «относящийся к коню» (*ки(о)ньский* – 2 ФЕ, *коняцкий* – 1 ФЕ): *Киньску голову знайди и ту зануздай; Ки(о)ньска(я) корзина; Коняцкий тополь.*

Большая часть ФЕ, содержащих компоненты с корнем *кон-*, реализуют в своей смысловой структуре переносные значения:

– хата для работников в степи (*конюшаный* – 1): *Конюшаная хата.* Дополнительный смысл возникает на основе метонимического переноса: рядом с домом, который строился для людей, работающих в поле, возводились и хозяйственные постройки, в том числе и конюшня;

– неровня друг другу (*конный / бесконный* – 2 ФЕ): *Пешай конному не товарищ; Бесконный не казак;*

– возвращаться к прежней жизни (*конюшни* – 1 ФЕ): *Возвращаться к старым конюшням.* В сочетании с прилагательным *старые* словообразовательный вариант *конюшни* приобретает переносное значение «прежняя жизнь, прошлое»;

– очень много чего-либо (*конский* – 2 ФЕ): *Как конского гною; Конский прожор напал.*

Представленные данные говорят о том, что все кубанские фразеологические единицы с элементами приядерной зоны поля «конь», содержат различные дериваты слова *конь*, но не содержат дериваты слова *лошадь*, что свидетельствует о бóльших словообразовательных, семантических возможностях и бóльшей употребительности лексемы *конь* в кубанских говорах по сравнению со словом *лошадь*.

2.3.3 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими ближнюю периферию ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ

Ближнюю периферию поля «конь» образуют включенные в кубанские фразеологические контексты лексемы, которые характеризуют свойства животного. Было выделено 92 ФЕ (52 фразеологизма, 40 паремий).

Данные устойчивые речения могут содержать компоненты *конь* и *лошадь*. Нередко эти лексемы отсутствуют, и тогда описание животного даётся имплицитно. Ближнюю периферию поля «конь» составляют ФЕ с компонентами, обозначающими:

- 1) части тела коня (32 ФЕ);
- 2) масть, особенности окраса животного (9 ФЕ);
- 3) движение коня (10 ФЕ);
- 4) коня как часть своего или чужого мира (8 ФЕ);
- 5) способы хода и бега (7 ФЕ);
- 6) биологические и психофизиологические свойства животного (5 ФЕ);
- 7) поведение коня (4 ФЕ);

- 8) возраст (3 ФЕ);
- 9) издаваемые звуки (3 ФЕ);
- 10) назначение (3 ФЕ);
- 11) состояние коня (3 ФЕ);
- 12) беговые и тягловые качества коня (3 ФЕ);
- 13) особые позы коня (2 ФЕ).

К первой и самой многочисленной группе относятся фразеологические контексты, которые содержат компоненты, обозначающие части тела коня (*голова, грива, хво(и)ст, копыто, ре(ы)пица, пузо, шерсть, зубы*): *И в хвост и в гриву; Копыта отбросить (откинуть); Копыта отдирать (отодрать); Копытом рыть; Выбить с копыта (копытка); С копытка; Хвост голове не указка; Не удержался на гриве – на хвосте не удержишься (не усидишь); Наломать хвоста; Хвосты подносить; Хвосты крутить; Отрезать хвост; Укоротить хвост; Показать хвост; Отрубить хвост по самую рыпицу; У кобыл под пузом катухи очищали; Похожа свинья на коня, тикэ шерсть нэ така; Дарёному коню в зубы не смотрят* и др.

Вторая группа фразеологических единиц включает лексемы, обозначающие масть, особенности окраса коня (*сивый, белый, буланый, рябой, вороной, серый*): *Бред сивой кобылы; Белый кобылы сон; Дали в приданое кобеля буланого; У рябой кобылы рябое и лоша; Хороший друг – то, как вороной конь: и из огня вынесет, и из беды вызволит; Вали на серого, серый всё свезёт* и др.

Третью группу составляют фразеологические контексты, содержащие глаголы, которые характеризуют движение коня (*скакать, идти, шкандыбать, играть, гулять, спотыкаться, стать, встать*): *А твоя лошадка тихо шла; Шкандыбать як кляча; Хоть конём играй; Конём гулять; Конь на четырёх ногах спотыкается, а человек на двух тем более; Не давай коню тощат, в дороге не станет; Хотел ехать дале, да кони встали* и др. В устойчивом обороте *Скакать как черт*, где быстро движущийся конь или всадник сравниваются с чертом, находит отражение определённое

восхищение удалью и ловкостью черта, в чём проявляется весьма своеобразное отношение кубанских казаков к мистическим представлениям, связанным с «нечистой силой».

К четвёртой группе относятся ФЕ, которые содержат компоненты, актуализирующие бинарную оппозицию «свой – чужой» (*чужой, ни мой, ногойский, турецкий*): *Свой осёл лучше чужой лошади; Я ни я и лошадь ни моя; Кобыла ногойская; Дурний, як турецкий кинь* и др.

Пятая группа фразеологических единиц включает лексемы, обозначающие различные способы хода и бега лошади (существительные *кульерт/карьер, аллюр, гор, крест, крестик*; наречие *галопом*): *Галопом по Европам; Во весь кульерт (карьер); Аллюр два (три) креста* (Срочно); *На полкреста; Прибавить аллюр на один крестик; Давай аллюра* (Быстрее! Бегом!); *На весь гор* (Очень быстро) и др. В. П. Чалов отмечал, что кубанские ФЕ, которые сначала использовались для указания на способ бега лошади, «затем расширили свои семантические возможности и вследствие метафоризации начали употребляться в речи для обозначения способа действия людей и даже природы» [Чалов, 1981, с. 120].

Шестую группу образуют фразеологические контексты, содержащие прилагательные, которые характеризуют психофизиологические свойства животного (*слепой, носатый, норovitый, осторожный, бережёный*): *Миняй, свату, слипу кобылу на носату; Норovitый как (як) конь; Осторожного коня и волк не берёт; Бережёного коня и зверь в поле не берёт* и др.

Седьмую группу составляют ФЕ, содержащие лексемы, которые описывают поведение коня (*валяться, мотать (головой), задки*): *Дело стоит – и конь не валялся; Мота головой, як кобыла в Спасивку; Задки кидать; Бить задки.*

Восьмая группа фразеологических единиц включает прилагательное *старый*, обозначающее возраст животного: *Старой кобылы сон; Врёт как старая кобыла; Старый конь борозды не портит.*

Девятую группу образуют фразеологические контексты, содержащие глаголы с семой 'издаваемый животным звук' (*ржать (иржать), рөготать*): *Ржёшь как мерин в стойле; Иржать як/как кобыла; Рөготать як лошака.*

К десятой группе относятся фразеологические единицы, которые содержат компоненты, указывающие на назначение животного (*боевой, под верх*): *Нет у казака лучшего друга, чем его боевой конь; Лошадь под верх.*

Одиннадцатая группа ФЕ включает лексемы, обозначающие состояние коня (*лэчэный, худой*): *Лэчэным конэм нэ найиздэшся; На лэчэном кони далеко нэ увидэш; Бида, у кого лошадь худа.*

Двенадцатую группу составляют фразеологические контексты, содержащие лексические компоненты, которые характеризуют беговые, тягловые качества коня (*жвавый, резвость*): *Кинь жвавый, сам бравый; Лошадь ценится резвостью, а человек – знанием; Хорошего коня в работе побачишь, а хорошую жену – у люльки.*

Тринадцатую группу образуют фразеологические единицы, содержащие лексему *гопки*, которая обозначает особую позу животного – коня, вставшего на дыбы: *Становиться (стать) гопки; Черти гопки стоят.*

Анализ ближней периферии поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанской фразеологии позволяет описать образную составляющую концепта. Перцептивный образ коня создается с помощью лексем, обозначающих части тела и физиологические особенности коня, его масть, состояние, возраст, поведение, а также движение, особые позы коня и звуки, издаваемые животным.

Тот факт, что в кубанском фразеологическом фонде столь широко представлена лексика, описывающая коня, говорит об актуальности концепта КОНЬ в языковом сознании казаков.

2.3.4 Анализ кубанских фразеологических единиц с элементами, составляющими дальнюю периферию ЛСП вербализаторов концепта **КОНЬ**

Дальнюю периферию поля «конь» составляют содержащиеся в кубанских фразеологических контекстах лексемы, которые характеризуют связанную с конём человеческую деятельность. В состав дальней периферии мы также включили содержащиеся во ФЕ компоненты, которые имеют в структуре своих значений лишь ассоциативную сему 'конь'. Всего было выделено 260 фразеологических единиц (129 фразеологизмов и 131 паремия).

Концепт КОНЬ репрезентируют следующие лексические единицы:

1) лексемы, которые обозначают человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми, в семантическую структуру этих слов входит категориальная или ассоциативная сема 'кавалерист' или 'кавалерия' (*казак, атаман, приказный, ефрейтор, урядник, подпоручик, десяток, сотня, эскадрон, дивизия, бригада, войско, рать, армия*), 67 ФЕ: *Без коня не казак; Природный казак; Репаный казак; Кавказский казак; Кубанский казак; Войсковой атаман; Походный атаман; И курица птица, а и приказный (ефрейтор) не последняя спица в колеснице; Лучшие живой урядник, чем мёртвый подпоручик; Из (с) десятка не выкинешь; Волчья сотня; В(у) роте как эскадрон ночевал; Железная дивизия; Вышла рать, что глазом не обнять; Верное войско; Ни в тень, ни в плетень, ни в Красную Армию; Дикая бригада и др.;*

2) лексические компоненты, обозначающие элементы конской упряжи, сбруи, а также подковы (*узда, уздечка, уздица, седло, седельце, упряжка, хомут, барка, дышло, дуга, оглобли, вожжи, стремяна, стремянная (рюмка), повод, удила, подпруги, шоры/шворы/швори, клещи, подкова*), 39 ФЕ: *Держать в узде; На уздечках держать; Казак без седла что черкес без кинжала; С седла не слазить; Тоби всё это идэ, як корови сидло; Как кабардинское (габардинское) седло (согнулся; кривой); Була б шыя, а хамут найдэця; Баркы(и) обсерешь; Нэ чипляй своей баркэ до моей пидводэ; Закон*

что дышло: куда повернёшь, туда и вышло; Колхоз «Червонно дышло»; Кнутом оглоблю не перешибёшь; Замысила на дрожжах, нэ удэржыш и в вожжах; Стремена выбивать; Сделать шёлковый повод; Удила перекусывать; Ну, други, подтяните подпруги; Взять в шворы (швори; шоры); Стари вещи, брыль та клеци; Выпить стременную; Одеть (надеть) хомут; Свинцом засивае, подковой боронэ, шашкою жнэ, Дед за дугу, а баба с воза и др.;

3) лексические единицы, обозначающие транспортные средства (или их составные части), которые могут приводиться в движение лошадьми, (воз, возочек, возок, возык, повозка, телега, гарба, сани, санки, кибитка, колесница, колесо, ось), 39 ФЕ: *Пятое колесо до возу; Свозить возочек (возок); Возом поехать; Привыкла собака бегать за возом, бегае и за санями; Што с возу упала, то прапала; На полугорье воз не останавливают; Под воз попал, так и Тимоху батькой назвал; Молодец с воз, а ума с накопыльник нет; Санитарная повозка; Как Христос на колеснице прокатился; За день на телеге не объедеш; Гатовь сани летом, а тилегу – зимой; Какие сами, такие и сани; Сэмэро в санках, а восьмэ на санках; Скрыпеть як намазана гарба; Возыкы возыть; Никого нэ найдеш: ни осей, ни колесей и др.;*

4) лексемы, обозначающие перемещение человека и грузов (ехать, ездить, объехать, съехать, поехать, уехать, въехать, проехать, уйти, догнать, кататься, везти(ы), возить, вывезти, нэсты, понести, скакать, вскочить, верхи/верхом, под верх, тпру, ну), 37 ФЕ: *Едиш на день – бири хлеба на ниделю; Едуть как на суд; Не подмажешь – не поедеш; На чужом горбу в рай нэ ввидеш; Сколько бьёшь, столько и едеш; Всемером не объедеш; На нём далеко ни уедиш: иде сядиш, там и слезиш; Ни пройти ни проехать; Конём не догнать; Дым возить; Везти(ы) постель(ю)/подушкы(и); Куда слипая вывизить; Хозяин коня тот, кто на нём сидит, кого конь на себе нэсэ, кому служит и др.*

Глаголы движения, представленные в устойчивых речениях (*ехать, везти, возить* и др.), распределяются неоднородно. Наиболее частотным во фразеологических контекстах является глагол *ехать* и его дериваты, которые употребляются как в прямом значении (*Ехать галасвито*), так и в переносном (*На охоту ехать – давай собак кормить; Всемером не объедешь; Своё счастье не обойдёшь не объедешь; Проехать Крым и Рым <и медные трубы, и чёртовы зубы>*).

Глагол *скакать* и его приставочные словообразовательные варианты употребляются в переносном значении (*В грех скакать*). Глагол *вскочить* приобретает ассоциативную сему 'преодолеть препятствие': *Захочешь – на гору вскочишь, а не захочешь – с горы не съедешь*. Другие глаголы движения – *(с)возить, (вы)везти, (по)нести, уйти, кататься* – также употребляются в контексте ФЕ преимущественно в переносном значении: *Возит воду и воеводу; На сердитых воду возят, а на дутых – кирпичи; Не поёт, а телегу везёт; То вэзэ, то нэ вэзэ. Бодай бы здохло тэ, шо й вэзэ; Куда кривая вывизить; Понести по кочкам; Дураки на вумных катаются и ума набираются; От притчи и на коне не уйти*.

В эту же группу входят и фразеологические контексты, содержащие наречия и междометия, которые характеризуют особенности езды на коне (*верхи/верхом, под верх, тпру, ну*): *Под верх (верхом); Верхи ездить; Верхи брать; Верхом не достанешь; Ни “тпру” ни “ну”*;

5) лексемы с общим значением «управление конём» (*гнать, погонять / погнать, командовать, водить, дать (нагайку), бато(и)г, батижок, кнут, плеть, би(ы)ч*), 19 ФЕ: *Не гони кнутом, а гони овсом; Кто визёт, таво й паганяють; Жизнь не лошадь, кнутом не погонишь; Командовать як цыган коньмы; Водить кобылу; Дать <коню> нагайку; С батогом стоять; Как по воде батогом; Сломався возок, но остався батижок; Плетью обуха не перешибёшь; Была б спина, а кнут найдётся; Дакащину – первый кнут; Овсом не кормят, кнутом же гонят; Из-под бича и др.;*

б) лексические единицы, обозначающие дорогу. В семантической структуре этих слов присутствует ассоциативная сема 'конь' (*дорога, дорожка, путь*), 21 ФЕ: *Выстилаться дорожкой; Закудыкивать дорогу; В дорози и голка важка; Кто утикае, у того одна дорога, а хто догоняе, у того – сто; Когда неведома дорога, на ней канав и рытвин много; Поперёк пути стать и др.*

7) лексические компоненты со значением «уход за конём» (*пасти, поить, напоить, кормить, накормить, покормить, беречь, поберечь, холить, сено, солома, корм, ясли, овёс*), 15 ФЕ: *Пасти задних; Сам недоешь, а коня накорми, сам недопей, а коня напои; Ёязык авсом ни кармить; Как покормишь коня, так и попашешь; Береги коня, как зеница (зеника; зеницу) ока (вока); Побереги коня раз, а он тебя десять раз; Хороший казак сам своего коня холит; Дома и солома едома, а в гостях сено – и йисть не хочется; Не в коня корм; Ясли до коний ни ходють и др.;*

7) лексемы, обозначающие подготовку к движению / завершение движения (*запрягать, впрячь, патпригаться, садиться (сидать)/сесть, слазить (слезать), встать, выпряг, взнузданный*), 11 ФЕ: *Запряга прямо, а йиздэ криво; Кнут в оглобли не впряжёшь; Ни патпригайси, а то барки апсерии; Дэ сядэи, там и встанэи; Черти не садились; С коня (коней) не слазить (слезать); Работать без выпрягу; Як взнузданный и др.;*

8) лексические единицы с общим значением «ограничение свободы коня» (*аркан, попута, треноги*), 7 ФЕ: *На аркане не затынешь; На аркане тянуть; В одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи; В кармане вошь на аркане; В кармане три блохи на аркане; Снять попуту; То и конь, что треноги рвёт;*

9) лексические компоненты, семантическая структура которых включает сему 'причинение вреда' (*опоенная, съесть*), 3 ФЕ: *Ходит, как опоенная лошадь; На волка памолка, а зайиц кабылу съел; Ни за то волка бьють, што сер, а за то, што кабылу съел;*

10) существительное *приз*, входящее в состав устойчивого выражения *Вытяжной приз*, обозначающего «скаковой приз победителю на бегах» [Чалов, 1981, с. 40], 1 ФЕ;

11) существительное *гной* (навоз), в составе фразеологизма *Как конского гною*, 1 ФЕ.

Характеризуя смысловые составляющие концепта **КОНЬ**, реализующиеся в периферийной зоне полевой структуры его вербализаторов, необходимо отметить, что в кубанской фразеологии присутствует множество фразеологических контекстов, в которых актуализируется сема 'боевой конь': *Добрый казак баче, де атаман скаче; Казак в сидли – дивка в пэлэни; Казак без седла что черкес без кинжала; Свинцом засивае, подковой боронэ, шашкою жнэ*. В последней паремии представлено метафорическое переосмысление образа коня, который в комплексе с образами холодного и огнестрельного оружия становится символом войны. В представлениях восточных славян земледельческий образ жатвы соотносился с образом войны [Славянские древности, 1995, т. 1, с.408].

Сема 'боевой конь' входит в семантическую структуру всех ФЕ, составляющих первую, самую многочисленную группу зоны дальней периферии – устойчивых выражений с компонентами, называющими человека или множество людей, по роду своей деятельности связанных с лошадьми, а точнее, с кавалерией: *В нашем полку нету толку; Кубанское казачье войско; Стальная дивизия; Дикая дивизия; Чёртова сотня; Войско верных казаков; Казак воюе, а жинка горюе; Терпи, казак, атаманом будешь, а умрѣшь – с коня в рай попадѣшь* и др. Стержневыми компонентами в этих устойчивых речениях являются названия представителей родов войск, в составе которых была конница, названия войсковых подразделений, которые были или могли быть конными, а также войсковых соединений, в составе которых были такие подразделения: *казак, атаман, приказный, ефрейтор, урядник, подпоручик, десяток, сотня, эскадрон, дивизия, бригада, войско, рать, армия*.

ФЕ с лексемами, обозначающими транспортные средства и элементы упряжи, актуализируют ассоциативную сему 'работа': *Гатовь сани летом, а тилегу – зимой; Була б шыя, а хамут найдэця; Баркы(и) обсерешь; Колхоз «Червонно дышло».*

В подавляющем большинстве фразеологических единиц периферийной зоны актуализируются метафорические, приращенные смыслы.

Чаще всего в структуре анализируемого концепта реализуется оппозиция «свободный человек – несвободный человек». С несвободным человеком во фразеологических контекстах ассоциируется образ осёдланной или упряжной лошади, поэтому сема 'несвобода' акцентируется даже в устойчивых речениях, в которых отсутствуют компоненты, называющие лошадь, но содержатся лексические единицы, обозначающие элементы упряжи, орудия принуждения коня к повиновению и/или глаголы *гнать, погонять, запрягать, (не) слезть: Держать в узде; На аркане не затянешь; Снять попуту; Закон что дышло: куда повернёшь – туда и вышло; Сломался возок, но остався батижок; Из-под бича (быча, кнута); Овсом не кормят, кнутом же гонят; Латка на латке и латкой погоняет; Запряга прямо, а йиздэ криво; С живого не слезет* и др. Часть данных фразеологических контекстов, наряду с семой 'несвобода', актуализируют сему 'тяжёлая работа', ведь запряжённая в телегу или воз лошадь – это покорная своему хозяину рабочая лошадь: *Рвать упряжку; Ни патпригайся, а то барки апсериш; Сэмэро в санках, а восьмэ на санках.* Н. А. Илюхина отмечает функциональную близость лексем, называющих воз, и лексем, называющих элементы его крепления [Илюхина, 2010, с.128]. Такие лексические единицы выражают соотносительные смыслы: *Була б шыя, а хомут найдэця; Одеть (надеть) хомут; Не наш воз – не нам и везти; Не поёт, а телегу везёт.* К данным ФЕ примыкают микротексты, в которых реализуется метафорическое значение «использующий кого-либо в своих интересах»: *На шею сесть и ноги свесить; Верхи ездить; На чужом горбу в рай нэ выидеши.*

В других фразеологических контекстах (даже при отсутствии лексем, называющих коня) с образом коня соотносится образ свободолюбивого, непокорного чужой воле человека: *Становиться на гопки; Где сядешь, там и слезешь; Замыслила на дрожжах, нэ удэржыш и в вожжах; Не удержался на гриве – на хвосте не удержишь.*

Лексемы, называющие транспортные средства, приводимые в движение лошадьми, во фразеологических единицах периферийной зоны могут приобретать приращённые значения «большой, много»: *Воз и маленькая телега; Возом поехать; За день на телеге не объехать; Молодец с воз, а ума с накопыльник.*

Во фразеологических контекстах, содержащих компоненты, которые обозначают элементы упряжи, актуализируется оппозиция «свой – чужой». В данных устойчивых фразах присутствуют лексемы *свой, мой, наш* и *чужой*: *В чужие сани не садись, а свои готовь летом; Ни в свои сани ни садись; Не наш воз – не нам и везти; Нэ чипляй своей баркэ до моей пидводэ; Прападай мая тилега, вси чытыри калиса.*

В двух фразеологизмах, включающих существительное *копыта*, эксплицируется метафорическое значение «умереть»: *Копыта отбросить (откинуть); Копыта отдирать.*

Широкая представленность в кубанской фразеологии лексики, описывающей связанную с конем деятельность человека, свидетельствует о значимости концепта **КОНЬ** в картине мира кубанского казачества. Об актуальности концепта говорит и его метафорическая диффузность: в проанализированных ФЕ с конем опосредованно связаны представления кубанских казаков о свободном или несвободном человеке, о человеке, использующем кого-либо в своих интересах, об умершем человеке, а также о чем-либо большом.

Анализ фразеологических единиц с элементами, составляющими дальнюю периферию поля вербализаторов концепта, позволяет описать и понятийные концептуальные признаки, главным из которых является

признак «боевой конь». Кроме того, конь – это рабочее животное, а также часть своего / чужого мира.

Поле вербализаторов концепта КОНЬ не исчерпывается представленными ФЕ, его границы открыты, тем более что фразеологический фонд кубанских говоров изучен не до конца.

Выводы

1. Сопоставительный анализ лексической семантики ключевых слов концепта ЛОШАДЬ, лексем *конь* и *лошадь*, проведенный на материале словарей русского языка, показал, что данные лексемы являются синонимами, семантическая структура которых имеет определенные различия: слово *конь* обозначает быстрое, физически сильное, обладающее интеллектом боевое животное или животное для верховой езды; в слове *лошадь* на первый план выходит сема 'рабочее животное'. Носители русского языка почти не наделяют лошадь физической силой и способностью к быстрому движению, интеллектом и характером.

2. В кубанском диалекте синонимия слов *конь* и *лошадь* становится более полной, но основная смысловая нагрузка сосредоточена на имени регионально-специфичного концепта – лексеме *конь*, которая численно превалирует в кубанской фразеологии, обладает более широким семантическим потенциалом и словообразовательными возможностями, чем другой репрезентант концепта – лексема *лошадь*. Лексема *конь* в силу лингвальной двуприродности единого субэтноса, кубанского казачества, имеет в кубанском диалекте две огласовки: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинь* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой. Двойственность огласовки имени концепта, столь релевантного для ЯКМ кубанских казаков, – существенная черта, подтверждающая его региональную специфичность.

3. По данным словарей, понятийная составляющая лингвокультурного концепта ЛОШАДЬ включает концептуальные признаки, представленные в

таблице 1 (см. Приложение 3). Наиболее важными являются следующие признаки: «рабочее животное», «животное, способное к движению», «лошадь вообще», «животное, требующее ухода», «животное для верховой езды», «боевое животное», «животное, являющееся частью своего / чужого мира».

Анализ поля вербализаторов общекультурного концепта ЛОШАДЬ позволил определить ведущие концептуальные признаки его понятийной составляющей: конь/лошадь – это, прежде всего, рабочее животное (тягловая сила или транспортное средство), а также животное, способное к движению.

4. Анализ общерусской фразеологии тоже свидетельствует о том, что ведущим концептуальным признаком понятийной составляющей концепта ЛОШАДЬ в русской ЯКМ является представление о коне / лошади как о животном, предназначенном, главным образом, для тяжёлой работы, но конь, в отличие от лошади, осмысливается как животное, используемое человеком не только для работы, но и для ведения военных действий.

Такое представление о лошади, отражающее функционально ориентированный взгляд человека на это животное как на необходимого участника его деятельности, вполне закономерно и обусловлено принципом антропоцентризма: лошадь представляется в языке через призму восприятия ее человеком, а в связи с лошадию подробно характеризуется и сам человек.

5. Анализ фрагмента ЛСП «конь», построенного на основе языкового материала, извлечённого из словарей кубанских говоров, свидетельствует об общности понятийной составляющей общерусского и кубанского концептов и даёт возможность выявить кубанскую региональную специфику понятийного компонента концепта КОНЬ (см. табл. 1 Приложения 3). Главными концептуальными признаками в РЯКМ кубанского казачества являются представления о коне / лошади не только как о рабочем, но и как о боевом животном: на это указывает наличие в кубанских говорах особого пласта лексики, который составляют слова, отражающие различные аспекты военной службы казаков, в том числе кубанские этнографизмы-локализмы и историзмы, содержащие в своей семантической структуре сему 'боевой конь'.

Эта лексика отражает высокий социальный статус, особое предназначение и специфику военной жизни казачества как служилого сословия, поставленного охранять границы России. Социокультурными особенностями жизнедеятельности казаков обусловлен и другой важный понятийный признак регионально-специфичного концепта КОНЬ: конь / лошадь – это не просто часть своего (или чужого) мира – это необходимая часть мужского казачьего мира.

6. Изучение кубанской фразеологии показывает, что в картине мира кубанского казачества конь / лошадь – это, прежде всего, боевое животное, являющееся частью своего / чужого мужского мира.

7. Лексикографическое описание основных репрезентантов исследуемого концепта, анализ ЛСП вербализаторов концепта, а также анализ ФЕ, содержащих вербализаторы концепта, позволяют описать основные признаки его образного компонента (см. табл. 2 Приложения 3).

В основе образной составляющей и общерусского, и регионально-специфичного концептов лежат зрительные и слуховые ощущения. Перцептивный визуальный образ коня вербализуют лексемы, обозначающие его размер (*крупный, большой, маленький*), породу (*битюк, дончак, маштак*), особенности окраса (*буланный, вороной, гнедой*), части тела и особенности телосложения (*бабка, грива, копыто, пыка, репица, стройный*), возраст (*старый, лошонок, лошичка*), состояние (*усталый, изъездился, задохлик*). Зрительный образ в структуре концепта репрезентируют и слова, характеризующие движение (*бежит, скачет*), другие действия коня (*пасться, осечься*), особые позы (*дыбом, гопки*) или поведение коня (*выбрык, бьёт (копытом), бзыкает*). Кроме того, созданию визуального образа коня служит присутствие в некоторых фразеологических контекстах лексем, обозначающих элементы сбруи, а также транспортные средства, которые ассоциируются с конем: *Казак без седла что черкес без кинжала; С седла не слазить; Как Христос на колеснице прокатился*. Этимология слова *конь*

позволяет выделить еще один визуальный образный признак: конь – это подкованное животное.

Перцептивные признаки образа коня, формируемые звуковыми ощущениями, актуализируются лексемами, которые обозначают издаваемые или производимые животным звуки (*ржёт, рөгочет, кабудык-кабудык*).

8. Фразеология обогащает образный компонент концепта признаками, которые формируются на основе метафорического осмысления животного. Восприятие коня как верного человеку животного легло в основу универсальной концептуальной метафоры «конь – товарищ». Образ лошади в общерусской фразеологии характеризуется метафорами «лошадь – крылья», «лошадь – враг», «лошадь – жёрнов» (см. табл. 2 Приложения 3).

9. В кубанском фразеологическом фонде образ коня концептуализируется также через метафоры «конь – душа казака», «конь – кубанская кровь», «конь – пёс», подчёркивающие преданность коня казаку, «родственность душ» человека и животного; через метафору «конь – черт», создающую образ лихого коня (см. табл. 2 Приложения 3). В РЯКМ кубанского казачества отсутствуют зафиксированные в общенациональной ЯКМ метафорические признаки: «враг», «крылья», «жернов». Это относится как к репрезентанту *конь*, так и к репрезентанту *лошадь*.

10. Ценностный компонент концепта включает в себя актуальность и оценочность. Анализ данных словарей русского языка показал, что общекультурный концепт ЛОШАДЬ – один из актуальных концептов в ретроспективной КМ русского народа. В прошлом он был значимым и коммуникативно востребованным. На это указывает обширность поля вербализаторов концепта, его высокая номинативная плотность, отразившаяся в подробной детализации наименований лошади, наличие у лексем *конь* и *лошадь* различных производных значений, зафиксированных в словарях («водяное животное», «детская игрушка», «гимнастический снаряд», «волшебный конь», «шахматная фигура», «верхний брус кровли»), а

также широкие словообразовательные возможности ключевых слов концепта.

11. И в общерусской, и в кубанской культуре исследуемый концепт относится к сформировавшимся концептам, которые служат источником вторичной номинации, метафоризации, обогащающей содержание других концептов. Анализ фразеологии показал высокую метафорическую диффузность и национального, и регионально-специфичного концептов. Общерусские и кубанские ФЕ с вербализаторами концепта реализуют большое число дополнительных смыслов: с конём / лошадью сравнивается, прежде всего, человек, которому даётся как положительная, так и отрицательная оценка; конкретные предметы (подарок); абстрактные явления (что-либо полезное/бесполезное, что-либо большое, какая-либо деятельность, счастье/несчастье). Высокая метафорическая диффузность говорит о том, что исследуемый концепт был актуален и в общерусской, и в кубанской КМ.

12. Анализируя кубанский диалектный фрагмент ЛСП «конь» и кубанскую фразеологию, можно сделать вывод, что в языковой картине мира кубанского казачества степень актуальности концепта КОНЬ выше, о чем свидетельствует значительный количественный состав регионального компонента ЛСП его вербализаторов (503 лексические единицы); приращение номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составившее 37 лексических единиц; активное использование концепта как источника вторичной номинации, метафоризации; наличие кубанских оригинальных метафор (*С коня не слазит* (служит); *Хата на коне* (бурка казака) и др.). Более высокая актуальность концепта КОНЬ в картине мира кубанского казачества обусловлена тем, что конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни.

13. Лексикографические источники отражают и аксиологический аспект ценностной составляющей общерусского и регионально-специфичного концепта: лошадь, как часть своего или чужого мира, была для человека и эмоционально, и материально ценностным объектом. Животное

оценивается человеком с разных точек зрения: даётся общая оценка (*конь добрый, жвавый, хорош, лошадь худа*), эмоциональная оценка (*конёк, коник, лошадка, клячка, рысачник*), эстетическая оценка (*лошадь красивая, конь грациозный*), интеллектуальная оценка (*лошадь умная, конь учёный, дурный*), нравственная оценка (*конь храбрый, верный, жестокий, норovitый, гордый*), материальная (*лошевод, коно(е)крад, коневор, дареный*).

14. Сопоставительный анализ общерусской и кубанской диалектной лексико-фразеологической системы выявил региональную специфику ценностного компонента концепта КОНЬ: если в восприятии носителей русского языка слово *лошадь* имеет как положительные, так и отрицательные коннотации, а наименование *конь* – в основном положительные, то в кубанской казачьей КМ и конь, и лошадь обладают преимущественно позитивной оценочностью. Неизмеримо возрастает и значимость этого животного для человека. Боевой конь – это самое ценное, что есть у казака, это центральный образ мужского казачьего мира, это показатель высокого воинского статуса казака – защитника Родины.

ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОГО КОНЦЕПТА *КОНЬ* В КУБАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСЕН)

Народная песня, сохранившая в себе коллективный опыт этноса, его нравственные ценности, является одной из вершин духовного развития народа.

Исследователи по-разному подходят к созданию жанровой классификации русских народных песен. Такие учёные, как А. Ф. Камаев, Т. Ю. Камаева, В. М. Щуров, считают, что такая классификация должна быть основана на критерии функционального назначения песни в общественной жизни. В соответствии с данным критерием они выделяют песни, приуроченные к каким-либо действиям или обрядам (обрядовые, семейно-обрядовые, трудовые, плачи), и песни, не приуроченные к действиям или обрядам (эпические, лирические, плясовые) [Камаев, 2005, с. 18].

Другие ученые (В. И. Чичеров, Ю. М. Соколов), определяют жанр народной песни на основе ее содержания и поэтического строя. Они выделяют лирические песни, описывающие чувства, эмоции, душевные переживания человека (обрядовые, трудовые, хороводные, игровые и плясовые, протяжные, юмористические и сатирические, колыбельные и детские), и исторические песни, повествующие о событиях гражданской и военной истории. К историческим песням примыкают солдатские, военно-бытовые и казачьи воинские песни [Чичеров, 1959, с. 249, 332; Соколов, 2007, с. 322].

Казачьим песням с воинской тематикой исследователи отводят особое место в русском народном песенном творчестве. Среди казачьих песен выделяют лирические песни и песни маршевого характера [Щуров, 2007, с. 273-274].

Для нашего исследования представляется целесообразным разделить кубанские казачьи песни по тематическому принципу, выделив группу песен с воинской тематикой (в дальнейшем – воинские песни) и группу песен с

тематикой мирной жизни казачества (в дальнейшем – невоинские песни). Песни с воинской тематикой включают в себя исторические, военно-бытовые, походные, ряд лирических, сиротских и балладных песен. К песням с тематикой мирной жизни казачества (невоинским песням) относятся календарно-обрядовые, свадебные, лирические, балладные, сиротские, шуточные, хороводные, плясовые, чумацкие, острожные, псалмы.

3.1 Особенности ядерных элементов концепта КОНЬ в народных песнях

В текстах кубанских казачьих песен присутствуют лексические единицы, содержащиеся в составе всех структурных компонентов лексико-семантического поля «конь».

Проанализируем песенные контексты (ПК) с лексемами, образующими ядро поля вербализаторов концепта КОНЬ в народных песнях кубанских казаков. Сюда входят песенные контексты с основными репрезентантами данного концепта – словами *конь* и *лошадь*, а также песенные контексты, содержащие синонимы этих слов: синонимы-дериваты (*коник* / *конык*, *коныченько*, *лошадки* и др.) и другие лексемы, обозначающие лошадь или множество лошадей (*Бурка-сивка*, *кобыла* / *кобылыця*, *мерин*, *жеребец*, *гнедко*, *табун* и др.).

Рассмотрим особенности употребления лексем-репрезентантов концепта КОНЬ в текстах воинских и невоинских песен кубанских казаков, проанализируем особенности их функционирования в песенных контекстах, выявим выражаемые ими смыслы.

3.1.1 Воинские песни с базовыми репрезентантами концепта – лексемами *конь* и *лошадь*

Обратимся к анализу песенных контекстов, включающих слова *конь* и *лошадь*. Всего было выделено 213 песен (354 ПК), из них 109 воинских песен (196 ПК): 105 песен (192 ПК) с компонентом *конь*, 4 песни (4 ПК) с компонентом *лошадь*. То есть при репрезентации концепта КОНЬ в

подавляющем большинстве ПК казачьих воинских песен (98%) используется лексема *конь*. Слово-репрезентант *лошадь* зафиксировано лишь в 2% анализируемых контекстов. Данная лексема вообще отсутствует в песнях черноморских казаков, испытавших большее влияние украинского языка, чем песни линейных казаков и песни периода гражданской и Великой Отечественной войны.

Во всех ПК воинских песен лексема *конь* имеет прямое значение, закреплённое на лексическом уровне – «боевой конь». В ряде контекстов это значение контаминируется со значением «мифологический, сказочный конь» (см. табл. 3).

Таблица 3
Прямые значения слова *конь*, реализованные в ПК воинских песен кубанских казаков

Значение	Кол-во ПК (192)	Примеры
2. Боевой конь, верховая воинская лошадь. [Сл. РЯ XI-XVII вв., 1980, вып. 7, с. 287]	182	Ой там козак коня пасэ. Шабэлькою огонь крэшэ [Захарченко, 1997, с. 102, № 47]; Отаман идэ Ще й коня вэдэ... Гэй, уси кони посидлани, А твий стоить так... Гэй, сидлав бы соби коня вороного Та й прыйихав сам [Бигдай, 1992, т. 1, с. 57, № 24]; Наши кони резвы, Наши шашки востры... [Концевич, 2001, с. 363, № 12]; Он на сером коне, Карабин на спине... Он коня осадил [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 52, № 25]; Вспомним, братцы, як бродылы По колено у снегах, И конэй в руках водылы, И навстречу шлы врагам [Там же, с. 249, № 128]; На коня своего садился Комаров, наш генерал [Бигдай, 1995, т. 2, с. 27, № 10]; Сердюков наш был удалый, Закричал: «Скорей на конь!» Мы на кони посадились [Там же, с. 30, № 12]; и др.
1. / О мифологическом, сказочном крылатом коне [Сл. РЯ XVIII в., 1998, вып. 10, с. 158].	10	Орэл с конэм та побратався, Орэл с конэм та закладався... Ой, кинь бижыть, аж зэмля двыжить [Бигдай, 1992, т. 1, с. 368, № 273]; Где мечом сверкнёт – тут улица, Где вернёт конём – там площадь тел [Бигдай, 1995, т. 2, с. 67, № 34]; Гром гремит, земля трясётся, Запылали в нас сердца, Конь, как лев, под ним несётся [Там же, с. 74, № 37] и др.

Лексема *лошадь* обозначает строевую лошадь и в этом значении полностью синонимична слову *конь* (см. табл. 4).

Таблица 4
Прямые значения слова *лошадь*, реализованные в ПК воинских песен кубанских казаков

Значение	Кол-во ПК (4)	Примеры
1. Вообще конь [Словарь Даля, 1881, т. 2, с. 274]	4	Перины-подушечки пора нам забывать, Только не забыть нам про добрых лошадей [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 65, № 33]; Как стрелочки прискакали на казачьих лошадях, Турки разом закричали свой «аман» и свой «Аллах» [Бигдай, 1995, т. 2, с. 19, № 4а]; Врагов стрелками позабавим. На лошадь вмиг и с шашкой мчись [Там же, с.

	54, № 26]; Машины, лошади, штыки, солдаты Лавиной вьющейся скатились вниз [Мартыненко, 2005, с. 30, № 56].
--	--

В ПК кубанских казачьих песен семантика базовых репрезентантов концепта КОНЬ расширяется, выходит за рамки закреплённых в словарях русского языка прямых значений, которые, сохраняясь, сочетаются здесь с различными дополнительными смыслами, значимыми для кубанской РЯКМ.

По мнению О. В. Матвеева, «в казачьей воинской ментальности переход юноши в новый социально-возрастной класс воинов был связан с вхождением в мир предметов, наделённых особым смысловым содержанием» [Матвеев, 2005, с. 140]. Эти предметы составляли воинскую экипировку – «справу». В неё входили боевой конь, мундир и оружие. Хотя казаки служили не только в кавалерийских, но и в пехотных частях, «в представлениях о “справе” утверждается понятие о неразъединённости героя и коня», потому что «конь выступал неизменным атрибутом полноценного воина-казака» [Там же, с. 140-141]. Представления казаков о том, что воин и конь неотделимы друг от друга, отразились в народных песнях. В текстах воинских песен кубанских казаков конь предстаёт как внешний атрибут отправляющегося на службу, сражающегося и возвращающегося со службы домой казака (отмечено в 120 ПК). При этом семантика лексем *конь* и *лошадь* символизируется, а образ коня становится символом казака-воина. По мнению С. Е. Никитиной, в фольклорном тексте «внешний атрибут не случаен, но при объекте устойчиво присутствует и довольно часто выполняет символическую функцию» [Никитина, 1993, с. 86]. Преобразование семантики слов *конь* и *лошадь* и её обогащение ассоциативным символическим значением «воин» происходит на основе метонимии. В своей работе «Семантика поэтического слова» О. В. Кондрашова отмечает, что «тропы являются одним из средств семантического выделения слова в художественном тексте и, следовательно, одним из способов его символизации» [Кондрашова, 1998, с. 196], а символ – это образ, выходящий за свои границы, несущий новый смысл, который как бы «просвечивает»

сквозь образ. Такая двойственность образа-символа ведёт к тому, что слово, сохраняя свою конкретную предметность, приобретает дополнительную признаковость семантики [Там же, с. 182-188]. В процессе символизации переносное, символическое значение лексем *конь* и *лошадь* не вытесняет их прямое значение, а контаминируется, сосуществует с ним. Кроме того, О. В. Кондрашова считает, что в символе образ предмета ассоциативно связан с идеей, которую он иллюстрирует, целым «веером признаков» [Там же, с. 198]. В кубанских казачьих песнях образ коня, символизируя казака-воина, ассоциируется не только с казаком, с воином, но и с мужским миром, с боем, с войной, с бесстрашием, с лихостью.

Чаще всего народная песня описывает ситуацию, когда казак отправляется в поход: *Как седлает Александра Свого ворона й коня, Свого ворона й коня. Соезжает Александра Со широкого двора...* («Как седлает Александра...»), [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 28, № 11]. Изучая концепт в художественном контексте, необходимо проанализировать линейные связи его слов-репрезентантов. Синтагматика лексемы *конь* в ситуации проводов казака на службу или его возвращения домой представлена в таблице 5. Слово *лошадь* в этих ПК не употребляется.

Таблица 5
Синтагматика лексемы *конь* в песенных фрагментах, описывающих
проводы казака на службу или его возвращение домой

Синтагматика лексемы <i>конь</i>	
Определения	Глагол/деепричастие + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
вороний/воронький (18 ПК) гнедой (6 ПК) свой (5 ПК) казацкий/казачьи (4 ПК) с черкесским/турецким бархатным/убранным седлом (3 ПК) с походным вьюком (2 ПК) борзый (2 ПК) лихой (2 ПК) серый (1 ПК) боевой (1 ПК) жвавый (1 ПК) добрый (1 ПК) мой (1 ПК) наши (1 ПК)	седлает/седлайте коня (5 ПК) сяду/сидилась/сид на коня (6 ПК) ведэ/ведут коня (4 ПК) взяла/визьмить коня (3 ПК) поехал на коне (3 ПК) конь скачет (3 ПК) конь ржет (3 ПК) поведу/повэлы коня (3 ПК) напувала коней (3 ПК) поил коня (2 ПК) оседлайте/оседлаю коня (2 ПК) свыснуд на коня (2 ПК) береги коня (2 ПК) беры кони (1 ПК) запрягите коня (1 ПК) поставьте коня (1 ПК) взглянет на коня (1 ПК)

	держать коня (1 ПК) крикнув на коня (1 ПК) проведу коня (1 ПК) побачешь на коню (1 ПК) расседлай коня (1 ПК) идет к коню (1 ПК) даю коня (1 ПК) подайте коня (1 ПК) лишился коня (1 ПК) побросали кони (1 ПК) похылився с коня (1 ПК) выезжал на коне (1 ПК) пушуся на коне (1 ПК) помчуся на коне (1 ПК) взлетая на коня (1 ПК) холи коня (1 ПК) корми коня (1 ПК) ничего не жалеи для коня (1 ПК) дай сена коню (1 ПК) конь бежит (1 ПК) конь ждет (1 ПК) конь бьет копытом (1 ПК) конь стоит (1 ПК) конь носил (1 ПК) конь возил (1 ПК) кинь клоне головоньку (1 ПК)
--	--

Именно при описании проводов или встречи казака лексема *конь* характеризуется наибольшим числом определений (см. табл. 5), репрезентирующих прямое значение слова *конь* (*боевой*), а также актуализирующих его ассоциативные семы и обозначающих масть коня (*вороной, гнедой, серый*), его принадлежность к мужскому казачьему миру (*казачий, свой, мой*), элементы сбруи (*с черкесским бархатным седлом, с походным вьюком*), существенный признак (*лихой, жвавый, борзый, добрый*). «В народной картине мира боевой конь непременно обладает качествами, отличающими его от обыкновенной рабочей лошади» [Матвеев, 2005, с. 143]: он красив, умён, силен, резв, вынослив, хорошо обучен, предан казаку. Любуясь казачьим конём, описывая его с разных сторон, народная песня даёт ему множество определений-эпитетов, ведь «семантическая роль эпитета – представлять предмет через его признак (выделяемый в нём или приписываемый ему)» [Кондрашова, 1998, с. 211].

Необходимо сказать об особой роли постоянного эпитета *вороной / вороненький*, определяющего лексему *конь* в текстах кубанских песен. Он

имеет прямое значение: «чёрный (о масти лошади)» [МАС, 1985, т.1, с. 212]. Этот эпитет характеризует лексемы *конь* и *лошадь* в различных значениях и является наиболее частотным: в исследованном нами корпусе кубанских казачьих песен (воинских и невоинских) он встречается рядом с существительным *конь* в 72 ПК, с существительным *лошадь* – в 3 ПК, еще в 26 ПК он относится к синонимам-дериватам лексемы *конь*. Наиболее часто он употребляется и при характеристике слова *конь* в ситуации проводов или встречи казака.

По мнению исследователей, в постоянных эпитетах следует различать два семантических уровня: «уровень непосредственной семантики и уровень нормативной оценки» [Никитина, 1993, с. 139]. На уровне нормативной оценки «прилагательные имеют значение “правильный, истинный, настоящий”» [Там же, с. 140]. Таким образом, если конь казака *вороной*, то это «правильный» конь, а образ вороного коня в казачьих песнях – это нормативный образ коня в народной картине мира. «Норма в языке связана с оценкой “хорошо”» [Там же, с. 139], поэтому можно сделать вывод, что постоянный эпитет *вороной* не только обозначает масть коня, но и выражает его положительную оценку.

Лексему *конь* в ПК, описывающих провода или встречу казака, характеризуют и менее употребительные в кубанских песнях эпитеты, которые созданы по принципу постоянных эпитетов: они либо указывают на «желаемый признак» [Евгеньева, 1948, с. 165] коня: *гнедой, серый, с черкесским бархатным седлом, с турецким бархатным седлом*; либо подчёркивают его «выдающееся качество» [Там же]: *лихой, жвавый, борзый, добрый*. Можно сказать, что и эти эпитеты выполняют функцию постоянных: определяют один из признаков коня и дают его положительную нормативную оценку в данной ситуации, тем более что те эпитеты, которые подчёркивают выдающиеся качества коня, уже изначально эмоционально окрашены и несут в себе сему положительной оценки.

Иногда в лексико-семантический контекст, описывающий проводы казака, народная песня включает не один, а два определяющих его эпитета, подчёркивая особое внимание к образу коня. Первым является постоянный эпитет *вороной*, который воспринимается как одно смысловое целое с определяемым существительным *конь*. К этому смысловому единству присоединяется более подвижное определение, как, например, в песне «Поехал казак на чужбину далёко...»: *Поехал казак на чужбину далёко На борзом коне вороном...* [Концевич, 2001, с. 336, № 2]. Из сочетания двух определений, одно из которых является постоянным эпитетом и «все определения, независимо от степени “постоянства”, указывают на конкретные признаки, несущие тематическую нагрузку» [Евгеньева, 1948, с. 164], складывается разностороннее, с неизменно положительной оценкой описание коня, символизирующего воинский статус казака.

Итак, практически все определения, характеризующие синтагматику слова-репрезентанта *конь* в ситуации проводов или встречи казака, выполняют функцию постоянных эпитетов: рисуют портрет коня, описывая его различные качества, и создают нормативный фольклорный символический образ боевого казачьего коня. Лексема *конь* при этом обладает положительной оценочностью и эмоциональной окраской.

Число определений, характеризующих сочетаемость слов-репрезентантов концепта КОНЬ, сокращается в песнях периода Великой Отечественной войны (в исследованных текстах обнаружено 8 эпитетов). И это закономерно. «Эпитеты сопровождают те существительные, которые служат раскрытию темы произведения, поэтому эпитеты несут большую смысловую нагрузку» [Там же, с. 187]. Степень важности образа коня в народных песнях периода Великой Отечественной войны снижается, так как в реальной жизни этого периода строевых лошадей всё больше вытесняет техника. Соответственно в казачьих песнях уменьшается число определений-эпитетов, сочетающихся с уже не столь частотной лексемой *конь*. При этом

половина определений обозначает цвет, масть лошади (*вороной, серый, гнедой, буланый*).

Синтагматика лексемы *конь* в ситуации проводов или встречи казака в кубанской песне включает значительное количество глаголов. Это понятно, так как ассоциативная, потенциальная сема слова *конь* – это сема 'движение'. Можно выделить три лексико-семантические группы глаголов и деепричастий, входящих в контекстное окружение лексемы *конь*: название действий человека в отношении коня: *седлаю / оседлаю (коня), расседлай (коня), взяла (коня), даю (коня), подайте (коня), вэдэ (коня), поведу (коня), проведу (коня), свистнув (на коня), крикнув (на коня)*; ряд глаголов движения на коне: *сяду (на коня), взлетая (на коня), пуцуся (на коне), помчуся (на коне), выезжал (на коне), поехал (на коне), похылывся (с коня)*; название действий, производимых конём: *скачет, ржёт, ждёт, стоит, бьёт (копытом), бежит, носил, возил*.

В отдельную лексико-семантическую группу можно выделить глаголы, обозначающие уход за конём: *холи (коня), корми (коня), укрой (коня), береги (коня), ничего не жалея (для коня), напувала (коней), поил (коня)*, большинство из которых имеет форму повелительного наклонения, обозначает просьбу и употребляется при описании ситуации, когда отец или жена дают казаку наказ беречь вручённого ему коня. Вот что говорит в песне «Конь боевой с походным вьюком...» отец, собирая сына на войну: *Холи, корми коня гнедого И ничего ты не жалея... И береги своего коня, Он твоего отца седого Возил в огонь и из огня* [Захарченко, 1987, вып.1, с. 43, № 20]. В данном контексте глаголы *корми* и *не жалея (ничего)* приобретают категориальную сему глагола *холи* – 'ухаживай' и образуют контекстный синонимический ряд. Третий синоним *не жалея* присоединяется к двум первым с помощью союза *и*, функция которого в данном случае «заключается в усилении значения, в подъёме его» [Евгеньева, 1949, с. 184]. Кульминационной точкой в наказе отца сыну является употреблённый в следующем предложении глагол *береги*. Категориальная сема этого глагола

дополняет и обобщает предшествующие глаголы-синонимы, становясь доминантой контекстного ряда.

Кзаки Кубани почитали коня как сакрального защитника воина [Васильев, 2005, с. 158], и в данном ПК лексема *конь* приобретает ассоциативную сему 'хранитель': казачий конь, который ещё «отца седого Возил в огонь и из огня», теперь будет защищать от гибели в бою сына, а потому представляет собой самое ценное, что есть у казака. Конь является показателем воинского статуса не только сына, но и отца, а образ коня символизирует всё казачество как военное сословие.

Лексема *конь* приобретает ассоциативную сему 'хранитель' и в песне «Пишет молодка письмо...», где жена просит мужа беречь вручённого ею коня, который спасет его в бою и привезет домой: *А ещё, казак, ты укрой коня Этой же попоной, что тебе дала. А ещё, мой милый, береги коня. Он тебя обратно приведёт сюда* [Мартыненко, 2005, с. 39, № 76]. Глаголы *укрой* и *береги* употребляются в параллельно построенных синонимичных стихах. «Синонимия как художественное средство настолько остро ощущается, что создаются параллельные стихи, в которых каждый член одного стиха синонимичен члену другого стиха» [Евгеньева, 1949, с. 193]. Поэтому глаголы-предикаты соответственно становятся контекстными синонимами. Сема 'береги' приобретает глаголом *укрой*, усиливая категориальную сему второго синонима.

В небольшом ряде кубанских песен описывается ситуация, когда казак не по своей воле лишается коня. При этом в синтагматику лексемы *конь* входит один, нехарактерный для выражения действий казака глагол *побросали* в значении «оставили». В песне «Засвыстали козаченьки...» [Бигдай, 1992, т. 1, с. 51, № 17] он характеризует действия врагов по отношению к лошадям, действия казаков этот глагол описывает в тексте песни «Вознесенская станица»: *Не успели врага встретить, Как нас посмешали. Мы и кони побросали, Пушки охраняли* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 49, № 23]. Казаки бросают своих коней лишь в крайне тяжёлой боевой ситуации,

когда нужно сохранить орудия, стреляющие по врагу. Исключительность действия, называемого глаголом *побросали*, подчёркивает усилительная частица *и*, соответствующая по значению частице *даже*. Уникальность использования в лексическом воплощении образа коня глагола, имеющего значение «оставить», говорит о чрезвычайной важности коня для казака.

Потеря коня – это больше, чем потеря боеспособности. В идеальном мире народных песен, где конь – это символ воина и хранитель казака, потеря коня – это не только лишение воинского статуса, но и лишение своего «ангела-хранителя», поэтому, когда казак невесел, как, например, в песне «Сунженец», его спрашивают: *Или ты коня лишился В прошлом жарком ли бою, Или с братом распростился В басурманском ты краю?* [Концевич, 2001, с. 343, № 5] Параллельно построенные стихи предполагают синонимию соответствующих членов этих стихов, поэтому слова *конь* и *брат* становятся контекстными синонимами, и слово *конь* приобретает дополнительный смысл – «брат».

Наиболее трагичный финал потери казаком коня – гибель самого казака. В песне «Выряжала маты сына у дорогу...» описывается, что враг «хочет коня взять», а казака «зарубати» [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 103, № 56].

Лексемы *конь* и *лошадь* обретают символическое звучание и воплощают казачество как военное сословие и при описании военной службы казаков: *И, напоив коней своих усталых И смыв с лица порохovou гарь, Его друзья скакали без привала, Как деды их когда-то встарь* («В горящий хутор в бешеном галопе») [Мартыненко, 2005, с. 287, № 150].

Таблица 6
Синтагматика лексем *конь* и *лошадь* в песенных контекстах,
описывающих несение военной службы

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		Синтагматика лексемы <i>лошадь</i>	
Определения	Глагол/деепричастие + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>лошадь</i>
добрый (3 ПК) вороной/воронень- кий (2 ПК) свой (2 ПК)	напоили конэй (2 ПК) напоив конэй (1 ПК) сидлав бы коня (1 ПК) посидлани кони (1 ПК)	добрые (1 ПК)	не забыть лошадей (1 ПК)

твой/твуй (2 ПК) мой (1 ПК) усталый (1 ПК) уси (1 ПК)	водылы коней (1 ПК) вэдэ коня (1 ПК) привертает коня (1 ПК) подвыртае коня (1 ПК) пасэ коня (2 ПК) подкуём коней (1 ПК) держат коня (1 ПК) привыкай к коню(1 ПК) скончатся с конём(1 ПК) пльиви на коне (1 ПК) конь стоять (1 ПК)		
--	---	--	--

Количество определений, характеризующих слова *конь* и *лошадь* при описании военной службы, невелико (см. табл. б): *добрый, вороной / вороненький, усталый, свой, твой/твуй, мой, уси*. Возможно, незначительное число определений объясняется тем, что на службе на первый план выступает не любование внешним обликом коня, а уход за ним: *Остры шашки поломаем, Добрых коней подкуём* («Мы стояли на горе») [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 51, № 24]. В лексическое значение эпитета *добрых* уже заложена сема положительной оценки. Кроме того, он, как и постоянный эпитет *ворной*, выражает нормативность, идеальность характеризуемого понятия – в данном случае – понятия *кони* – и образует смысловое единство с определяемым существительным – *добрых конэй*.

Часть определений, характеризующих лексему *конь*, выражены притяжательными местоимениями (*свой, мой, твой / твуй*) и эксплицируют бинарную оппозицию «свой – чужой», важную для понимания места боевого коня в ЯКМ кубанских казаков. В песнях, описывающих военную службу, конь занимает позицию «свой» и является важной частью мужского воинского казачьего мира. Подчеркивают эту позицию и лексемы, обозначающие хозяина коня / лошади: *мы* (4 ПК), *ты* (2 ПК), *казак* (2 ПК), *атаман* (1 ПК), *найомщик* (1 ПК), *герои* (1 ПК), *бойцы* (1 ПК), *молодцы* (1 ПК), *друзья* (1 ПК).

Кроме существительных, обозначающих боевого коня как объекта действия, а человека, имеющего отношение к коню, – как субъекта действия, лексико-семантический контекст, изображающий коня в походе, на службе, как правило, включает или подразумевает глаголы, причастия и деепричастия

лексико-семантической группы с общим значением «действия человека в отношении коня» (*сидлав бы, посидлани, водылы, вэдэ, привертает, подвыртае, напоилы, напоив, пасэ, подкуём, держать*).

Заметим также, что в лексическом наполнении базовых репрезентантов концепта КОНЬ участвуют глаголы и другой лексико-семантической группы, обозначающей отношение человека к коню как обязательному атрибуту военной жизни: *привыкай (к коню), скончаться (с конём), не забыть (лошадей)*. Эти глаголы подчёркивают постоянство присутствия коня рядом с казаком на службе, единение казака и его боевого друга: *Забывай, казаки, отца, мать и жену, Привыкай, казаки, к ружью, шашке, коню*. («Полно вам, снежки, на талой земле лежать...») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 133, № 74]. В этом ПК лексемы *ружьё, шашка* и *конь*, обозначающие элементы казачьей sprawy и символизирующие воинскую службу казака, сопоставляются с лексемами *отец, мать* и *жена*, и приобретают переносно-поэтическое значение «члены походной семьи казака» [Кондрашова, 2020, с. 265].

В 1 ПК при описании несения службы образ коня имеет функцию средства передвижения и реализуется с помощью глагола лексико-семантической группы со значением «движение человека на коне» – *пльиви: Где река – пльиви смелей На коне своём*. («Ночь спустилась, братцы...») [Мартыненко, 2005, с. 14, № 17].

В качестве субъекта действия образ коня в ситуации несения службы изображается лишь однажды. Глагол *стоит*, который употребляется при этом, имеет сему *отсутствие движения*: *Гэй, уси кони посидлани, а твий стоит так* («Ой, гук, дужий гук...») [Бигдай, 1992, т. 1, с. 57, № 24].

Итак, при описании в воинских казачьих песнях несения службы слова *конь* и *лошадь*, употребляясь в прямом значении, приобретают символическое значение казака-воина и имеют одинаковую синтагматику: все лексемы, сочетающиеся с ними, употребляются в прямом значении и чаще всего изображают коня как объект действия, так как уход за конём –

обязательная составная часть службы казака. Образный компонент концепта КОНЬ обогащается также дополнительным смыслом «хранитель казака».

В кубанских казачьих песнях основные лексемы-репрезентанты концепта КОНЬ символизируют казака-воина и в контекстах, описывающих ситуацию сражения. При этом они тоже сохраняют своё прямое значение: обозначают боевого коня. Их синтагматика меняется по сравнению с линейными связями данных слов, употребленных при описании службы казаков (см. табл. 7).

Таблица 7
Синтагматика лексем *конь* и *лошадь* в песенных контекстах, описывающих сражение

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		Синтагматика лексемы <i>лошадь</i>	
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>лошадь</i>
серый (2 ПК) наши (2 ПК) воронье (1 ПК) резвы (1 ПК) ретивый (1 ПК) верный (1 ПК) его (1 ПК) свой (1 ПК)	осадил коня (2 ПК) свернул коня (1 ПК) садился на коня (1 ПК) посадились на коня (1 ПК) не преклоняет (головы) конь (1 ПК) летает, как вихрь, конь (1 ПК) развевает (гриву) конь (1 ПК) несли, как орлы, коня (1 ПК) нэ пьють коня (1 ПК) нэ йдять коня (1 ПК) на конь!/на коней! (команда)(2 ПК)	казачьи (1 ПК)	прискакали на лошадях (1 ПК) лошади скатились (1 ПК) на лошадь! (команда) (1 ПК)

Как видно из таблицы 7, определения, характеризующие лексемы *конь* и *лошадь*, обозначают масть, цвет коня (*серый, воронье*), принадлежность боевого коня к «своему» мужскому воинскому миру (*казачьи, наши, свой, его*) и выдающиеся качества животного, необходимые в сражении (*ретивый, верный, резвы*).

В сражении конь для казака был прежде всего средством передвижения, поэтому все глаголы, включённые в данный лексико-семантический контекст, называют подготовку к движению или движение человека на коне: *садился, посадились, прискакали, осадил, свернул*. Сему 'подготовка к движению' имеет и употребляемая в воинских песнях кубанских казаков «кавалерийская команда для посадки на лошадей» [Ушаков, 1996, т. 1, стб. 1457] – *На конь! / На коней!: Сердюков наш удалый*

Закричал: «Скорей на конь!» («В шестьдесят втором году...») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 30, № 12]. В данной команде подразумевается, но не употребляется глагол *садитесь*. В песне линейных казаков «Днесь воссиял свет в государстве...» присутствует образованная по аналогии с командой *На конь!* и не отмеченная в толковых словарях русского языка команда *На лошадь!*: *На лошадь вмиг и с шашкой мчись* [Там же, с. 54, № 26]. Употребление лексем *конь* и *лошадь* в одной и той же форме в однотипных контекстах подчеркивает их полную синонимию в кубанских казачьих песнях.

Поскольку в ПК, описывающих сражение, слова *конь* и *лошадь* приобретают символическое значение «казак-воин», часто образ коня выходит на первый план и представлен как самостоятельный субъект в ситуации сражения. Описывая бой, народная песня уделяет наибольшее внимание его динамике, движению коня в бою, поэтому глаголы, характеризующие слова *конь* и *лошадь*, имеют сему 'движение с большой скоростью', категориальную: *летает, несли, скатились* – или ассоциативную: *развеивает (гриву)*. Это значение глаголов часто обогащается сравнениями. Иногда кавалерийская атака сравнивается с лавиной, как в песне «Последний брат ушёл...»: *Машины, лошади, штыки, солдаты Лавиной вьющейся скатились вниз* [Мартыненко, 2005, с. 30, № 56]. Существительное *лавина* в творительном падеже чаще всего употребляется в значении наречия. Но в этом песенном контексте, благодаря форме творительного падежа сравнения, прямое значение существительного *лавина* («масса снега, низвергающаяся с гор с огромной разрушительной силой» [МАС, 1986, т. 2, с. 158]) контаминируется с его переносным значением («неудержимо движущаяся масса людей, животных и т. д.» [Там же]), что создаёт метафорически двуплановый образ боевой казачьей конницы.

У казаков существовали представления о крылатых богатырских конях, помогавших своему хозяину совершать подвиги [Васильев, 2005, с. 159]. Эти представления отразились в некоторых песнях, где кони в ситуации боя сравниваются с орлами или вихрем (сравнение коня с вихрем отмечено

только в песне линейных казаков). В этих контекстах, наряду со значением «боевой конь», актуализируется также значение «мифологический, сказочный конь». В основе подобных сравнений лежит общий наглядный признак – «скорость»: *Конь его ретивый С седоком, как вихрь, летает...* («Та й не орёл под облаками...») [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 29, № 12]; *Наши кони, как орлы, Несли нас в погоню.* («Вознесенская станица») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 49, № 23]. Такие сравнения в народной поэзии весьма устойчивы и глубинны, поскольку, по свидетельству А. Н. Афанасьева, в славянской мифологии существует обратное сравнение ветров и бурь с лошадьми, а «сказочные кони наделяются крыльями, что роднит их с мифическими птицами» [Афанасьев, 2005, с. 195]. Можно сказать, что здесь происходит «варьирование функционального соотношения ассоциатов ..., когда сигнификат и денотат, связанные устойчивой ассоциацией, меняются ролями» [Илюхина, 2010, с. 240].

Обычно богатырским, сказочным изображается конь, хозяином которого является любимый командир казаков. Лексическое окружение имени концепта *конь* при описании командирского коня отражено в таблице 8 (лексема *лошадь* в этих контекстах не встречается).

Таблица 8
Синтагматика лексемы *конь* в ПК воинских песен, описывающих сказочного, мифологического коня

Синтагматика лексемы <i>конь</i>	
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
сывэсэнъкый (1 ПК) мий (1 ПК)	купым коня (1 ПК) побратався с конэм (1 ПК) закладався с конэм (1 ПК) упадае коню в нижкы (1 ПК) вернет коня (1 ПК) кинь бижить, аж зэмля двыжить (1 ПК) кинь прыбиг (1 ПК) кинь ждав тры годыны (1 ПК) кинь повэртае (1 ПК) конь, как лев, несется (1 ПК)

Песня черноморских казаков «Ой, час, пора та до куриня...» изображает побратавшихся коня казачьего атамана и орла: *Орэл с конэм та побратався... Ой, коню мий сывэсэнъкый, Ты ж братику риднэсэнъкый*

[Бигдай, 1992, т. 1, с. 368, № 273]. Олицетворение образов животного и птицы возникает в равноправном сопоставлении их с образом человека при употреблении однокоренных лексем *побратався* и *братуку* в сочетании с эпитетом *риднэсэнькый*. И орёл, и конь, в славянской мифологии часто служили олицетворением грозовых туч, низвергавших молнии. На это указывает и эпитет *сивэсэнькый* («сивый – собственно: блестящий, сияющий, а потом: седой или с проседью» [Афанасьев, 2005, с. 196]).

Данные таблицы 8 свидетельствуют об особом значении глаголов, относящихся к имени концепта *конь* при описании мифологического коня командира. В песенном тексте рассказывается о соревновании орла и коня в беге, которое выигрывает конь: *Ой, прыбиг кинь та до могылы, Та ждав орла тры годыны* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 368, № 273]. Образ богатырского коня создается с помощью гиперболы *ждав тры годыны*. Семантику глаголов, обозначающих движение коня (*прыбиг, бижыть*) обогащает другая гипербола, которая изображает мощный бег коня, подчеркивая тем самым сходство казачьего скакуна со сказочным волшебным конем: *Ой, кинь бижыть, аж земля движыть* [Там же]. По мнению А. Н. Афанасьева, это «эпическое выражение, принимаемое народной загадкой за метафору грома» [Афанасьев, 2005, с. 197].

Так, в песне линейцев «Звук победы, раздавайся...» дается гиперболическое описание коня генерала-лейтенанта Козловского, во время бега которого слышны раскаты грома: *Гром гремит, земля трясётся, Запылали в нас сердца, Конь, как лев, под ним несётся...* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 74, № 37] Сравнительный оборот *несётся, как лев* соотносит бег коня с бегом хищного зверя, актуализируя смысловые компоненты 'агрессивный, пугающий врагов' и 'неистово сражающийся'. В песнях черноморских казаков сравнение коня со львом отсутствует.

В песне «Ах ты поле, поле чистое...» как былинный, непобедимый конь изображается боевой конь князя Долгорукова, помогающий своему хозяину в сражении: *Он [Долгорукий] пустился в тучу вражею. Где мечом сверкнёт –*

тут улица, Где вернёт коня – там площадь тел [Там же, с. 67, № 34]. Так народная песня рисует непобедимого боевого коня – помощника человека, коня, сражающегося с врагами наравне со своим хозяином. Хотя в военно-бытовых песнях практически не используются распространенные в былинах гиперболы, в ряде контекстов народная песня все же прибегает к этому приему, воспевая героизм коня и его наездника – военного командира. При этом актуализируется символический смысл: богатырский конь символизирует казака-героя.

В народной картине мира особенные качества коня были составной частью богатырской силы витязя, его хозяина [Матвеев, 2005, с. 140]. В казачьей песне конь командира предстает как волшебное, обладающее необычайными способностями и богатырской силой животное. На таком коне не проигрывают сражения, а одерживают победы. При этом в семантике лексемы *конь* сочетаются значения «боевой конь» и «мифологический, сказочный конь». Кроме того, семантика этого слова символизируется и приобретает ассоциативную сему 'воин-герой'. Слово *конь* здесь «в своём звучании и значении ... соотносится и с планом первичного текста, и с планом образа, и с планом идеи произведения. Эта глубинно-многомерная сущность семантики слова ... делает метафорой (в широком понимании термина) не только отдельные слова, но и образы...» [Лыков, 2003, с. 259].

В песнях гражданской и Великой Отечественной войны лексема *конь* в значении «мифологическое животное» отсутствует.

Как уже было отмечено выше, в ПК воинских казачьих песен при экспликации семантической оппозиции «свой – чужой» боевой конь казака, который переносит все тяготы военной службы вместе со своим хозяином, занимает четкую позицию – «свой» и характеризуется положительно, ведь данная оппозиция в народной культуре соотносится с таким противопоставлением, как «хороший – плохой» [Славянские древности, 2009, т. 4, с. 581]. Конь врага в народных песнях почти не изображен. Лишь в 4 ПК со словом *конь* упоминаются кони, принадлежащие врагам казаков: *Ой,*

полякы як ишлы, по тры кони малы... Як побачилы ляшины козацькую сылу, Уси зараз повтикалы й конэй побросалы («Засвыстали козаченькы...»), [Бигдай, 1992, т. 1, с. 51, № 17]. В данном ПК лексема *кони* реализует прямое значение «боевые кони» и характеризуется глаголами *малы, побросалы*, которые в контексте песни приобретают противоположные значения «имели – лишились» и становятся контекстными антонимами. Кони, брошенные врагом, принадлежат уже казакам и в противопоставлении «свой – чужой» становятся из «чужих» «своими». Соответственно, с отрицательной на положительную, меняется и оценка коней. В песне «Чому, соловейко, рано нэ щебэчеш?» семантику слова *конь* дополняют определения *отбитый, вороной*: *Послав я йий [дивчине] з бою отбитого коня, Коня вороного* [Там же, с. 54, № 21]. Отбитый в бою у врага и посланный невесте конь – это тоже уже часть «своего» мира, что подчеркивается постоянным эпитетом *вороной*, создающим нормативный образ казачьего коня. Ассоциативную сему 'свой' приобретает слово *конь* и в песне «Ой, он спал – не спал...»: *Ой, за поводы Да й коня он [турок] держал* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 61, № 31]. В песне рассказывается, как казак убил врага и освободил сидевшую на коне плененную девушку.

Таким образом, хотя враги казаков, безусловно, воевали не только в пешем строю, но и на лошадях, это почти не отражено в казачьих песнях. В базисном для кубанского казачества лингвокультурном противопоставлении «свой – чужой» боевой конь является частью «своего» мира, а фольклорный концепт КОНЬ обогащается смыслом «свой» и положительной оценкой.

В ряде контекстов воинских песен семантика лексемы *конь* расширяется также за счёт приращения к общей семантике концепта дополнительного смысла «товарищ». В этих случаях образ коня, как и образ казака, имеет функциональный статус субъекта действия. При этом народная песня очень точно отражает реальные взаимоотношения казака со своим боевым конём, который был преданным другом хозяина: «Если в бою казак был ранен и падал, то конь всегда останавливался ... и, даже если не получал

команды от хозяина, опускался рядом, чтобы раненый мог забраться на него хотя бы поперёк седла. Так верный товарищ выносил казака из боя, спасая от неминуемой гибели» [Маслов, 2007, с. 26]. В сражении конь мог служить и живым щитом, из-за которого спешившийся казак вел стрельбу.

Таблица 9

Синтагматика лексемы *конь* в значении «товарищ казака» (воинские песни)

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		
Определения	Глагол/деепричастие + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
мой (6 ПК) вороной (4 ПК) верный (3 ПК) буланый (2 ПК) борзый (2 ПК) гнедой (1 ПК) усталый (1 ПК) добрый (1 ПК)	скачь, коню (3 ПК) конь стоял (3 ПК) пас/попасал/напасевши коня (3 ПК) конь, снеси (2 ПК) конь летит/полетел (2 ПК) привязал коня (2 ПК) бьйся/выбывайся, коню (2 ПК) держал/подержи коня (2 ПК) конь, скажи (1 ПК) конь устал (1 ПК) конь стал шагать (1 ПК) конь спасал (1 ПК) конь привез (1 ПК) кинь розигрався (1 ПК) конь ржет (1 ПК) конь чует (1 ПК) конь гулял (1 ПК) конь, мчися (1 ПК) конь, остановися (1 ПК) конь бежал (1 ПК), расчесать гриву коню (1 ПК), конь коснулся (1 ПК), не жди, конь (1 ПК)	конь, товарищ (3 ПК) конь, друг (1 ПК) кинь – отрада (1 ПК)

Как видно из таблицы 9, адъективная лексика, сочетающаяся с лексемой *конь* в значении «товарищ», обозначает масть коня (*вороной, гнедой, буланый*), принадлежность (*мой*), состояние (*усталый*) и выделяющийся, идеальный признак (*верный, борзый, добрый*). Чаще всего употребляется определение *мой*, которое подчеркивает принадлежность боевого коня-товарища к «своему» мужскому миру в ФЯКМ кубанского казачества.

Центральная мифологическая оппозиция ФЯКМ «свой – чужой» реализуется и в антропоморфизме образа коня: антропоморфные образы, в отличие от неантропоморфных, являются составной частью «своего» мира человека [Черноусова, 2015, с. 9].

Показательно определение *верный*, которое номинирует идеальный признак коня-товарища, при этом образ коня олицетворяется, конь выступает в роли верного друга. В текстах народных песен, включающих лексему *конь* в значении «товарищ», определение *верный* становится постоянным эпитетом, «постоянство которого относительно и определяется темой» [Евгеньева, 1948, с. 166], при этом постоянный эпитет обозначает не только характерный признак, но ещё и нормативность, «правильность» фольклорного образа коня [Никитина, 1993, с. 139].

Определение *верный* характеризует и «очеловечивающие» коня сравнения-приложения *товарищ* и *сопутник*. В песне «Кончен, кончен дальний путь...» данные лексемы становятся контекстными синонимами существительного *конь*.

С. Е. Никитина полагает, что эпитет может выполнять роль потенциального синонима существительного и замещать его в фольклорном контексте [Там же, с. 77]. Сравнения-приложения *товарищ* и *сопутник*, замещая существительное *конь*, выступают как его денотативные синонимы: *Вот приблизился донец К своему селенью: Стой, товарищ, стой, конец Нашему стремленью* [Концевич, 2001, с. 357, № 10]; «*Ну, сопутник верный мой*», – *Он сказал уныло...* [Там же, с. 359, № 10] В песне «Спят все рощи и долины...» с помощью постоянного эпитета *верный* характеризуется редкая для фольклора метафора, воплощаемая в конструкции тождества: «*Конь – товарищ верный мой*» [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 189, № 109].

Метафора *конь-товарищ* репрезентируется также рядом глаголов, обозначающих состояние коня (*устал, чует*), движение / прекращение движения (*стал шагать, гулял, скачи, мчися, полетел, остановился*); звуки, издаваемые конем (*ржёт*); другие действия коня (*коснулся*). Все эти глаголы употребляются в текстах в прямом значении. Примечательны глаголы, обозначающие взаимодействия коня с казаком: *привёз (меня), снеси (письмо), не жди (меня), спасал (меня)* – и глагол говорения: *скажи (казачке)*. Такие действия обычно совершает человек. В фольклорных текстах глагольные

метафоры наделяют образ коня человеческими качествами, вплоть до умения говорить.

Глагол *спасал (меня)* обогащает семантику лексемы *конь* семой 'хранитель': *Конь спасал меня от смерти, Он привез меня домой* («Спят все рощи и долины») [Там же, с. 189, № 109].

В те ПК, где описывается сражение, служба или отъезд казака на службу, редко включается его разговор с конем, чаще всего казак произносит короткие команды или просьбы: *несы, гуляй, ложись*. Однако в тех ПК, в которых лексема *конь* употребляется в значении «товарищ», часто рассказывается, как казак беседует с конем, поверяет ему свои сокровенные мысли: *Товарищ мой, буланый конь, Снеси письмо казачке, Снеси, скажи, что сокол твой В бою прослыл героем* [Мартыненко, 2005, с. 105, № 226].

В песне «Боец-таманец умирал...» конь обращается к умирающему казаку, просит его встать, догнать товарищей, но казак не может выполнить эту просьбу: «*Не жди меня, мой верный конь*» [Там же, с. 83, № 174]. В данном контексте инициатором общения становится не человек, а конь, который показан как мыслящее, разумное существо, заботящееся о спасении своего друга-хозяина.

Такой антропоморфный образ коня имеет свои истоки. В индоевропейской мифологии кони могли сопоставляться с грозowymi тучами. «Богатырские кони – кони вещие, одарены мудростью, предвидением и человеческим словом, потому что с живою водою дождя и с громом нераздельны были представления о высшем разуме и небесных вещаниях» [Афанасьев, 2005, с. 201].

Верой казаков в вещие мифологические способности коня объясняется и концептуальная метафора «конь – предсказатель беды или удачи».

Таблица 10

Синтагматика лексемы *конь* в значении «предсказатель беды или удачи»

Синтагматика лексемы <i>конь</i>	
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
вороной/вороненький (6 ПК)	кинь спиткнувся/изпиткнувся/спотыкаешься (6 ПК)
мой/мий (7 ПК)	коню, грай/заграй/заграв (4 ПК)

Хорошо известным является сюжет казачьих песен, который описывает проводы казака на службу или на войну. Родные люди просят молодого человека вернуться живым и здоровым, но в этот момент конь под воином спотыкается. В таких контекстах лексема *конь* актуализирует метафорический смысл «конь – предсказатель беды», как в песне «Засвисталы козаченькы...»: *Ой, Биг знае, Биг видае, ой чи ще вэрнуся, Бо щось кинь мий на подвори чогось изпиткнுவся* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 51, № 17].

Казак теряет уверенность в своем благополучном возвращении в родной дом, поскольку споткнувшийся при выезде со двора конь предвещает ранение или смерть. Так воплощаются в текстах песен мифологические представления о коне как о сакральном существе: «Споткнётся ли сам человек или конь его – всё равно это предвещает беду и неудачу» [Афанасьев, 2005, с. 202].

Лексема *конь*, употребляющаяся в значении «предсказатель беды», в данном контексте сочетается с постоянным определением, состоящим из притяжательного местоимения *мой (мий)* и прилагательного – *вороной (воронэнькый)* (см. табл. 10). В таких контекстах постоянный эпитет *вороной (воронэнькый)* реализуется в трех уровнях: создавая нормативный фольклорный образ идеального коня; обозначая масть коня; нагнетая ощущение беды, (категориальная сема этого эпитета – 'чёрный', а чёрный цвет в фольклоре символизирует смерть [Потебня, 2000, с. 32].

В лексическом наполнении слова *конь* в значении «предсказатель беды» участвуют глаголы *спиткнுவся (изпиткнувся)* и *заграв (грай)* в значении «начал резвиться». Казаки верили, что взыгравший конь способен предотвратить беду: *Вороный коню! Грай ты пидо мною, Та розбий ты тугу мою; Ой, розбий тугу по темному лугу* («Ой, кряче, кряче та черненькый ворон...») [Концевич, 2001, с. 103, № 22]. В данном ПК создается развернутая метафора: конь своими копытами топчет и развеивает по лугу

печаль, охватившую казака, и тем самым отводит от него беду. Лексема *конь* приобретает дополнительную сему 'хранитель казака'.

В песне «Засвисталы козаченькы...» казак утешает родных: *Ой, не плачьте, не журитесь, В тугу не вдавайтесь, – Заграв мий кинь вороненький, Назад сподивайтесь* [Там же, с. 185, № 19]. В подобных песенных текстах глаголы *спиткнувся* – *заграв* при сохранении своих категориальных сем приобретают дополнительные, ассоциативные семантические компоненты ('предрёк беду' – 'предсказал удачу'), что делает их контекстными антонимами. В тексте песни основой их противопоставления становится метафорический перенос «причина – следствие»: *спиткнувся* (конь) – будет беда, *заграв* (конь) – будет удача. Подобным образом метафоризируется глагол *спотыкаєшься* и в песне «Ой и по дорожке столбовой...»: *Чего ж ты, мой конь, спотыкаєшься, Чи я тяжел, чи я важек для тебя?* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 151, № 86]. Такие контексты указывают на связь с народными сказками и былинами, в которых вещий конь, предчувствуя недоброе, спотыкается.

Другое метафорическое значение лексемы *конь* – «вестник гибели казака» – реализуется при описании смерти казака.

Таблица 11

Синтагматика лексемы *конь* в значении «вестник гибели казака»

Синтагматика лексемы <i>конь</i>	
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
мой/мий (19 ПК)	коню, не кажы/скажы (6 ПК)
вороной/вороненький (5 ПК)	коню, бижы (беги)/добижы (6 ПК)
гнедой (1 ПК)	конь, (не) дайся/не давайся (4 ПК)
дорогой (1 ПК)	повела/выводила коня (3 ПК)
	конь, (не) слушай (2 ПК)
	коню, иржы/ нехай зарже (2 ПК)
	коню, поспишайся (1 ПК)
	коню, не йиж (1 ПК)
	коню, не пый (1 ПК)
	конь, лети (1 ПК)
	конь, перерви чамбур (1 ПК)
	сказывал коню (1 ПК)
	увидала коня (1 ПК)
	схватила коня (1 ПК)
	не скажу про коня (1 ПК)

В таких контекстах основную функцию выполняют глаголы, характеризующие слово *конь* (см. табл. 11). Значительное количество таких глаголов имеют форму повелительного наклонения, поскольку они передают наказ умирающего казака своему коню. Такие глаголы актуализируют сему быстрого движения животного (*бижи, постишайся, лети*), семы его действий в пути (*не пый, (не) слушай, (не) давайся*), а также сему звучания или говорения (*иржи, кажи*). Все глаголы, кроме глаголов *лети, кажи*, имеют прямое значение. Глагол *лететь*, в семантической структуре которого акцентируется сема быстрого движения, в фольклорных текстах описывает бег коня, а сам конь сравнивается с летящей птицей, поскольку в народном сознании «...то же впечатление быстрого движения, какое породило стихийные явления с птицами, заставило сблизить их с легконогим конём» [Афанасьев, 2005, с. 190]. Так, в песне «Как за реченькою за Кубанушкою...» смертельно раненный казак молит коня поскорее вернуться в родной дом: *Ты лети, конь, домой По дорожке столбовой...* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 56, № 27]

В песне «Ой у чистим поли...» глагол звучания *иржи*, имеющий прямое значение, соседствует с глагол *кажи (скажи)* в переносном значении. Образ коня олицетворяется, конь становится равноправным собеседником человека: *А тильки, мий коню, Потыхенько иржи. Ты не кажи, коню, Що я вбытый лежу, А скажи, мий коню, – Государю служу!* [Концевич, 2001, с. 381, № 2]. В этом ПК глагол *иржи* выступает контекстным синонимом глагола *кажи (скажи)*, который довольно часто используется в ситуации предсмертного наказа казака своему товарищу – коню. Так в фольклорном контексте воплощается антропоморфный образа этого животного. Конь разговаривает с человеком как полноценный субъект действия. Он призывает умирающего казака подняться или приносит домой весть о гибели хозяина. Показательны адъективные связи лексемы *конь* в значении «вестник гибели казака». Наиболее частотным определением является местоимение *мой (мий)*.

Оно, выполняя свою релятивную функцию, подчеркивает товарищеские отношения казака с конем.

Эпитет *дорогой*, определяющий лексему *конь* в песне «Как за реченькою за Кубанушкою...», характеризует не само это слово, а олицетворяющее образ коня сравнение *друг-товарищ*: *Уж ты, конь, ты, мой конь, Друг-товарищ дорогой...* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 56, № 27] Лексемы *друг* и *товарищ* являются синонимами. «Синонимы в фольклорных произведениях ... могут создавать смысловые повторы и усиления, являющиеся характерным приёмом народной поэзии» [Никитина, 1993, с. 76]. Синонимическая пара *друг-товарищ*, определяемая эпитетом *дорогой*, воплощает метафорический смысл «конь – товарищ казака». Конь находится рядом с казаком в трагический момент расставания с жизнью, последние просьбы умирающего обращены именно к коню. В казачьих песнях метафорический смысл «конь – вестник гибели» возникает на основе переносного значения «конь – товарищ».

Итак, в контекстах казачьих воинских песен, содержащих лексемы *конь* и *лошадь*, реализуются их прямые значения, зафиксированные в словарях. На основе прямых значений у слова *конь* возникают важные для ФЯКМ кубанских казаков дополнительные смыслы: «символ казака-героя», «товарищ казака», «предсказатель беды или удачи», «хранитель казака», «вестник гибели казака». У лексем *конь* и *лошадь* появляется также значение «свой». Кроме того, они символизируют казака-воина. В казачьих песнях слова *конь* и *лошадь* обладают положительной оценочностью. Ключевые слова концепта на уровне контекстов народных песен кубанских казаков являются полными синонимами, но метафорическим потенциалом в большей степени обладает численно превалирующая лексема *конь*.

3.1.2 Невоинские песни с базовыми репрезентантами концепта – лексемами *конь* и *лошадь*

Среди невоинских песен было выделено 104 песни (158 ПК) с базовыми репрезентантами концепта: 102 песни (154 ПК) со словом *конь*, 1

песня (2 ПК) со словом *лошадь* и 1 песня (2 ПК), в которой употребляются обе лексемы. Во всех проанализированных контекстах невоинских песен лексемы *конь* и *лошадь* имеют прямые значения, зафиксированные в словарях (см. табл. 12, 13).

Таблица 12
Прямые значения слова *конь*, реализованные в ПК невоинских песен кубанских казаков

Значение	Кол-во ПК (154)	Примеры
2.Особ. Верховая лошадь. [Словарь Даля, 1881, т.2, с. 156-158]	141	Як бы в мене сирый кинь, Я сидельце маю, Пойихав бы на Вкраину, Де дивчину знаю [Концевич, 2001, с. 211, № 3]; Козаки йдуть, конэй вэдуть, а мого нэмае, Дэсь мий милый чорнобровый коня напувае, [Бигдай, 1992, т. 1, с. 115, № 72]; Вэрнувся козаче, Прывьязав коня. Выходэ дивчина заплаканная [Захарченко, 1987, вып. 2, с. 246, № 118]; Кохана моя, сидай на коня, Та пойдэм в чужый край... [Концевич, 2001, с. 124, № 11] и др.
1. Крупное непарнокопытное животное (самец), используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах. [Словарь Ефремовой, 2006, т.1, с. 1027]	13	Як прыйихав мий мылэнькый з поля Та й прывьязав коня до забора... Пишлю людэй дивчину свататы [Бигдай, 1992, т. 1, с. 122, № 79]; Ой да запрягу я коня вороного... Во новые дрожки... [Бигдай, 1995, т. 2, с. 188-189, № 110]; Хоть колясочки малые, кони вороные [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 89, № 47].

Таблица 13
Прямые значения слова *лошадь*, реализованные в ПК невоинских песен кубанских казаков

Значение	Кол-во ПК (3)	Примеры
1. Вообще конь [Словарь Даля, 1881, т.2, с. 274]	3	У тебя-то жена Не хозяйкой была, Вороных лошадей Пораспродывала [Бигдай, 1995, т. 2, с. 160, № 89]; Вороные лошади по конюшням стоят [Там же]; Вороных лошадей Всех повыпродала [Там же, с. 158, № 88].

Лексема *конь* в ПК невоинских песен чаще используется в значении «верховая лошадь» и гораздо реже обозначает упряжное или рабочее животное (см. табл. 12). Хотя со временем казаки всё шире стали использовать лошадей не только на военной службе, но и на сельскохозяйственных работах, в казачьей ментальности конь так и остался верховым, но не рабочим животным, что отразилось в народных песнях, а значит, зафиксировано в РЯКМ кубанского казачества.

Из таблицы 13 видно, что лексема *лошадь* присутствует только в трёх ПК невоинских песен, являясь при этом полным синонимом слова *конь*. На абсолютное совпадение лексического значения этих слов указывает то, что в песне «Ой ты сад, ты мой сад» они употребляются как равноправные и взаимозаменяемые синонимы, обозначающие одну реалию: свекровь напрасно обвиняет невестку в том, что она «вороних лошадей всех повыпродала», потому что «вороны-то кони по конюшням стоят» [Бигдай, 1995, т. 2, с. 158, № 88]. Лексическое значение, которое имеет лексема *лошадь* в указанных контекстах, зафиксировано в Словаре Даля – «вообще конь» [Даль, 1881, т. 2, с. 274].

В ПК невоинских песен часто происходит символизация слова-образа *конь*. В обследованных нами песенных текстах (117 ПК), описывающих любовь казака, оно символизирует влюблённого казака, жениха. Слово *лошадь* в данных ПК отсутствует. Синтагматика слова *конь* представлена в таблице 14.

Таблица 14

Синтагматика лексемы *конь* в символическом значении «казак-жених»

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное/местоимение/числительное + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
вороной/вороненький (23 ПК) мой (4 ПК) сырый (3 ПК) Иванов (2 ПК) твой (1 ПК) гнедой (1 ПК) чалый (1 ПК) карий (1 ПК) жвавый (1 ПК)	напувае/напоишь коня/дай (воды) коню (20 ПК) йидь/пойихав/прыйихав/приезжал/выезжает/подъезжает/ проезжал/заихал на коне (19 ПК) веду/водил/вывела коня (14 ПК) садится/сяду на коня (7 ПК) сидлай/осидлала коня (5 ПК) вяже/прывязав коня (7 ПК) пустыл коня (3 ПК) прислал коня (2 ПК) (ны) мав коня (2 ПК) добудь коня (2 ПК) (нэ) споймаю коня (2 ПК) зануздаю коня (2 ПК) принимай/(не) приму коня (2 ПК) вдарыв коня (2 ПК) пасты конэй (2 ПК) разлучать коней (2 ПК) беры коня (1 ПК) запрягу коня (2 ПК) погонять/нагоним/загоним конэй (5 ПК) повернул коня (1 ПК) ускакал на коне (1 ПК) убилы (дорожку) киньмы (1 ПК) кормылы коня (1 ПК)	табун коней (2 ПК) суженый на коне (1 ПК) семеро коней (1 ПК) сам на вороному (1 ПК)

	ковать коня (1 ПК) глядя коня (1 ПК) унял коня (1 ПК) увидала коня (1 ПК) узнала по коню (1 ПК) (не) вбился с коня (1 ПК) конь напился/(не) пье/(не) хоче пыты (9 ПК) конь чуе (4 ПК) конь (не) рже (3 ПК) конь гулял (2 ПК) конь летит (2 ПК) конь ускочил/перескочил (2 ПК) коню, стань/остановыся (2 ПК) конь вытоптал/утоптал (2 ПК) конь прэнис (1 ПК) конь пробежал (1 ПК) конь ворвался (1 ПК) конь (не) оставил (1 ПК) конь (не) смочился (1 ПК) конь дере (головоньку) (1 ПК) конь хоче збыты (1 ПК) конь баче (1 ПК) конь утомывся (1 ПК) конь (не) вмея ходити (1 ПК) конь (не) вмея звонити (1 ПК) конь пляше (1 ПК) конь веселится (1 ПК) коню, стукнешь (1 ПК) коню, грякнешь (1 ПК) коню, (не) мордуйся (1 ПК) коню, крипы (сылы) (1 ПК) коню, вдарь (копытамы) (1 ПК)	
--	--	--

Определения, характеризующие лексему *конь* в ее символическом значении, традиционны и являются в кубанских казачьих песнях постоянными эпитетами, не только указывающими на масть животного (*вороной/вороненький, сирый, гнедой, чалый, карый*) или его выдающийся, существенный признак (*жвавый*), но и обозначающими «правильность», нормативность образа коня, а также его положительную оценку в ФЯКМ кубанских казаков: *Не мордуйся, коню жвавый, Пый погожу воду, Крипы силы, коню чалый* («Хата моя рубленая») [Концевич, 2001, с. 86, № 12]. Определения, выраженные притяжательными местоимениями или притяжательным прилагательным (*мой, твой, Иванов*), указывают на принадлежность коня к «своему» мужскому миру в представлениях казаков.

Из таблицы 14 видно, что наибольшим разнообразием отличаются сочетающиеся с лексемой *конь* глаголы. Они обозначают действия казака или казачки в отношении животного, а также действия самого коня. Одной из

наиболее частотных ситуаций с участием коня, описанных в проанализированных песнях, является ситуация встречи, свидания или прощания казака с любимой. В таких ситуациях конь выступает как внешний атрибут казака. На встречу с милой молодец приезжает на коне или приходит, ведя коня в поводу: *И сам иду, коня веду до мылои в гости* («Хата моя рубленая») [Там же, с. 86, № 12]. Надолго расставаясь с девушкой, он уезжает от неё тоже на коне: *А садится милый на коня, Коня вороного, Выезжает милый со двора, Со двора далече* («Отчего ты, девка, плачешь») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 165, № 92]. Закономерно, что в подобных лексико-семантических контекстах лексема *конь* характеризуется глаголами, имеющими категориальную или ассоциативную сему 'движение' и обозначающими подготовку к движению на коне, движение на коне или рядом с конём, а также управление конем во время движения: *зануздаю, запрягу, сидлай, осидлала коня; садится, сяду на коня; йидь, выезжает, пойихав, проезжал, подъезжает, прыйихав, приезжал, ускакал на коне; повернул коня; веду, водил, вывела коня; вдарыв коня; погонять конэй*. В свадебной песне «А кто у нас хороший», наряду с указанными глаголами, употребляются и глаголы, описывающие чувства и действия самого коня: *А конь веселится... А конь под ним пляше* [Там же, с. 258, № 156]. Глаголы *веселится* и *пляше* употребляются в переносном значении и олицетворяют образ коня, обогащая лексическое значение слова *конь* ассоциативной семой 'жених'. Действия коня описаны и в песне «Ой, пры лужку, пры лужку»: *Конь летит стрелою* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 179, № 104]. Быстрый бег коня, на котором казак скачет к своей невесте, сравнивается с полетом стрелы. Такое сравнение традиционно для фольклора. В кубанских народных песнях оно употребляется в 3 контекстах песен линейных казаков.

В ПК, описывающих встречу казака с любимой, с лексемой *конь* часто сочетаются также глаголы с категориальными семами 'пить' или 'дать напиток': *конь напился, (не) пье, (не) хоче пыты; напувае, напоишь коня; дай (воды) коню: Ой пый, коню, та цю воду, Вода ключевая. Любы, козак, та цю*

дивчину, Вона молодая («Ой на гори та сухой дуб») [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 268, № 180]. А. А. Потебня отмечал, что в народной славянской поэзии «пить воду значит любить и быть любимым» [Потебня, 2000, с. 11, 55], а вода, особенно холодная, ключевая, символизирует молодую девушку [Там же]. Кроме того, в гаданиях девушек вода означала замужество [Славянские древности, 1995, т. 1, с. 90]. В кубанских песнях присутствует сюжет, когда любящий девушку казак просит у неё напиться: *Постой, постой ты, дивчина, Дай во... дай воды напиться* («Ой котывся по дорози мальованный кабак») [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 271, № 132]. Но чаще казак просит у девушки воды не для себя, а для своего коня: *Гей, постий, постий, серце-дивчино, Дай коню воды* («Ой, у поли верба») [Концевич, 2001, с. 43, № 20]. Если девушка не любит казака, она отказывается поить его коня. В идеальном мире кубанского фольклора казак и конь неразрывно связаны, конь неотделим от казака. Это единство отразилось и в песнях. Образ коня, выполняющий функцию внешнего атрибута, приобретает символическое значение. Но если в военных песнях конь становится символом воина, то в невоинских песнях он символизирует влюблённого казака, казака-жениха. Приращение дополнительного смысла «жених» к общей семантике концепта за счёт символического употребления имени *конь* этого концепта основано на славянских верованиях. Конь играл большую роль в свадебной обрядности: он выполнял охранительную функцию; также считалось, что производительная сила человека взаимосвязана с производительной силой коня [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 592].

В отдельных песенных контекстах уже трудно найти грань между животным и его хозяином. В свадебной песне «Ой чей то конь да по улице пробежал» рассказывается о том, как конь вытоптал в огороде девушки цветы и мяту, в песне «Не зимой-то лютой та сосёнушка была зелена» – о том, как он потоптал руту-мяту, не оставив девушке цветов на венок. И венок, и рута, и мята – в славянском фольклоре символы девства. Н. И. Костомаров в работе «Славянская мифология» приводит пример песни,

в которой потоптанная рута-мята означает, что девушка отвечает молодцу взаимностью, просит его потоптать вместе с ней руту-мяту [Костомаров, 1994, с. 157]. Образ потоптанной руты-мяты или просто мяты встречается и в кубанских свадебных песнях, но в них поётся, что руту-мяту топчет не молодец, а его конь. В этих контекстах образ коня, символизирующий жениха, представлен не как инструмент, а как самостоятельный субъект действия, что подчёркивается глагольной сочетаемостью лексемы *конь*: *ворвался, пробежал, ускочил, вытоптал, утоптал, (не) оставил*. Значение символа раскрывается с помощью характерного для фольклора приёма психологического параллелизма образов коня и жениха: *Не смолчала Марьюшкина матушка... Выломила калин ветку однолетку... Ударила вороного коня по бедру... Застебнула Свиридушку по лицу* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 267, № 163]. Возникновению символической параллели *конь – жених* способствует то, что в фольклоре «“человеческий аспект” любой растительной или животной реалии... задан потенциально, включён в фольклорное слово в качестве тенденции с условием обязательной реализации» [Хроленко, 1979, с. 151].

В ряде песенных контекстов глаголы, характеризующие коня в качестве объекта действия, имеют сему 'ограничение воли': *вяже/привязав коня, (нэ) споймаю коня, зануздаю коня*. «Так как конь и вол – довольно обыкновенные символы человека в разных положениях..., то пута, налыгачи, узда – символы любовных связей» [Потебня, 2000, с. 73]. В кубанских казачьих песнях, включающих контексты с этими глаголами, обычно повествуется о сватовстве казака: *Как приехал домой милый с поля, Та привязал коня до забора... Как бы Бог дал субботы дожждаться, Пошлю людей девчоночку сватать* («Как приехал домой милый с поля») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 236, № 140]. В песне «Ходил, гулял молодец» казак привязывает коня не к забору, а к девичьей косе: *Привязывал коника К шёлковой траве... Привязывал коника Ко русой косе* [Там же, с. 349, № 217]. Привязав коня, казак ограничивает не только его свободу, но и отказывается от вольной

холостой жизни для себя. В подобных контекстах конь также символизирует казака-жениха.

В некоторых песенных контекстах лексему *конь* характеризует глагол *прислал (коня)*. В этих песнях рассказывается о том, что казак присылает на поклон любимой девушке коня: *Прислал милый на поклон коня вороного* («Посажу я калинушку») [Там же, с. 219, № 130]. «Поклон – символ подарка» [Потебня, 2000, с. 74]. Если конь осмысляется в народных песнях как символ жениха, то такой подарок тоже имеет своё символическое значение: казак, дарящий коня, дарит девушке и своё сердце, свою любовь, впускает её в свой личный мир.

Песня «Посею ль лебеду на берегу» рассказывает о казачке, мечтающей о коне, что нехарактерно для кубанского фольклора. Хотя в реальной жизни казачку можно было увидеть верхом на коне, всё же конь был частью мужской субкультуры, и в фольклоре «езда девушки на коне представлялась нарушением установленного миропорядка» [Васильев, 2005, с. 159]. Но в этой песне, как и во многих других, конь символизирует влюблённого молодца, и казачка, мечтая о коне, мечтает о любви казака: *Кабы мне молодой да ворона коня... Скакала б я, плясала б по лугам... С донским молодым казаком* [Концевич, 2001, с. 376, № 20]. В двух ПК, описывающих обращение казака к любимой, синтагматика лексемы *конь* включает глаголы в повелительном наклонении *сидай (на коня)*, *пойдэм*. Такая просьба означала, что казак приглашает девушку войти в его дом, в его семью: *Дивчина моя, сидай на коня И пойдэм та й мы чистым полэм до мого двора* («И по цей бик гора») [Бигдай, 1992, т. 1, с. 177, № 125].

Символ в фольклоре отличается от литературного, авторского символа. О. В. Кондрашова отмечает, что семантика символа в авторской поэзии включает «оригинальные, творческие, авторские элементы смысла» [Кондрашова, 1998, с. 195]. Условием же превращения фольклорного слова-образа в слово-символ должны быть его повторяемость и постоянство значения в различных контекстах [Ерёмина, 1974, с. 68]. Символическое

значение лексема *конь* имеет и в песнях, описывающих любовную измену казака. Именно по поведению коня казачка определяет, верен ли ей казак: если конь не хочет пить или пьёт воду в другом месте, из другого источника, это означает несчастье, измену любимого: *А кинь ирже та воды ны пье, Вин дорогу чую, Дэсь мий мылый чернобровый 3 другою ночую* («Свитэ мисяц, ой, на годину») [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 248, № 119]. В подобных контекстах конь выступает в качестве субъекта действия. При этом лексема *конь* сочетается с глаголами, которые обозначают действия коня (*конь хоче збыты (не) пье, (не) хоче пыты, чую, (не) рже, дере (головоньку), баче*) или действия, которые казак просит коня совершить (*коню, (не) мордуйся, крипы (сылы), пый*).

В контекстах невоинских песен, как и в контекстах воинских песен, создается метафорический образ коня – товарища казака.

Таблица 15

Синтагматика лексемы *конь* в значении «товарищ казака» (невоинские песни)

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
мой/мий (7 ПК) вороной/вороненький (7 ПК) свой (1 ПК) добрый (1 ПК) верный (1 ПК)	купы коня (2 ПК) заводь його (2 ПК) говоры до його (2 ПК) кинь (не) говорэ (2 ПК) кинь (головку) клонэ (2 ПК) кинь зажурывся (1 ПК) конь стал становиться (1 ПК) коню, бижи (2 ПК) коню, порадь (1 ПК) коню, стий (1 ПК) коню, (нэ) тупай (1 ПК)	конь, друг-приятель (1 ПК)

В этом значении лексему *конь* характеризует ряд определений (см. табл. 15). И те из них, которые указывают на принадлежность коня к «своему» миру казака (*мой/мий, свой*), и те, которые являются постоянными эпитетами (*вороной/вороненький, гниденький, верный*), в фольклорных текстах казачьих песен приобретают положительную оценочность. У постоянного эпитета *добрый* эта сема является категориальной. Сравнения-приложения *друг-приятель*, которые в песне «Чего, садик, призывал...» включены в обращение казака к коню, являются денотативными синонимами

слова *конь* и обогащают его лексическое значение ассоциативной семой 'товарищ': *Уж ты, конь мой вороной, Друг-приятель дорогой* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 178, № 102].

В трёх рассмотренных контекстах казак-сирота называет коня даже своим братом: *А я бидный сыротына: Шашка з боку – вся родына, Степ широкый – то мий сват, Кинь гниденькый – то ж мий брат* («Ой, у поли йе крыныця») [Концевич, 2001, с. 236, № 21]. Контекстуальное сближение с лексемой *брат* тоже метафоризирует, олицетворяет слово *конь*, обогащая семантику концепта приращёнными значениями «брат», «родной по крови».

Олицетворяют образ коня и сочетающиеся с лексемой *конь* глаголы, которые употреблены в переносном значении: *кинь зажурывся* (огорчился), *(нэ) говорэ; коню, порадь* (посоветуй). Глагол говорения *говорыты* характеризует как лексемы, обозначающие казака (*сын, я*), так и слово *конь*: метафоризация лексемы *конь* и приобретение ею потенциальной семы 'товарищ' происходит чаще всего в ситуации разговора казака со своим конём: обращаясь к коню, молодец вспоминает воинские подвиги казаков, советуется с ним, рассказывает о несчастной любви, жалуется на свою горькую судьбу, спрашивает коня, почему тот печален. В песне «Ой, пора тоби, маты» конь представлен как полноправный участник диалога. Как настоящий друг, он говорит казаку правду в глаза: конь упрекает своего хозяина в том, что тот слишком много пьёт и гуляет с молодницами: *Ой, нэ важка твоя зброя, нэ далэка дорога, Ой, а важки твои вэчерныци, молоди молодыци... Ой, а як повз шинок мымо йидэши, то й пьеш и гуляеш* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 213-214, № 159]. В данном ПК лексема *конь* приобретает потенциальную сему 'хранитель'. Н. И. Костомаров, занимавшийся исследованием исторического аспекта южнорусского песенного творчества, приводит примеры и других казачьих песен, повествующих о том, как конь, разговаривая с казаком, предостерегает его от неосторожного шага или осуждает за недостойное поведение [Костомаров, 1994, с. 328].

Таким образом, народная песня изображает коня настоящим другом и хранителем казака: если во время военных действий конь спасает жизнь своего хозяина, то в мирной жизни уберегает его от безнравственных поступков, становится воплощением совести казака. Это может объясняться тем, что конь, по представлениям славян, был атрибутом святых: Егория Победоносца, Михаила Архангела, Илии Пророка, Николая Чудотворца – и даже самого Господа Бога [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 591].

При экспликации метафорических значений «товарищ», «брат» возникает антропоцентричный образ коня. Ассоциативные пары *конь-товарищ*, *конь-брат* являются образными параллелями, которые некоторыми исследователями признаются единицами художественного мышления [Илюхина, 2010, с. 227], поэтому двучлены *конь-товарищ*, *конь-брат* – можно считать универсалиями фольклорного мышления кубанского казачества. А поскольку в фольклорном тексте метафора является одним из способов оценки [Никитина, 1993, с. 140], ассоциативные пары *конь-товарищ*, *конь-брат* привносят в структуру концепта КОНЬ положительную оценочность.

Историк И. Ю. Васильев пишет, что в казачьей среде конь был также «мерилом материального богатства. Во многом это было обусловлено ценностной значимостью животного» [Васильев, 2005, с. 164]. В ряде обследованных нами кубанских казачьих песен лексемы *конь* и *лошадь* приобретают ассоциативную сему 'богатство', а их прямое значение контаминируется с метафорическим. В песне «А казалы, свати богаты» *безноги кони* – показатель отсутствия достатка: *А казалы, Свати богаты, А воны убоги, Йих кони безноги* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 86, № 49]. Материальная ценность коня показана и в песне «Ой, пряла б я кудэлыщю». Казачка, которая добывает деньги на горилку, продавая домашних животных, дороже всех ценит коня: *Нэ поможе и корова, нэ поможе й вил, Есть у мэнэ у стояни воронэнькый кинь* [Там же, с. 250, № 187]. В ПК, в которых слово *конь* приобретает сему 'богатство', присутствуют определения-антонимы,

характеризующие казаков по их достатку: *богати – убоги (свати), богатая – бидная (сэстра)*.

Таблица 16
Синтагматика лексемы *конь* в значении «богатство»

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>
воронье/вороненький (2 ПК) самый лучший (1 ПК) йих (1 ПК) безноги (1 ПК)	езжай/йидэ/выйизжае киньмы (3 ПК) бери коня/взяты пару конэй (2 ПК) пропыв коня (2 ПК) есть кинь (1 ПК) стоят кони (1 ПК) возыться з киньмы (1 ПК) запрягае конэй (1 ПК) повэрнула конэй (1 ПК)	пара конэй (2 ПК)

Таблица 17
Синтагматика лексемы *лошадь* в значении «богатство»

Синтагматика лексемы <i>лошадь</i>		
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное + предложно-падежная форма слова <i>лошадь</i>
воронье (3 ПК)	пораспродывала/повыпродывала лошадей (2 ПК) стоят лошади (1 ПК)	—

Как уже было сказано, лексемы *конь* и *лошадь* в данных контекстах становятся полными синонимами, способными к взаимозаменяемости. Совпадение их лексических значений подчёркивает и постоянный эпитет *воронье*, который обычно характеризует лексему *кони* (см. табл. 16). В этих контекстах он относится и к слову *лошади* (см. табл. 17). В большинстве лексико-семантических контекстов песен, где лексемы *конь* и *лошадь* обогащаются метафорическим значением «богатство», они употребляется в форме множественного числа. В такой форме эти слова приобретают сему 'много', которая ассоциативно связывает их со смыслом «богатство». Сему множественности имеет в своём лексическом значении и входящее в синтагматику лексемы *конь* существительное *пара (конэй)*, особенно в сочетании с числительным *три (пары конэй)*.

Большинство глаголов, сочетающихся с лексемами *кони* и *лошади* в метафорическом значении «богатство», имеют семы обладания-потери (*есть (кинь), бери, пропыв (коня), взяты (пару конэй), пораспродывала/повыпродывала (лошадей)*) или приобретают их в контексте песни: *Вороньих лошадей всех повыпродала... Да вороны-то кони по конюшням стоят* («Ой

ты сад, ты мой сад») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 158, № 88]. Глагол *стоят* противопоставлен по своему лексическому значению глаголу *повыпродала* и становится его контекстным антонимом, при этом его лексическое значение дополняется семой обладания.

В контекстах невоинских песен (5 ПК) лексема *конь* реализует другое своё словарное значение «мифологический, сказочный конь». В этих символических контекстах конь представлен как волшебное животное, которое помогает казачке или казаку догнать свою молодость: *Ой, сидлайтэ, браты мои, кони вороныи, Та й йизжайтэ, догоняйтэ лита молодыи* («Над горою камьяною голубы литають») [Бигдай, 1992, т. 1, с. 162, № 115].

Таблица 18

Синтагматика лексемы *конь* в песенных контекстах, описывающих сказочного, мифологического коня (невоинские песни)

Синтагматика лексемы <i>конь</i>		
Определения	Глагол + предложно-падежная форма слова <i>конь</i>	Существительное + предложно-падежная форма слова <i>лошадь</i>
вороные/ворон (5 ПК)	догоняты (5 ПК) пойидэм/йизжайтэ (4 ПК) запрягайте/запряжу кони (3 ПК) сидлайтэ/оседлаю коня (2 ПК) помчусь (1 ПК) полечу (1 ПК)	пара конэй (1 ПК)

Глаголы, управляющие здесь лексемой *конь*, обозначают подготовку к движению (*запрягайте/запряжу, сидлайтэ/оседлаю*) или движение на коне (*догоняты, пойидэм/йизжайтэ, помчусь, полечу*) (см. табл. 18). При этом глаголы, обозначающие движение, имеют категориальную или ассоциативную сему 'движение с большой скоростью'. В песне «Оседлаю коня, ой да, коня ворона» лексическое значение таких глаголов усиливается сравнением с полетом птицы: *Оседлаю коня, Ой да, коня ворона Да й помчусь, полечу Выше сокола* [Захарченко, 1987, т. 1, с. 112, № 61]. Такое же уподобление несущегося вскачь коня летящей птице присутствует и в воинских песнях казаков. Конь настолько стремителен, что может посоревноваться даже со временем. Свидание с прошедшей молодостью происходит на мосту через реку, являющуюся в представлениях славян

разделом, границей между земным и потусторонним мирами [Славянские древности, 2009, т. 4, с. 417], недаром конь, как считали древние славяне, был проводником на «тот свет» [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 590].

Таким образом, в большинстве контекстов казачьих невоинских песен с базовыми репрезентантами концепта КОНЬ, реализуются прямые значения лексем *конь* и *лошадь*, зафиксированные в словарях. На основе прямых значений у слова *конь* возникают знаковые для ФЯКМ кубанских казаков дополнительные смыслы: «свой», «символ жениха», «товарищ казака», «хранитель казака», «брат казака». Кроме того, у лексем *конь* и *лошадь* появляется метафорическое значение «богатство». В казачьих песнях слова *конь* и *лошадь* обладают положительной коннотацией. Ключевые слова концепта на уровне контекстов народных песен кубанских казаков являются полными синонимами, но к метафорическому переносу семантики гораздо более способна численно превалирующая лексема *конь*.

3.1.3 Кубанские казачьи песни с синонимами лексем *конь* и *лошадь*

В ядерную зону поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях входят синонимы-дериваты базовых репрезентантов концепта, содержащиеся в песенных контекстах. Всего было выделено 32 воинских песни (38 ПК), в структуре которых присутствуют слова с корнем *кон-* и *лошад-*. В 17 песнях присутствуют как лексем *конь* и *лошадь*, так и их дериваты, в 15 песнях реализуются только родственные слова основных репрезентантов. 37 ПК содержат дериваты слова *конь*, и только 1 ПК – дериват слова *лошадь*. Полученные данные представлены в таблице 19.

Таблица 19

Синонимы-дериваты слов *конь*, *лошадь* в воинских песнях кубанских казаков

Конь (37 ПК)	Лошадь (1 ПК)
Коник/конык (31)	Лошадка (1)
Коняка (3)	
Коныченько (2)	
Конёк (1)	
97,4%	2,6%

Синонимы-дериваты лексемы *конь* присутствуют также в 32 невоинских песнях (40 ПК). В 15 песнях употребляются лексема *конь* и её дериваты, в 17 песнях – только дериваты. Однокоренные образования слова *лошадь* в невоинских песнях не представлены (см. табл. 20).

Таблица 20

Синонимы-дериваты слова *конь* в невоинских песнях кубанских казаков

Конь (40 ПК)	
Коник/конык (36)	
Конычек/конычок (2)	
Коныченько (2)	
100%	

Как видно из таблиц 19, 20, наиболее употребительными являются дериваты с характерными для фольклора уменьшительно-ласкательными суффиксами (-ик / -ык, -ёк, -еньк-, -к): *коник/конык, конёк, конычек/конычок, коныченько, лошадка*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы выполняют здесь оценочную функцию. Они выражают любовное отношение казака к своему коню, придают лексемам *конь* и *лошадь* положительную эмоциональную окраску. В.Я. Пропп считает, что «обилие ласкательных и уменьшительных [форм]– одно из проявлений народного гуманизма, способности к мягким и добрым чувствам по отношению к тем, кто эти чувства заслуживает» [Пропп, 1999, с. 529]. Для выражения положительного отношения к персонажу эти суффиксы включаются не только в его имя, но и в названия связанных с ним предметов [Артеменко, 2001, с. 90]: *конюшенка*. Как отмечает лингвофольклорист Е. Б. Артеменко, эмоционально-оценочная функция сближает уменьшительно-ласкательные суффиксы с эпитетами [Там же], поэтому можно сказать, что уменьшительно-ласкательные суффиксы –ик /-ык, -ёк, -ок/-ек, -еньк-, -к, как и постоянные эпитеты, указывают на нормативность образа боевого коня в фольклорной картине мира кубанского казачества. Редкий дериват *коняка* отмечен в МАСе как просторечный [МАС, 1986, т. 2, с. 98].

Однокоренные образования (*коник/конык, конёк, конычек/конычок, коныченько, коняка, лошадка*) и основные репрезентанты концепта КОНЬ (*конь и лошадь*) часто встречаются не изолированно друг от друга, а в художественном контексте одной песни, имеют одинаковую сочетаемость и реализуют одинаковые значения (прямые и метафорические). В художественных контекстах воинских казачьих песен они имеют прямое значение «боевой конь». В контекстах невоинских песен – значение «верховая лошадь», реже – «упряжная лошадь».

У дериватов лексем *конь* и *лошадь* на основе прямого значения образуются переносные. Чаще всего в песенных контекстах они символизируются и приобретают значение «символ казака-воина» (16 ПК: *Командир наш молодой, Неженатый, холостой... Под ним коник вороной, Весь убранный серебром* [Захарченко, 1987, вып. 1, с.67, № 35]), или значение «символ жениха» (26 ПК: *Хорош-пригож суженый на коне... Под ним же то коничек вороный... Он поставил коника во дворе* [Там же, с. 87, № 46]).

Участвуя в символизации семантики лексемы *конь*, дериваты *коник / конык, коныченько* и *коняка*, как и лексема *конь*, нередко используются в контекстах воинских песен, изображающих ситуацию потери коня казаком. Песня «Гей, у мене був коняка» повествует о потере оружия и боевого коня: *Гей, у мене був коняка, Був коняка-розбышака... Гей, коняку турки вбылы* [Концевич, 2001, с. 29, № 9] В другом варианте этой песни «коняку турки вкралы» [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 280, № 143]. Сравнение-приложение *розбышака*, определяющее лексему *коняка* и означающее «лихой сорвиголова», с одной стороны, очеловечивает коня, уподобляет его лихому казаку, а с другой стороны, подчёркивает тяжесть утраты. Казак, потерявший коня, уже не воин, о чём он горько жалеет, когда занимается мирным трудом. Другие фольклорные контексты, включающие уменьшительно-ласкательный дериват *конык*, описывают более печальный вариант потери коня (попытку, находясь в плену, обменять коня на свободу). Такие контексты представлены только в песнях черноморских казаков. При этом в синтагматике лексемы

коньк присутствует частица *на*, имеющая значение «возьми». Так, в песне «Загулы орлы в гору летючы» казак добровольно отдаёт коня врагу, так как потеря свободы ещё страшнее потери боевого друга и воинского статуса: *Ой, на тоби гаман грошей И конька вороного, Та тильки не беры у нэволеньку Казака молодого* [Концевич, 2001, с. 380, № 1]. Но, как правило, отдавая врагу своего коня, казак всё равно остаётся обездоленным пленником. Песня «Завзялысь ляхы...» рассказывает о том, что, лишаясь и воли, и коня – хранителя казака, атрибута воина, символа казачьей боевой доблести, – казак лишается своего счастья – доли: *Чорнэнькая грыва вси пэрси покрыла Коньку вороному, Нэма мини доли, нэма мини воли Козакови молодому* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 61, № 28]. Определения, описывающие отданного врагам вороного коника с чёрной гривой: *чорнэнькая* и *вороной* (постоянный эпитет, имеющий категориальную сему 'чёрный') – приобретают в этом поэтическом контексте эмоциональную сему печали, вливаясь в общий мотив плена.

Дериваты, обозначающие казачьего коня, реализуют и другие дополнительные значения, выявленные у базовых имен концепта КОНЬ в кубанских народных песнях:

– «часть своего мужского мира»: *Гей вы, козаки молоди, А деж ваши коньченькы ворони?* [Концевич, 2001, с. 209, № 1], *И пешим строем мы поладим, Лошадкам скажем: – Ну, ложись!* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 54, № 26];

– «товарищ казака»: *Перед тым же тилом Ворон коньк стоить... Вин же свого пана Потыхеньку розбужа* [Концевич, 2001, с. 381, № 2];

– «предсказатель беды или удачи»: *Мабудь, мабудь, моя ненька, назад я не вернуся. Чегось мий конек вороненький Второпях спиткнувся* [Мартыненко, 2005, с. 26, № 48];

– «вестник гибели казака»: *Бежи, коньк, дорогою... Матэ вийдэ – роспытае: – Ой ты, коньк воронэнький, Дэ ж наш сынок молодэнький?* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 195, № 114];

– «богатство»: *Та нэ вэлыть маты тэбэ, дивчино, браты. Та вэлыть мини маты – дэ чотыри волы браты, Дэ чотыри волы и два коныка дышли* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 205, № 151].

Кроме того, в казачьей песне лексема *коник* приобретает дополнительные метафорические значения – «отрада»: *Коник вороненький, То моя отрада* («Из-за лесу-лесу дорожка лежала») [Бигдай, 1995, т. 2, с. 188, № 110]; «пчелка»: *Под ним коник, под ним коник, Что пчелка, летает* («За Кубанью огни горят») [Захарченко, 1987, т. 1, с. 152, № 89]. Ассоциативные пары *коник-отрада*, *коник-пчелка* (отмечены в песнях линейных казаков) выражают любовь казака к своему коню, восхищение красотой и грацией этого животного и обладают положительной коннотацией.

В текстах 35 кубанских казачьих песен лексема *конь* (или её дериват *коник/конык*) становится даже одной из лексических доминант текста. Это происходит, когда данные слова приобретают дополнительные смыслы: «товарищ», «вестник гибели казака», «символ казака-воин», «символ жениха». Слово *лошадь* и его дериваты роль доминанты в исследованных нами текстах казачьих песен не выполняют.

«Текстовая доминанта обусловлена в первую очередь выдвиганием (актуализацией) на первый план формальных средств» [Бабенко, 2004, с. 215]. К таким формальным средствам относится высокая частота употребления лексем *конь*, *коник* / *конык* в указанных текстах народных песен. Например, в тексте песни «За Кубанью рекой, при долинушке», повествующей о том, как смертельно раненный казак посылает верного коня сообщить семье о своей гибели, лексема *конь* употребляется 17 раз [Бигдай, 1995, т. 2, с. 107, № 55]; в тексте песни «Ой, час, пора та до куриня», рассказывающей о победе богатырского коня атамана над орлом, – 10 раз [Бигдай, 1992, т. 1, с. 368, № 273]; в тексте песни «За Кубанью огни горят», описывающей молодого красавца казака и его великолепного коня, лексемы *конь* и *коник* употребляются 10 раз [Захарченко, 1987, т. 1, с. 152-153, № 89].

В такие «усиленные» контексты часто включается обращение казака к своему коню или даже разговор хозяина со своим конём (15 ПК). Диалог можно считать сильной позицией лексемы *конь* и её деривата *коник/конык* в тексте песни.

На то, что слова *конь* и *коник / конык* являются лексической текстовой доминантой, указывает и то, что они образуют в текстах народных песен своё тематическое поле, в которое входят слова, лексическое значение которых содержит сему 'конь'. В песне «Кончен, кончен дальний путь» такое тематическое поле образуют слова: *гнедой, гнедко, бока, табун, плеть, узда, ржёт, скачи, понукал* [Концевич, 2001, с. 356-359, № 10]. При этом лексемы *конь, гнедой, гнедко* образуют в контексте песни синонимический ряд и связаны парадигматическими отношениями.

Таким образом, имя концепта *конь* и его дериват *коник / конык* в текстах народных песен неоднократно выступают в роли текстовой доминанты. Поскольку «доминанта воспринимается ... как центр, ядро текста, индикатор основного смысла» [Мосиенко, 2014, с. 49], можно сделать вывод, что концепт **КОНЬ** был одним из самых актуальных концептов в ФЯКМ кубанских казаков.

Как видим, наибольшими словообразовательными возможностями в кубанских казачьих песнях обладает лексема *конь*. Фольклорный контекст с дериватом слова *лошадь* всего один. Семантические потенции различных однокоренных лексических единиц базовых репрезентантов концепта в контекстах казачьих народных песен различны. Метафорические значения имеют только дериваты лексем *конь* и *лошадь*, которые представляют собой уменьшительно-ласкательные словообразовательные варианты, обладающие положительной коннотацией. В песенных контекстах эти дериваты реализуют те же прямые и переносные значения, что и основные слова-репрезентанты *конь* и *лошадь*. Кроме того, лексема *коник* приобретает метафорическое значение «отрада». Представленные материалы

свидетельствуют об отсутствии смысловой дифференциации этих однокоренных лексических единиц и слов, от которых они образованы.

В ядерную зону поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях, кроме синонимов-дериватов, входят также содержащиеся в песенных контекстах другие синонимы базовых репрезентантов концепта. Они указывают на животное или множество животных. Всего было выделено 20 ПК, которые включают в себя следующие синонимы слов *конь* и *лошадь*:

а) *кобыла/кобылыця* (6ПК): *Заприг вола з кобылою, Вэдэ по дорози* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 95, № 42]; *Ой так, нэ так Пэрэвэрнэм опять... Ой у Львови кобыла Хвостом барму розбыла... Зубамы орала, Хвостом замитала, Очима стрыляла, Ногою заряжала* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 426, № 261]).

Слово *кобыла* приобретает в последнем контексте несвойственную для него в фольклорных текстах сему 'строевая лошадь', что порождает нарушение фольклорной нормы, «переворачивание образа», в результате чего у лексемы *кобыла* появляется яркая ироничная эмоциональная окраска.

б) *шкапа* (3 ПК): *Чоловик пропыл кочергу, Жинка шкапу ще й дугу* [Концевич, 2001, с. 159, № 3]; *Та й дала ж мини шкапу, та й дала мини погану* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 305, № 232];

в) *табун* (3 ПК): *Там не гонят ли табуньшечки табун* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 226, № 134];

г) *вороной, гнедой, гнедко* (3 ПК): *Сидлай, хлопче, вороного* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 326, № 251]; *Так казак, спеша домой, Понукал гнедого* [Концевич, 2001, с. 356, № 10]; *Словом, сел он на гнедка* [Там же, с. 356, № 10].

Во 2 главе уже отмечалось, что в грамматическом значении прилагательных с семой 'масть' (*гнедой, вороной*) заложена предметность, поэтому они могут субстантивироваться и выступать в качестве синонимов существительного *конь*, замещая его. От таких прилагательных могут образовываться и клички животных (*гнедко*);

д) *жеребец* (2 ПК): *И твой отец любит Персидским жеребцом* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 232, № 137];

е) *лоша* (1 ПК): *Та пропыв чоловік жеребця, Жинка кобылу, ще й лоша* [Концевич, 2001, с. 418, № 38];

ж) *мерин* (1 ПК): *Мы поймали осетра... Сивогривую кобылу, Що й гнедого мерина* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 162, № 94].

Лексемы *кобыла* / *кобыльця*, *жеребец*, *мерин*, *лоша*, *шкапа* употребляются преимущественно в художественных контекстах весёлых, шуточных песен и приобретают в них ироничную окраску;

и) *Бурка-сивка* (1 ПК): *И летишь на Бурке-сивке, Как колдун на облаках* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 34, № 15].

Образ сказочного коня возникает в песне линейных казаков «Честь прадедов атаманов...» при описании коня казачьего военачальника Бакланова. Метафора *летишь на Бурке-сивке*, уподобление коня высоким облакам связывают образ реального боевого коня со сказочным Буркой-сивкой, которому в народном представлении «приданы все свойства грозовой тучи: бурый цвет, необычайная скорость, полёт по поднебесью, способность перескакивать через моря, горы и пропасти, выдыхание жгучего пламени и всё потрясающий топот, от которого дрожит самая земля» [Афанасьев, 2005, с. 197];

к) *троечка* (1 ПК): *Заторгуем рублей пять, Только троечку нанять* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 162, № 94];

л) *пара* (1 ПК): *Наняла пару в санях, Очутилася в горах* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 198, № 115].

Разнообразие синонимов базовых репрезентантов концепта КОНЬ, представленных в текстах кубанских народных песен, указывает на высокую номинативную плотность, а значит, высокую актуальность данного концепта в ФЯКМ кубанского казачества.

3.2 Характеристика придерных элементов поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях

Проанализируем песенные контексты, включающие слова-компоненты придерной зоны поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях. Это песенные контексты с дериватами базовых репрезентантов концепта (исключая контексты с синонимами-дериватами). Было выделено 8 воинских песен (8 ПК), в структуре которых присутствуют слова с корнем *кон-* и *лошад-*. В 3 песнях присутствуют как лексемы *конь* и *лошадь*, так и их дериваты, в 5 песнях реализуются только родственные слова основных репрезентантов. 7 ПК содержат дериваты слова *конь*, и только 1 ПК – дериват слова *лошадь*. Дериват лексемы *конь* (слово *конюшня*), наряду с лексемами *конь* и *лошадь*, употребляется также в 3 невоинских песнях (3 ПК). Полученные данные представлены в таблице 21.

Таблица 21
Однокоренные образования слов *конь*, *лошадь* в песнях кубанских казаков

Конь (10 ПК)	Лошадь (1 ПК)
Конница (3)	Лошадина (1)
Конский (1)	
Конюшня (3)	
Конюшенка (1)	
Конник (1)	
Конный (1)	
90,9%	9,1%

Словообразовательные варианты слов *конь* и *лошадь* немногочисленны, переносных значений не имеют и реализуют следующие значения:

– «относящийся к коню» (*конский* – 1): *Услышим мы конское ржанье, И пушечный гром, и пальбу* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 50, № 24];

– «место содержания коней» (*конюшня* / *конюшенка* – 4): *Отмыкай же ты конюшни новы, Бери ты коня самого лучшего* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 109, № 59], *Увидала жена вороного коня... Повела она коня во конюшенку* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 108, № 55];

– «едуший верхом на коне, кавалерист» (*конный* – 1, *конник* – 1): *Сколько конных на скаку, Сколько пеших на ходу?* [Мартыненко, 2005, с. 186, № 183], *Расставалась казачка С парнем черночубым... Обнимала на ветру Конника лихого* [Там же, с. 21, № 36];

– «конное войско, кавалерия» (*конница* – 2): *Из-за леса, за высоких, темных гор Наша конница несется на простор* [Там же, с. 42, № 84];

– «мясо лошади» (*лошадина* – 1): *Распрокляту лошадину Мы варылы ще й пыклы* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 55, № 18].

Таким образом, наиболее частотными репрезентантами в приядерной зоне поля вербализаторов концепта КОНЬ являются однокоренные образования лексемы *конь*. Эти дериваты в основном характеризуют различные аспекты связанной с конем человеческой деятельности. Песенный контекст с дериватом слова *лошадь* единичен.

Большинство однокоренных образований слов *конь* и *лошадь* отмечено в воинских казачьих песнях, повествующих о боевом коне казака.

3.3 Характеристика элементов, составляющих ближнюю периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях

Контексты кубанских казачьих песен включают лексемы, которые образуют ближнюю периферию лексико-семантического поля вербализаторов концепта КОНЬ. Это лексемы, характеризующие свойства коня. В регулярных значениях таких слов присутствует сема 'конь'. Было выделено 439 таких песенных контекстов. В одних контекстах присутствуют лексемы *конь* и *лошадь* или их синонимы, в других контекстах такие лексемы отсутствуют, а представление о животном даётся имплицитно.

Все песенные контексты с лексическими единицами, образующими ближнюю периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ, можно объединить в лексико-семантические группы:

1) песенные контексты с лексемами, обозначающими масть, особенности окраса коня (130 ПК): вороной, воронэнькый, 101 ПК (*Буде*

слава на тебе й на мене... Ще й на твого коня вороного [Концевич, 2001, с. 394, № 15]); гнедой, гнидэнькый, 11 ПК (*Кинь гнидэнькый – то мий брат* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 310, № 151]); серый, 8 ПК (*У майора серый конь* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 361, № 225]); сывый, сывэсэнкый, 4 ПК (*Из-за гор-горы йидуть мазуры... На сывом кони* [Концевич, 2001, с. 124, № 11]); буланий, 2 ПК (*Товарищ мой, буланий конь, Снеси письмо казачке* [Мартыненко, 2005, с. 105, № 226]); карый, 1 ПК (*Прэнис мэнэ карый кинь до дивчины в новый двир* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 195, № 142]); чалый, 1 ПК (*Крипы сылы, коню чалый* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); билый, 1 ПК (*Влытив його билый кинь До дивчины на постиль* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 316, № 155]); темногрудый, 1 ПК (*Под ним коник темногрудый* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 30, № 12]);

2) контексты с лексемами, указывающими на принадлежность коня к своему или чужому миру (71 ПК): мой (мий), 48 ПК (*Заграв мий кинь вороненькый* [Концевич, 2001, с. 185, № 19]); свой, 9 ПК (*Как седлает Александра Свого ворона коня* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 28, № 11]); казацкий, казачий, 5 ПК (*Казацкий конь далёко скачет* [Там же, с. 42, № 19]); твой (твий), 3 ПК (*Чи заболел твой конь гнедой?* [Там же, с. 59, № 29]); наши, 2 ПК (*Кони наши в лузи* [Концевич, 2001, с. 209, № 1]); Иванов, 2 ПК (*Ой ворвался Иванов конь Ой да в огород* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 274, № 168]); его, 1 ПК (*Конь его ретивый* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 29, № 12]); их, 1 ПК (*А воны убоги, Их кони безноги* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 86, № 49]);

3) песенные контексты с лексемами, обозначающими движение коня (68 ПК): бежать, добежать, прыбижать, пробежать, 13 ПК (*Ой, бижы ж, мий коню* [Концевич, 2001, с. 381, № 2]); скакать, поскакать, ускочить, перескочить, 9 ПК (*Скачь ты, коню, скачь, вороню* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 73, № 30]); стоять, 9 ПК (*Ворон конык стоит* [Концевич, 2001, с. 381, № 2]); спотыкаться / спиткнуться, изпиткнуться, 8 ПК (*Та щось мий кинь вороненькый В воротах спиткнувся* [Там же, с. 20, № 3]); лететь, влететь, летать, 7 ПК (*Ты лети, мой конь, на родимый край* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 109,

№ 56]); становиться / стать, остановиться, 5 ПК (*Стал верный конь становиться* [Там же, с. 210, № 124]); гулять, 5 ПК (*Ты, коньку вороненький, несы та гуляй!* [Концевич, 2001, с. 287, № 3]); ходити, 3 ПК (*А Иванов конь, А Иванов конь Не вмея ходити* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 152, № 89]); шагать, 1 ПК (*Ой да, конь устал, повод не чуя, Да редким шагом стал шагать* [Там же, с. 189, № 109]); нестись, 1 ПК (*Конь, как лев, под ним несётся* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 74, № 37]); ворваться, 1 ПК (*Ой ворвался Иванов конь Ой да в огород* [Там же, с. 274, № 168]); мчаться, 1 ПК (*Верный конь, скачи скорей И, как вихорь, мчися* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 154, № 87]); поспишаться, 1 ПК (*До батька, до неньки Скориши поспишайся* [Концевич, 2001, с. 407, № 28]); ложиться, 1 ПК (*Лошадкам скажем: - Ну, ложись!* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 54, № 26]); скатиться, 1 ПК (*Машины, лошади, штыки, солдаты Лавиной вьющейся скатились вниз* [Мартыненко, 2005, с. 30, № 56]); идти, 1 ПК (*А кинь не йде, воды не пье* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); впасть, 1 ПК (*И кинь пид тобою спиткнеться, впаде* [Там же, с. 75, № 3]);

4) песенные контексты с лексемами, обозначающими другие действия коня (34 ПК): пить, напиться, 11 ПК (*И нэ пьють, нэ йдять Кони вороные* [Мартыненко, 2005, с. 109, № 234]); чують, 5 ПК (*Ой, кинь нэ рже, воды нэ пье, вин дорогу чуе* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 150, № 103]); ждять, 3 ПК (*[Конь] в воротах ржёт, кого-т ждёт* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 43, № 20]); йисты, 2 ПК (*Йиштэ, кони, вы полуу* [Мартыненко, 2005, с. 30, № 57]); бытсья, выбываться, 2 ПК (*Ой, быйся, мий коню, быйся, Гей, быйся й выбывайся* [Концевич, 2001, с. 407, № 28]); вытоптать, утоптать, 2 ПК (*Не так воны утопталы, Як киньмы убили* [Там же, с. 386, № 7]); 2 ПК (*Вороний коню! Грай ты пидо мною, Ты розбый ты тугу мою* [Там же, с. 103, № 22]); розбужать, 1 ПК (*Вин [конь]же свого пана Потыхеньку розбужа* [Там же, с. 381, № 2]); спасать, 1 ПК (*Конь спасал меня от смерти* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 189, № 109]); коснуться, 1 ПК (*Своею кованой ногой Коснулся он плеча героя* [Мартыненко, 2005, с. 83, № 174]); оставить, 1 ПК (*Не оставил*

он [конь] *Марьюшке на венок* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 267, № 163]); смочиться, 1 ПК (*Чтоб мой конь напился, Копыт не смочился* [Там же, с. 244, № 145]); перервать (чамбур), 1 ПК (*Перерви же ты, конь, Чамбур шелковенький* [Там же, с. 108, № 55]); розбивать (тугу, песок), встрепенуться, вдариться, 1 ПК (*Под ним коник встрепенулся, Чуть не вдарился в забор* [Там же, с. 362, № 225a]);

5) контексты со словами, называющими части тела коня (33 ПК): копыта, 10 ПК (*Ой у поли жито копытамы збыто* [Концевич, 2001, с. 238, № 23]); голова/головка/головонька, 6 ПК (*И конь, товарищ боевой, Стоит с понишкой головою* [Мартыненко, 2005, с. 83, № 174]); гри(ы)ва, 6 ПК (*Над Кубанью скачут кони, Гривы по ветру стеля* [Там же, с. 16, № 24]); нога/нижкы/ниженькы, 5 ПК (*Своею кованой ногой Коснулся он плеча героя* [Там же, с. 83, № 174]); бедро, 2 ПК (*Промеж бояр, промеж бояр млад дружно, Глядя коня вороного по бедрам* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 265, № 161]); пэрси, 1 ПК (*Чорнэнькая грыва вси пэрси покрыла Коньку вороному* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 61, № 28]); рёбра, 1 ПК (*Выломала в огороде Ой да чернобыль... Да хватила ворон-коня Ой да по ребрам* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 274, № 168]); бока, 1 ПК (*Дал он плетью под бока* [Концевич, 2001, с. 356, № 10]); хвост, зубы, очи, 1 ПК (*Ой у Львови кобыла Хвостом барму розбыла... Зубамы орала, Хвостом замитала, Очима стрыляла, Ногою заряжала* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 426, № 261]). Последний песенный контекст представляет собой фрагмент шуточной песни «Ой выйхав козак та из Украины» [Там же, с. 426, № 261], где с помощью лексем, называющих животное и части его тела, создаётся яркий, смешной и даже гротескный образ сражающейся с врагами кобылы.

б) песенные контексты со словами, обозначающими издаваемые конем звуки (24 ПК): ржать, иржать, заржать, ржание, 10 ПК (*Услышим мы конское ржание, И пушечный гром, и пальбу* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 50, № 24]); казать, сказать, 7 ПК (*Ты скажи им, мой конь, что убитый лежу* [Мартыненко, 2005, с. 82, № 171]); говорить, 2 ПК (*Ой, на трэтю ничку кинь*

мий нэ говорэ [Бигдай, 1992, т. 1, с. 213, № 159]); топать, топот, 2 ПК (*Слышен топот казачьих коней* [Мартыненко, 2005, с. 23, № 39]); звонити, 1 ПК (*[Конь] золотыми подковами Не вмея звонити* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 152, № 89]); стукнуть, грякнуть, 1 ПК (*Что ни стукнешь, что ни грякнешь – Подковушки бряц, бряц* [Там же, с. 152, № 89]); порадити, 1 ПК (*Ой, коню мий, коню, коню вороненькый, Порадь мене, ще ж я молоденькый* [Концевич, 2001, с. 423, № 43]);

7) песенные контексты с лексемами, описывающими поведение коня (22 ПК): грать, заграсть, розиграться, 5 ПК (*Вороный коню! Грай ты пидо мною* [Там же, с. 103, № 22]); клонить, преклонять (головоньку), 4 ПК (*Кинь головоньку клоне* [Там же, с. 380, № 1]); даваться / дасться, 4 ПК (*Не давайся, мой конь, Неприятелю* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 108, № 55]); слушать, 2 ПК (*Только слушай, мой конь, Где Кубань-речка шумит* [Там же, с. 108, № 55]); драть (головоньку), 1 ПК (*[Кинь] дере в гору головоньку* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); бить (копытом), 1 ПК (*И конь копытом землю бьёт* [Мартыненко, 2005, с. 24, № 44]); вдарить (копытами), 1 ПК (*Стань, остановыся, Та й вдарь копытамы* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 179, № 104]); збыты, 1 ПК (*[Кинь] хоче мене збыты* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); вздрогнуть, 1 ПК (*Вздрогнул коник от удара* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 27, № 10]); плясать, 1 ПК (*А конь под ним [Иваном] пляше* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 259, № 156]); бачить, 1 ПК (*Ой, вин [кинь] чуе, ой, вин баче, дэ Василь ночуе* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 150, № 103]);

8) контексты с лексемами, характеризующими коня с точки зрения беговых или тягловых качеств (19 ПК): добрый, 7 ПК (*Напоилы мы добрых конэй* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 104, № 49]); борзый, 4 ПК (*Поехал казак начужбину далёко На борзом коне вороном* [Концевич, 2001, с. 336, № 2]); лихой, 2 ПК (*Оседлаю завтра спозаранку Я лихого серого коня* [Мартыненко, 2005, с. 18, № 28]); жвавый, 2 ПК (*Сам вин бравый и кинь жвавый, хочь куда казак!* [Концевич, 2001, с. 225, № 11]); резвый, 1 ПК (*Наши кони резвы* [Там же, с. 363, № 12]); ретивый, 1 ПК (*Головы не преклоняет Конь его ретивый*

[Захарченко, 1987, вып. 1, с. 29, № 12]); дужий, 1 ПК (*Пид ным коньченько, Пид ным вороненький, Сильне дужий* [Концевич, 2001, с. 53, № 28]); безногий, 1 ПК (*Иих кони безноги* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 86, № 49]);

9) песенные контексты с лексемами, обозначающими состояние или чувства коня (15 ПК): устать, усталый, 3 ПК (*И, напоив коней своих усталых, ... Его друзья скакали без привала* [Мартыненко, 2005, с. 72, № 150]); заболел, болезнь, 3 ПК (*Чи заболел твой конь гнедой? – Мой конь болезни не боится* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 59, № 29]); утомиться, 2 ПК (*Ворон конь утомився* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 44, № 12]); веселиться, весел, 2 ПК (*Всегда он [конь] весел, громко ржёт* [Мартыненко, 2005, с. 38, № 75]); мордоваться, 1 ПК (*Не мордуйся, коню жвавий* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); зажуриться, 1 ПК (*Ой, кинь мий вороненький, чого зажурився?* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 213, № 159]); раненый, 1 ПК (*Как тебе ли, моему сыночку, Быть убитому в войне, Твоему ли серому конику – Крепко раненному* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 137, № 76]); силы, 1 ПК (*Крипы сылы, коню чалый* [Концевич, 2001, с. 86, № 12]); слизочки, 1 ПК (*Ой, шо сам чарочкамы, а я [конь] слизочкамы* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 214, № 159]);

10) контексты со словами, выражающими отношение к коню и дающими ему оценку (7 ПК): верный, 5 ПК (*Шашка, пика, верный конь...* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 34, № 15]); дорогой, 1 ПК (*Уж ты, конь, ты, мой конь, Друг-товарищ дорогой...* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 56, № 27]); самый лучший, 1 ПК (*Бери ты коня самого лучшего* [Там же, с. 109, № 59]);

11) контексты со словами, обозначающими количество коней (6 ПК): пара, 3 ПК (*А пид ней тры пари коней* [Концевич, 2001, с. 124, № 11]); семеро, 2 ПК (*Её семеро коней-то не везут* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 265, № 161]); два, 1 ПК (*Два конька в дышли* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 205, № 151]);

12) песенные контексты со словами, называющими особенности внешнего вида коня (4 ПК): развеивает (гриву), 1 ПК (*Конь его ретивый... Развеивает гриву* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 29, № 12]); разметавши (гриву), 1 ПК (*Выйду за ворота, кинь в полях бежить, Разметавши гриву*

[Мартыненко, 2005, с. 34, № 64]); стеля (гривы), 1 ПК (...скачут кони, Гривы по ветру стеля [Там же, с. 16, № 24]); убранный (серебром), 1 ПК (Под ним коник вороной, Весь убранный серебром [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 67, № 35]).

13) песенные контексты с лексемами, обозначающими способы хода и бега коня (3 ПК): шаг, 1 ПК (Ой да, конь устал, повод не чуя, Да редким шагом стал шагать [Там же, с. 189, № 109]); рысь, 1 ПК (Эскадроны, на коней, Рысью на заставы! [Мартыненко, 2005, с. 19, № 30]); галоп, 1 ПК (В горящий хутор в бешеном галопе Ворвался с боем первый храбрый взвод [Там же, с. 75, № 150]);

14) песенные контексты с лексемами, указывающими на назначение животного (3 ПК): боевой, 1 ПК (Конь боевой с походным вьюком [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 43, № 20]); в извозе, 1 ПК (А быть тебе, коню мой, в извозе [Бигдай, 1995, т. 2, с. 265, № 161]); в дышли, 1 ПК (Та вэлыть мини маты – дэ чотыри волы браты, Дэ чотыри волы и два коныка в дышли [Бигдай, 1992, т. 1, с. 205, № 151]).

Представленные материалы демонстрируют богатство и разнообразие лексики, характеризующей различные качества и свойства коня, рисующей его перцептивный образ и выражающей позитивную оценку животного в текстах кубанских казачьих песен. Это свидетельствует о высокой ценностности концепта КОНЬ в ФЯКМ кубанского казачества.

3.4 Характеристика элементов, составляющих дальнюю периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях

Лексика, представленная в песенных контекстах и характеризующая связанную с конём человеческую деятельность, образует дальнюю периферию поля вербализаторов регионально-специфичного концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях. Также в состав дальней периферии нами включены содержащиеся в песенных контекстах слова, в лексическом

значении которых присутствует только ассоциативная семантическая связь с лексемами *конь и лошадь*. Всего было выделено 1322 таких песенных контекста. Чтобы получить представление об этой зоне поля вербализаторов концепта КОНЬ, данные песенные контексты можно разделить на группы в зависимости от семантики их компонентов. В этой части концептуального поля присутствуют:

1) песенные контексты, включающие глаголы и другие части речи, обозначающие перемещение человека и грузов, в том числе лексемы, имеющие значение «движение с большой скоростью» (*скакать, поскакать, прискакать, ускакать, пэрэскочить, подскочить, гарцювать, взвиться, ехать (йихать), поехать (пойихать), найихать, спонаехать, заихать, ездить, уезжать/ухать, выезжать / выехать, подъезжать, разъезжать, приезжать/приехать, проезжать / проехать, обйизжать, отъезжать (одйизжать), соезжаться (зйизжаться), летать, лететь, прилететь, налететь, полететь, мчаться, умчаться, помчаться, носить(ся), нести(сь), принести, снести, возить, повезти, привезти догоняты/догнать, нагнать, хиляться, шататься, плыть, на скаку, ходою, верхом), 302 ПК: *Йихав козак на войноньку* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 40, № 17]; *Наш походный атаман Скрозь по войску проезжал* [Там же, с. 57, № 28]; *Он привык неустрашимо По степям носить(ся)* [Там же, с. 29, № 12]; *Да повёз зять тёшу да во глухую степь* [Там же, с. 108, № 59]; *Он на конику шатается* [Там же, с. 145, № 82]; *Полетели на врага Партизаны-казаки, Обнажив клинки* [Мартыненко, 2005, с. 67, № 139]; *На врага он, как ветер, помчится* [Там же, с. 22, № 39 *Колы чуе, щось за нею По дорози скаче* [Концевич, 2001, с. 186, № 19]; *Выйшов хлопэць, щось сказав им, воны й поскакалы* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 42, № 11]; *Ой, маты, маты, москаль у хати, Жартуе, гарцюе, нэ дае спаты* [Там же, с. 112, № 69]; *Кавалерия взвилася* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 10, № 1]. Глагол *взвиться* в художественном контексте военной казачьей песни характеризует действие боевых коней и приобретает отсутствующее в словаре метафорическое значение «встать на дыбы».*

Кроме глаголов, в эту смысловую группу входят контексты народных песен с другими частями речи, обозначающими движение на коне: наречие *на скаку* (*Делибаш на всём скаку Срежет саблю кривою С плеч удалую башку* [Концевич, 2001, с. 361, № 11]); наречие *ходою* (*Москаль поихав в поход ходою* [Там же, с. 182, № 17]); наречие *верхом* (*Нет дороги прямой Ни пешком, ни верхом* [Мартыненко, 2005, с. 41, № 80]);

2) песенные контексты с лексическими единицами, обозначающими человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми, а также слова, в значении которых присутствуют категориальные или ассоциативные семы 'кавалерист' и 'кавалерия' (*табуньшечек, ямицики, кучера, фолейтор, кубанци(ы), чорноморци, полковник/полковнычек, атаман/атаманушки, сотник, линейцы, донцы, кавказцы, лабинцы, закубанцы, урупцы, владикавказцы, астраханцы, сунженец, есаул, хорунжий, подхорунжие, драгун, драгунский (казак), наездник, кавалерист, джигит, гусар, эскадронец, эскадрон, кавалерия, армия, армейюшка, армиечка, Красная Армия, Красная, войско, корпус, полк, дружина, сотня*), 255 ПК: *Заплакалы та чорноморци, Конэй погубывши* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 348, № 265]; *Мы пустилися в погонь И кубанцы с нами* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 49, № 23]; *Полковнику командиру Прокричим : – Ура, ура!* [Там же, с. 56, № 27]; *Наш походный атаман – Он по войску проезжал* [Там же, с. 32, № 13]; *...Морозов сотник разом Весь Кубанский полк собрал* [Там же, с. 25, № 8]; *Про линейцев-удальцов Долго говорили* [Там же, с. 31, № 12]; *И кубанцы, и донцы В этом помогали* [Там же, с. 49, № 23]; *И кавказцы своей горстью Нанесли ужасный страх* [Там же, с. 27, № 10]; *То увидя, с кавалерией Где ни взялся Долгорукий князь* [Там же, с. 67, № 34]; *С Даху шла второая сотня, А драгуны впереди* [Там же, с. 30, № 12]; *Страждал казак со врагом, Пригорозный наездник* [Там же, с. 150, № 85]; *Волков Видит, что смешали, Закричал: – Лабинцы! Мы и кони побросали, Пушки охраняли* [Там же, с. 49, № 23]; *Есаул наш храбрый Петин Вскричал: «Смирно, молодцы!»* [Там же, с. 43, № 20]; *Закубанцы-молодцы Ни о чём не тужат* [Там же, с. 75, № 38]; *Что ты,*

сунженец, не весел? [Там же, с. 21, № 6]; *Молодых ямщиков Порассчитывала* [Там же, с. 160, № 89]; *Молодцы кучера По коляскам сидят* [Там же, с. 157, № 88]; *Там не гонят ли табуньшечки табун* [Там же, с. 226, № 134]; *Джигитов шайка удалая... Стрелет, скачет и гичит* [Там же, с. 18, № 4]; *А увидели позади себя Храбра Баура со егерями... С лёгким войском со гусарами* [Там же, с. 67, № 34]; *Гей, гей, урупцы, Храбрые вы молодцы* [Там же, с. 51, № 24]; *К ним на помощь владикавказцы Прилетели, как стрела* [Там же, с. 64, № 32]; *Вдруг откуда ни взялись Астраханцы молодцы, да кубанцы лихие!* [Там же, с. 64, № 32]; *Ой я гляну в ту сторонку И где то армия стоит* [Там же, с. 59, № 29]; *И дружину поощряя, С шашкой сам в толпу кидался* [Там же, с. 22, № 6]; *Войско храброе, всё Линейное, Впередито идёт наш Кубанский полк* [Там же, с. 84, № 43]; *Затомило, замутило сердце эскадронца* [Захарченко, 1987, т. 1, с. 285, № 145А пид нэй тры пары конэй И фолейтор чорнобровый! [Концевич, 2001, с. 124, № 11)]; *Умчались наши эскадроны* [Мартыненко, 2005, с. 83, № 174]; *Полетим, кавалеристы, грозной лавой огневой* [Там же, с. 16, № 21].

Большинство перечисленных существительных (*драгун, драгунский (казак), кавалерист, гусар, эскадронец, кубанци(ы), чорноморци, владикавказцы, линейцы, донцы, кавказцы, сунженец, лабинцы, урупцы, астраханцы, кавалерия, эскадрон, сотня, полк*) обозначает кавалеристов или кавалерийские соединения и актуализирует сему 'боевой конь'. К этой группе примыкает и существительное *наездник*, которое в контексте военной песни реализует сему 'кавалерист'. В лексическом значении слов *полковник / полковнычек, атаман / атаманушки, сотник, закубанцы, есаул, хорунжий, подхорунжие, армия, армеюшка, армиечка, Красная Армия, Красная, войско, корпус, дружина* присутствует ассоциативная сема 'боевой конь';

3) песенные контексты, содержащие слова с общим значением «военная экипировка конного казака» (*шашка/шашечка, с(ш)абля/с(ш)абе(э)лька/шаблюка, клинок, палаш, нагайка/нагае(и)чка, кин(д)жал, копьё, пика, ратыще / ратюга, нож, бурка / бурочка, черкэска /*

черкесочка, башлык, кубанка, папаха, шпоры), 157 ПК: *Казак пошли все в шашки* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 79, № 40]; *Ты, казак из казаков. Шашка, тика, верный конь...* [Там же, с. 34, № 15]; *Бурки чёрные мелькали И белели башлыки* [Там же, с. 24, № 8]; *Снял папаху, перкрестился* [Там же, с. 27, № 10]; *В меня свашкой была шашка, А булатный нож - дружком* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 56, № 27]; *Гэй, нэ дозвольш з палашамы, та дозволь в кулакамы* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 35, № 5]; *Йиде козак дорогою, копьём упырається* [Там же, с. 46, № 13]; *Що вэчира, що раночку Пропыв коня, нагаичку* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 355, № 182]; *А шо ж воны забры? Хлеб, коняку, товаряку... Кинджал, шашку, сидло, шапку, Черкэску ще й бурку* [Там же, с. 93, № 41]; *Ой там козак коня пасэ. Шабэлькою огонь крэшэ* [Там же, с. 102, № 47]; *Саблю, бурку, чёрную кубанку Ты сама наденешь на меня* [Мартыненко, 2005, с. 18, № 28]; *Мне навись, казачка, дедушкин клинок* [Там же, с. 39, № 76].

Образы холодного оружия и казачьей формы чаще всего выполняют в кубанских песнях атрибутивную функцию вещи-характеристики, необходимого элемента снаряжения конного казака.

В контексте проводов казака на службу и в контексте лишения боевого коня и оружия конкретные существительные *сабля, шашка и клинок*, сочетающиеся с глагольными формами, означающими получение – потерю оружия (*подавала саблю, навись клинок, вручѐнная шашка – поломалы шашку*), приобретают символическое значение и являются символами казачьей доблести, а также преемственности поколений казаков-защитников родины;

4) песенные контексты со словами, которые обозначают дорогу (*дорога, дорожка, дороженька, шлях, путь, стѣ(э)жка, шоссе*), 136 ПК: *Скажи мне щирю правду, Куда шлях-дорога* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 65, № 31]; *С правой руки загончика Дорожка лежала... По той стѣжке, по дорожке Иванушка едя* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 312, № 192]; *Артиллерия палила, Очищала путь вперед* [Там же, с. 10, № 1]; *Пойихав наш тату В далэку*

дорогу [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 303, № 146]; *Казак уехал в путь-дорогу, Конь по дороженьке бежит...* [Мартыненко, 2005, с. 25, № 45]; *Тюю стэжкою-дорожкой кавалерия шила* [Там же, с. 59, № 124]; *Маты сына в дороженьку Слёзно провожае* [Там же, с. 26, № 48]; *Шоссе – там недавно кипели бои, Строенья и жизни сметая* [Там же, с. 119, № 254].

На семантике этих слов остановимся подробнее. Они часто встречаются в песенных контекстах, содержащих слово *конь*. С. Г. Дрыга, которая занималась изучением концепта ПУТЬ в ЯКМ русского народа, считает, что уже в словарном значении слова *конь* имеется сема пути / дороги [Дрыга, 2010, с. 123-124]. И наоборот, в контексте проводов казака на службу, его ожидания со службы, сражения, возвращения домой семантическая структура слов, обозначающих дорогу, вбирает в себя ассоциативную сему 'боевой конь'. Примечательно, что для таких песенных контекстов характерно сочетание лексем *путь* и *дорога*, образующих синонимическую пару на основании полного или почти полного совпадения значений: *Собирай в путь-дорогу, мамаша, Дай башлык и кубанку мою.* («Собирай в путь-дорогу, мамаша...» [Мартыненко, 2005, с. 22, № 39]). В МАСе парные сочетания *путь-дорога* и *путь-дороженька* отмечаются как народно-поэтические эквиваленты слова *путь* [МАС, 1987, т. 3, с. 565]. А. А. Потебня считает, что изначально существительное *путь*, уже с XII века означавшее военный поход, и существительное *дорога* имели разное лексическое значение, поэтому их сочетание не усиливало уже имеющееся значение, а создавало новое, но со временем различия в семантике синонимов стерлись [Потебня, 1968, с. 433-434].

А. П. Евгеньева отмечает, что в фольклоре диалектное слово может сочетаться с общерусским, обозначая единое понятие [Евгеньева, 1949, с. 177]. В кубанских песнях мы встречаем и такой вариант синонимической пары – *шлях-дорога, стэжка-дорожка: От опушки до сэла Стэжка по лису выла, Тюю стэжкою-дорожкой Кавалерия шила.* («От опушки до сэла...» [Мартыненко, 2005, с. 59, № 124]). Лингвисты называют такие пары

синонимическими рядами, которые необходимы в фольклоре для типизации изображаемой ситуации [Венедиктов, 1974, с. 228], и считают подобные конструкции формулами, семантическая функция которых заключается в том, что они «образуют содержательные константы» ФКМ [Артёменко, 2001, с. 96]. Таким образом, синонимическая пара *путь-дорога* является устойчивым обозначением традиционного локуса в фольклорных представлениях кубанских казаков: это составная часть пространства, лежащего между двумя мирами – домашним и военным. А осуществляет связь этих миров, связь казака с Родиной боевой конь, на котором казак отправляется на войну, возвращается домой, которого посылает к родным с вестью о своей гибели [Кондрашова, 2020, с. 262];

5) песенные контексты, содержащие лексические единицы с общим значением «уход за конём» (*поить, напоить, напуваты, пасти, попасти, напасти, кормить, гудоваты, ковать, подковать, дать (сена, воды), не жалеть (ничего), беречь, гладить, возыться, расчесать (гриву), вода, сено, овёс, трава, полова, попона, подковы, ковать, кованая (нога)*), 82 ПК: *Ой з киньмы трэба возыться* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 487, № 256]; *В вас нечем коней ковать... Остры шашки поломаем, добрых коней подкуём* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 51, № 24]; *Холи, корми коня гнедого И ничего ты не жалей. Слушай старших и начальство И береги своего коня* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 43, № 20]; *Дай коню ты сена* [Там же, с. 69, № 36]; *Ой там козак коня пасэ* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 102, № 47]; *Напоилы мы добрых конэй* [Там же, с. 104, № 49]; *Ныхай вона идэ, коныка гудуе* [Там же, с. 333, № 167]; *А ещё, казак, Ты укрой коня Этой же попоной, что тебе дала* [Мартыненко, 2005, с. 39, № 76];

б) песенные контексты, которые содержат слова, обозначающие различные аспекты управления конем (*погонять, понукать, вести, провести, повести, водить, выводить, заводить, привертать, вернуть, свернуть, подвернуть, поставить, свыснуть, крыкнуть, вдарить, осадить, унять, пустыть, плеть*), 68 ПК: *Он коня осадил* [Концевич, 2001, с. 363, № 12];

Свыснув, крыкнув на коня! [Там же, с. 287, № 3]; *Он шапку снял, коня унял* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 312, № 192]; *Твого мужа ворона коня ведут* [Там же, с. 122, № 66]; *... казак молоденький... Привертает коня вороного* [Там же, с. 141, № 79]; *Где вернёт конём – там площадь тел* [Там же, с. 67, № 34]; *Як скажена крычить, лае, малахаем погоняе* [Там же, с. 278, № 211]; *Антонушка Иванович... Во руках держа шелковую плетъ* [Там же, с. 336, № 207]; *И конэй в руках водылы* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 249, № 128]; *Впереди отряда проведу коня* [Мартыненко, 2005, с. 8, № 2];

7) контексты со словами, обозначающими подготовку к движению или завершение движения (*седлатъ, оседлатъ, расседлатъ, посидланый, запрягать/запрячь, зануздать, подать, садиться (сидать) / сестъ, посадиться, излететь, злизать*), 58 ПК: *Сидлай, хлопче, коня вороного* [Концевич, 2001, с. 222, № 10]; *Дивчина моя, сидай на коня* [Там же, с. 176, № 125]; *[Козак] на коника вороного прудко излетив* [Там же, с. 225, № 11]; *Гэй, уси кони посидлани* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 57, № 24]; *Запрягайтэ кони в санкы* [Там же, с. 308, № 235]; *И з коныкив нэ злизаютъ* [Там же, с. 42, № 11]; *Мы на кони посадились* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 30, № 12]; *Да удовинка молода, Расседлай мого коня* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 69, № 36]; *Как споймал козак коня, зануздал уздою* [Там же, с. 179, № 104];

8) контексты с лексическими единицами, обозначающими подковы, составные части сбруи и конской упряжи (*сидло/сидэльце/сидэлэчко, з(с)бруя, узда, повода(ы), пидковы, стремена, удила, уборчик, подпруга, арчак, дышло, дуга*), 54 ПК: *Бэры сидла спид злата самого* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 33, № 3]; *Ой, а для славы, славы козацкойи Сидэлэчко вкрыты* [Там же, с. 54, № 21]; *Тико плавае сидэльце* [Там же, с. 362, № 371]; *Пид моею кобылою пидковы калачуть* [Там же, с. 330, № 254]; *С походу йдучи, Сбрую нэсучи.* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 245, № 146]; *Словом, сел он на гнедка, Шевельнул уздою* [Концевич, 2001, с. 356, № 10]; *Тому горе, що кохае, З стрепен нижок не выймае* [Там же, с. 260, № 13]; *Чоловик пропыл кочергу, Жинка шкапу ще й*

дугу [Там же, с. 159, № 3]; *Тронул сын повода* [Мартыненко, 2005, с. 67, № 140];

9) песенные контексты со словом-компонентом *служить* и его дериватами (*послужить, отслужить(ся), служба, службица, службица, служивый*), 53 ПК. Военная служба в кубанском фольклоре тесно связана с боевым конём: ... *ты уезжаешь на службу служиты* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 148, № 85]; *Как служивые казаки Да собиралися в поход* [Там же, с. 57, № 28]; *Отслужуся, я вырнуся* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 386, № 203]; *Казаки на службице служат* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 126, № 69];

10) песенные контексты с лексемой *поход*, употребленной в значении «военные действия» [МАС, 1987, т. 3, с. 340], 37 ПК. В поход казаки, за исключением пластунов, должны были явиться на боевом коне: *Заплакалы козаченькы та у поход выступаючи* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 46, № 13]; *Грозной лавой мы идём в поход* [Мартыненко, 2005, с. 36, № 68]; *Позади боевые походы* [Там же, с. 110, № 237];

11) песенные контексты, включающие лексические единицы с общим значением «приобретение / потеря коня» (*брать / взять, купить, пораспродывать, повыпродывать, продавать / продать, иметь, добыть, отбытый, прислать, послать, принимать / принять, пропить, дать, забрать, вкрасы, вбыты, побросать, лишиться, збыть*), 33 ПК: *Даю тебе коня лихого, Пику, шашку, портупей* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 43, № 20]; *Ой взяли, взяли сто тысяч грошей Ще й коныка вороного* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 57, № 19]; *Беры вид нас кони вороныи* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 33, № 3]; ... *коныка та й продавалы* [Там же, с. 44, № 12]; *Уси [поляки] зараз повтикалы й конэй побросалы* [Там же, с. 51, № 17]; *Послав я ей с бою отбытого коня* [Там же, с. 54, № 21]; ...*хоть коня добудь* [Там же, с. 112, № 69]; *На чим стану, хоч коныка збуду, А вже ж тую дивчиноньку ратуваты буду* [Там же, с. 381, № 275]; *Вороних лошадей всех повыпродала* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 157, № 88]; *Семёновна, принимай мого коня* [Там же,

с. 285, № 173]; *Коня йому купыла* [Концевич, 2001, с. 302, № 10]; . *Или ты коня лишился?* [Там же, с. 343, № 5];

12) песенные контексты с лексемами, обозначающими транспортные средства (или их части), которые могут приводиться в движение лошадьми (*повозка, коляска, колясочка, сани, санки, подвода, обоз, колесо, тачанка, брычка*), 27 ПК: *Запрягайтэ кони в санки* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 308, № 235]; *И обозы вслед за нами* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 46, № 22]; ... *колесо катилося, да катилося далеко* [Там же, с. 256, № 161]; *А у нашего царя Трое саней* [Там же, с. 336, № 207]; *Как по той дорожке Коляска бежала* [Там же, с. 188, № 110]; *На первой подводе сама Галя села* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 268, № 138]; *Його сывый конык, Мальована брычка* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 318, № 157];

13) песенные контексты, с лексемами, обозначающими ограничение свободы коня (*вязать, привязать, держать, споймать, схватить, чу(а)мбур, арканушек*), 23 ПК: *Розбой сыдыть, коня дэржить* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 44, № 12]; *Другый коня вяже* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 270, № 139]; *Коня к древу привязал* [Там же, с. 55, № 27]; *Увидала жена Вороного коня И схватила его За шелковые поводя* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 108, № 55]; *Там казак коня пас на арканушке. Напасевши коня, За чумбур привязал* [Там же, с. 107, № 55]; ... *ворон коник ходит, Никто его да не споймает* [Концевич, 2001, с. 90, № 48];

14) контексты, включающие глаголы, которые обозначают другие действия человека в отношении коня (*сказать, сказывать, говорить, розмовляты, промовляты, увидеть, взглянуть, побачить, узнать, идти, привыкать, скончатся, не забыть*), 17 ПК: *А як на коню побачеш* [Захарченко, 1997, вып. 2, с. 98, № 44]; *Казак в доспехах боевых Идёт к коню своему гнедому* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 43, № 20]; *Только не забыть нам про добрых лошадей* [Там же, с. 65, № 33]; *Привыкай, казаки, к ружью, шашке, коню...* *С ружьём, шашкой, конём скончатся нам* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 133, № 74]; *Ваня с конём речи говорил* [Там же, с. 178, № 102]; *Про*

коня гнедого людям не скажу [Мартыненко, 2005, с. 34, № 64]; *До конэчка стыха промовляе* [Бигдай. 1992, т. 1, с. 84, № 48];

15) песенные контексты, обозначающие способы ведения конного боя (*рубить, рубка, лава/лавина*), 9 ПК: *Мы пробили стену, пошли на ура, Били, рубили, крепко ранили* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 36, № 16]; *Ах, зудит моя рука, Будет злая рубка* [Мартыненко, 2005, с. 19, № 30]; *Полетим, кавалеристы, Грозной лавой огневой* [Там же, с. 15, № 21]; *Они неслись в сражение лавиной* [Там же, с. 72, № 150];

16) контексты, включающие слова с общим значением «причинение лошади вреда» (*загнать, разлучать, зйиздыть, стратывши*), 6 ПК: *Пид собою коня нудыть* [Бигдай. 1992, т. 1, с. 299, № 226]; *Зйиздыв, зйиздыв я коныка, зйиздыв другого* [Там же, с. 224, № 169]; *А стратывши коныченька, тэпэр хожу пишкы* [Там же, с. 330, № 254];

17) контексты, содержащие лексические единицы, которые обозначают казачьи воинские регалии (*значки, бунчук*), 5 ПК: *Встретим мы его ядрами И значки все отобъём* [Бигдай, 1995, т. 2, с. 65, № 33]; *За Буджацькымы степамы Йидуть наши з бунчукамы* [Концевич, 2001, с. 29, № 9];

Часто описанные выше лексемы объединяются в одном песенном контексте. В таком контексте усиливается их ассоциативная семантическая связь с базовыми репрезентантами концепта КОНЬ: *Царська служба – довг воиныйский, трэба мини йихать в вийско* [Бигдай. 1992, т. 1, с. 59, № 26].

Анализ песенных текстов свидетельствует о том, что в семантической структуре большинства лексических единиц, составляющих дальнюю периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях, актуализируется сема 'боевой конь'.

Многочисленность ПК, содержащих элементы ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ, указывает на актуальность этого концепта в ФЯКМ кубанских казаков.

Представленная структура периферийной зоны поля «конь» в кубанских народных песнях носит условный характер, а выделение

смысловых групп песенных контекстов с лексемами, образующими ближнюю и дальнюю периферийные зоны, субъективно.

Выводы

Анализ вербализаторов концепта КОНЬ, представленных в текстах кубанских казачьих песен, позволяет описать основные составляющие фольклорного концепта КОНЬ в картине мира кубанского казачества.

1. На уровне текстов народных песен базовые репрезентанты концепта – лексемы *конь* и *лошадь* – являются полными синонимами, способными к взаимозаменяемости, но большими семантическими и словообразовательными потенциями обладает численно преобладающая лексема *конь*, которая является именем концепта в картине мира кубанского казачества.

2. Понятийный компонент фольклорного концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях образуют концептуальные признаки, представленные в таблице 1 (см. Приложение 4). Наиболее важными являются следующие признаки: «боевое животное», «животное, способное к движению, в том числе к быстрому движению», «животное, являющееся частью своего мужского мира», «лошадь вообще», «животное, требующее ухода», «мифологическое, сказочное животное», «животное для верховой езды».

Ведущим концептуальным признаком понятийной составляющей концепта в кубанской ФЯКМ является представления о коне как о боевом животном. Казак от рождения был предназначен для военной службы, и казачий конь был, прежде всего, конём строевым, с хорошими беговыми качествами. Боевой конь является частотным объектом и даже субъектом действия в текстах воинских песен, главным образом, в большом корпусе военно-бытовых и походных песен, отражающих социально-психологическую специфику казачества как военного сословия. Большинство однокоренных образований лексем *конь* и *лошадь* в кубанских казачьих песнях также имеют сему 'боевой конь'. Эта же сема входит в семантическую

структуру значительной части слов, образующих периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских фольклорных песенных текстах. Кроме того, лексема *конь*, обозначающая боевое животное, обладает наибольшим метафорическим потенциалом.

Поскольку конь в представлении казаков был, прежде всего, боевым животным, основополагающими понятийными признаками кубанского концепта КОНЬ являются также признаки «животное, способное к движению, в том числе к быстрому движению» и «животное, являющееся частью своего мужского мира».

К числу доминантных признаков кубанского фольклорного концепта КОНЬ не относится признак «рабочее животное», зато относится признак «мифологическое, сказочное животное». В представлениях кубанского казака конь обладает необычайной силой и сверхъестественными способностями: он непобедим в бою, наделён даром речи, может предчувствовать то, что ждет казака в будущем, способен догнать давно прошедшее время.

3. Образные признаки фольклорного концепта КОНЬ представлены в таблице 2 (см. Приложение 4). Перцептивный зрительный образ коня создается с помощью лексем, обозначающих масть коня и особенности его окраса (*вороной, гнедой, серый* – чаще всего в песнях рисуется образ вороного черногривого коня); части тела коня (*головонька, копыто, грива*); возраст (*лоша*); состояние коня (*усталый, зажурывся, утомився*); различные действия коня (*коснулся, пьют, йдять*); поведение коня (*розигрався, клоне головоньку, бьет копытом*); движение коня или человека на коне (*пробежал, ускочил, гулял*). В воинских песнях, как правило, изображается мчащийся конь, пугающий врагов своим агрессивным движением (*как лев, несется; бижыть, аж земля движыть*); в невоинских песнях описываются кони, которые могут соперничать по скорости даже со временем (*догоняты, помчусь, полечу*). В некоторых песенных контекстах присутствие лексем, обозначающих подковы, элементы сбруи, а также транспортные средства, которые ассоциируются с конем, тоже служит созданию зрительного образа

коня: *Золотыми подковами Не вменя звонити* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 152, № 89]; ... *кинь в полях бежить, Разметавши гриву, разнуздаши повид* [Мартыненко, 2005, с. 34, № 64]; *Седлайте мне коня гнедого С черкесским бархатным седлом* [Захарченко, 1987, вып. 1, с. 41, № 18]; *Справлю я соби коляску й пройизжаты буду* [Бигдай, 1992, т. 1, с. 243, № 183].

Перцептивный образ коня вербализуется также лексемами, обозначающими звуки, издаваемые или производимые животным (*иржи, скажи, говорь, стукнешь, грякнешь*).

4. Метафорика кубанского фольклорного концепта КОНЬ в текстах народных песен значительно разветвлена. Перцептивный образ коня дополняется метафорическими признаками «товарищ казака», «хранитель казака», «брат казака», «предсказатель беды или удачи», «вестник гибели казака», «розбышака», создающими антропоморфный образ коня. В основе сопоставления коня с человеком лежит высокая оценка верности, надёжности этого животного, его интеллектуальных и даже сверхъестественных способностей.

Метафорические признаки образного компонента концепта «конь-вихрь», «конь-облака», «конь-лев», «кони-орлы», «конь-брат орла», «конь-стрела» основаны преимущественно на таком понятийном признаке, как «способность коня к быстрому движению».

Кроме того, образ коня в ФКМ, отразившейся в кубанских казачьих песнях, приобретает метафорические признаки «коник-отрада», «коник-пчелка», в основе которых лежит высокая эмоциональная и эстетическая оценка коня.

Образная составляющая концепта КОНЬ в фольклорно-поэтическом контексте кубанских народных песен включает в себя также знаковые для ФЯКМ кубанских казаков символические смыслы. В идеальном мире кубанского фольклора особенные качества коня – это неотъемлемая часть богатырской силы его хозяина, казак и конь прочно связаны, конь неотделим от казака. Это единство отразилось в песнях, где конь становится в целом

мужским символом: символом казака-воина, казака-героя, а также символом влюблённого казака, жениха. Кроме того, кони в кубанской ФЯКМ символизируют богатство.

5. Об актуальности концепта **КОНЬ** в кубанской ФЯКМ свидетельствует высокая частотность имени концепта, лексемы *конь*, в казачьих народных песнях (присутствует в 347 песенных контекстах из общего объема исследованных текстов (около 930 страниц)); наличие многочисленного поля вербализаторов концепта, выделенных в этих текстах. Широкое употребление в кубанских песнях разнообразных синонимов лексемы *конь* (*коник/конык, коняка, конычек/конычок, коныченько, конек, лошадь, лошадка, кобыла, кобылыця, жеребец, Бурка-сивка и др.*) говорит о высокой номинативной плотности фольклорного казачьего концепта. Результаты анализа фольклорных песенных текстов позволяют сделать вывод о том, что концепт **КОНЬ** является одним из наиболее значимых концептов в ФЯКМ кубанского казачества и входит в её костяк.

Об актуальности кубанского фольклорного концепта **КОНЬ** говорит и тот факт, что лексема *конь* и ее синонимы-дериваты нередко являются лексической доминантой, организующей текст казачьей песни.

6. Постоянные эпитеты (*вороной, добрый*), характеризующие репрезентанты концепта **КОНЬ** в кубанских песенных контекстах, не только называют качества животного, но и указывают на нормативность представлений о коне в ФЯКМ кубанского казачества. В кубанской песне именно конь представлен как самое близкое казаку существо, которое всегда рядом со своим хозяином и другом. Вместе с ним конь переносит все тяготы военной службы, порой спасает казака от гибели, становится мудрым советчиком в трудной жизненной ситуации, а иногда даже учит и воспитывает своего хозяина, воплощая его совесть. Конь остаётся рядом с казаком и в смертный час. В отличие от человека, конь идеален, он не имеет недостатков: он красив, храбр, силен, предан своему хозяину, мудр и даже обладает сверхъестественными способностями. На нормативность образа

коня в ФЯКМ кубанского казачества указывают и уменьшительно-ласкательные суффиксы в составе синонимов-derivатов лексем *конь* и *лошадь* (-ик/-ык, -ек, -ок, -еньк, -к), выполняющие в фольклорных текстах роль постоянных эпитетов. Нормативность фольклорных представлений о коне как о существе, воплощающем лучшие человеческие качества, предполагает позитивную оценку коня.

В ФЯКМ кубанского казачества конь оценивается положительно еще и потому, что он является частью своего, а не чужого мира. Для казака конь был одной из важнейших составляющих *своего мужского* мира, материально и эмоционально ценностным объектом, поэтому народная песня призывает беречь коня, а его потеря приравнивается к потере казаком не только своего высокого воинского предназначения, но свободы и даже жизни.

7. Фольклорное сознание любит конём и высоко оценивает это животное по разным критериям. Коню дается общая оценка (*добрый, вороной, борзый, жвавый, ретивый, самый лучший*); эмоциональная оценка (*коник, дорогой, отрада, риднэсэнькый*); нравственная оценка (*лихой, верный, товарищ, друг, брат*); интеллектуальная оценка (*коню, порадь* (посоветуй); *кинь говорэ*); эстетическая оценка (*летает, как пчелка*); материальная оценка (*купым коня; прислал коня на подарок; повыпродала лошадей*).

Лексемы, являющиеся синонимами слов *конь, лошадь* (*кобыла / кобылыця, жеребец, лоша, шкана*), обогащают ценностный компонент концепта КОНЬ ироничной эмоциональной окрашенностью.

8. Для нужд исследования были сопоставлены основные признаки фольклорного концепта КОНЬ, выявленные в результате анализа текстов песен черноморских казаков и текстов песен линейных казаков. Различия в понятийном компоненте концепта отсутствуют.

Совпадает и перцептивный образ коня, а также основные метафорические признаки концепта, но представления о коне как близком и дорогим казаку существе в песнях линейцев реализуются с помощью метафор «конь – друг-приятель», «конь – товарищ», «конь – брат», а в песнях

черноморцев – с помощью метафоры «конь – брат». В песнях черноморских казаков отсутствуют метафорические признаки «конь – лев», «конь – вихрь», «конь – стрела», «конь – облака», в песнях линейных казаков – «коняка – розбышака».

Ценностная составляющая фольклорного концепта КОНЬ у линейцев и черноморцев одинакова, но выявлены некоторые различия в языковых средствах ее экспликации: в песнях черноморских казаков оценка коня выражается преимущественно с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов (*конык, конычок, коныченько, вороненький, гнидэнький, сывэсэнъкий, головонька, сидельце*), в песнях линейных казаков более разнообразны, чем в песнях черноморцев, эпитеты и метафоры, обладающие семой оценки (*верный, добрый, дорогой, лихой, самый лучший, коник-отрада, коник-пчелка*).

Полученные результаты дают нам основания говорить о единстве представлений о коне, возникшем у линейных и черноморских казаков в результате межэтнической культурной диффузии, проявившейся на уровне песенного фольклора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная диссертация посвящена особенностям концептуализации понятия «конь» в ЯКМ кубанского казачества. Концепт КОНЬ рассматривается в работе как результат процесса концептуализации.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые общие выводы.

Общерусский концепт ЛОШАДЬ характеризуется антропоцентричностью и отражает функциональный взгляд человека на это животное. В картине мира кубанского казачества данный концепт обладает региональными особенностями, что позволяет назвать его регионально-специфичным концептом, то есть вариантом национально-культурного концепта, понятийный, образный и ценностный компоненты которого обладают этноспецификой, детерминированной региональными особенностями.

В данной диссертации разработана и апробирована методика изучения регионально-специфичного концепта. Она направлена на выявление регионального своеобразия концепта и отличается от традиционных методик тем, что предполагает создание и анализ лексико-семантического поля вербализаторов концепта, содержащего не только общерусский, но и региональный компоненты, изучение региональных фразеологических контекстов с элементами этого поля (на фоне общерусской фразеологии), а также анализ региональных фольклорных песенных текстов, включающих элементы поля вербализаторов.

Региональная специфика исследуемого концепта проявляется уже при выборе его имени. Базовые репрезентанты концепта – лексемы *конь* и *лошадь*. Из них именем концепта в языковой картине мира русского народа является лексема *лошадь*, в региональной языковой картине мира кубанского казачества доминирует слово *ко(и)нь*, что обусловлено факторами частотности, стилистической нейтральности, семантической наполненности,

предопределяющей способность к обобщению, и значимости для носителей языка.

Анализ общерусских лексикографических источников показал, что базовые репрезентанты концепта – лексемы *конь* и *лошадь* – являются синонимами, которые допускают толкование одной лексемы через другую, но при этом имеют некоторые различия в своей семантической структуре: лексема *конь* обозначает быстрое, физически сильное, наделённое интеллектом животное, использующееся, главным образом, в боевых действиях или для верховой езды; словом *лошадь* именуется, прежде всего, рабочее животное.

В кубанской РЯКМ разница в семантике этих слов стирается, лексемы *конь* и *лошадь* становятся более полными синонимами, в семантической структуре которых доминантной является сема 'боевой конь'. Подтверждает региональную специфику кубанского концепта и двойственность огласовки его имени: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинъ* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой.

В работе описана понятийная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ. Она включает ряд признаков, из которых ведущими являются следующие признаки: «рабочее животное», «животное, способное к движению», «лошадь вообще», «животное, требующее ухода», «животное для верховой езды», «боевое животное», «животное, являющееся частью своего/чужого мира». К ведущим относятся те понятийные признаки, которые наиболее полно представлены в словарях, ЛСП вербализаторов концепта, фразеологических единицах, песенных контекстах.

Выявлена кубанская региональная специфика понятийного компонента концепта КОНЬ, которая состоит в том, что на первый план выдвигается концептуальный признак «боевое животное» (в отличие от общерусского концепта ЛОШАДЬ, ведущим концептуальным признаком которого является представление о коне/лошади как о животном, предназначенном, главным

образом, для тяжёлой работы); кроме того, для кубанских казаков конь / лошадь – это часть преимущественно своего, реже чужого мужского мира (в общерусской языковой картине мира на гендерном аспекте категории свойственности / чуждости внимание не акцентируется). Такие представления казаков о коне / лошади объясняются спецификой военной жизни казачества как служилого сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России.

К доминантным признакам кубанского фольклорного концепта КОНЬ не относится признак «рабочее животное», зато относится другой признак – «мифологическое, сказочное животное». В идеальном мире кубанского фольклора конь обладает необычайной силой и сверхъестественными способностями: он наделён даром речи, может предвидеть будущее, способен догнать давно прошедшее время.

Образная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ имеет общую основу и включает в себя перцептивные и метафорические признаки. Перцептивный образ животного как в общерусской, так и в кубанской казачьей картине мира вербализуется с помощью лексем, подробно описывающих его визуальные признаки, а также издаваемые или производимые им звуки. И в общерусской, и в кубанской фразеологии образная составляющая концепта обогащается признаком, который формируется на основе метафорического осмысления животного: «конь – товарищ». Этот метафорический признак, создающий антропоморфный образ коня, широко представлен и в кубанских казачьих песнях. В основе сопоставления коня с человеком лежит высокая оценка верности, надёжности этого животного.

В кубанской фразеологии возникают и региональные метафоры, которые отсутствуют в структуре общерусского концепта: «конь – душа казака», «конь – кубанская кровь», «конь – пес», «конь – черт», подчёркивающие преданность коня казаку, единение человека и животного, а также лихость казачьего коня и его наездника.

Анализ текстов народных песен показал, что метафорика кубанского фольклорного концепта **КОНЬ** весьма разнообразна. Фольклорный метафорический образ коня включает следующие концептуальные признаки, создающие антропоморфный образ коня: «товарищ казака», «хранитель казака», «брат казака», «предсказатель беды или удачи», «вестник гибели казака», «розбышака». В казачьих песнях образ коня концептуализируется также через метафоры «коник – отрада», «коник – пчелка», в основе которых лежит высокая эмоциональная и эстетическая оценка коня. Метафоры, основанные на сопоставлении коня с предметами, явлениями природы, другими животными, подчеркивают способность животного к быстрому движению, его бесстрашие, его силу: «конь – стрела», «конь – вихрь», «конь – облака», «конь – лев», «кони – орлы», «конь – брат орла».

Образный компонент концепта **КОНЬ** в текстах кубанских народных песен включает в себя также символические смыслы. В идеальном мире кубанского фольклора казак и конь неразрывно связаны, конь неотделим от казака. Это единство отразилось в песнях, где конь становится мужским символом: символом казака-воина, казака-героя, казака-жениха. Кроме того, кони в фольклорной картине мира символизируют богатство, достаток.

В РЯКМ кубанского казачества отсутствуют зафиксированные в общенациональной ЯКМ метафорические признаки: «враг», «крылья», «жернов». Это относится как к репрезентанту *конь*, так и к репрезентанту *лошадь*.

Общекультурный концепт **ЛОШАДЬ** – один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. В прошлом он был ценностно значимым и коммуникативно востребованным. На это указывает значительное число вербализаторов (1711 единиц) в общерусской составляющей лексико-семантического поля концепта, его высокая номинативная плотность (205 единиц), а также метафорическая диффузность: с лошадей / конём сравнивается, прежде всего, человек, которому даётся как позитивная (умный, опытный, работающий, красивый,

отличающийся от всех в лучшую сторону), так и негативная оценка (глупый, упрямый / покорный судьбе, слишком много и тяжело работающий, постаревший, некрасивый), а также конкретные предметы (подарок) и абстрактные явления (что-либо полезное / бесполезное, что-либо большое, какая-либо деятельность, невозможность чего-либо, счастье / несчастье). При этом в восприятии носителей русского языка слово *лошадь* имеет и положительные, и отрицательные коннотации, а наименование *конь* – в основном положительные.

Результаты комплексного концептуального анализа говорят о том, что в картине мира кубанского казачества концепт **КОНЬ** является одной из базовых ценностных констант. Конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни: вместе с казаком он переносил все тяготы военной службы, спасал своего хозяина от гибели в бою, был его преданным другом и в мирной жизни. Степень актуальности, ценностной и коммуникативной значимости концепта в региональной языковой картине мира высокая. Об этом свидетельствует, во-первых, значительный количественный состав вербализаторов в региональном фрагменте исследуемого лексико-семантического поля (503 лексических единицы); во-вторых, приращение номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составляющее 37 лексических единиц; в-третьих, активное использование ассоциативного потенциала репрезентантов концепта **КОНЬ** для именованя других объектов и явлений действительности и, как следствие, наличие кубанских оригинальных метафор (*Конь в юбке; С коня не слазит (служит); Хата на коне* (бурка казака) и др.). Кроме того, лексема *конь* нередко является лексической доминантой, организующей текст казачьей песни.

В кубанской казачьей картине мира и конь, и лошадь оцениваются преимущественно положительно; в фольклорном сознании присутствуют только позитивные оценки коня и лошади, что передается с помощью эпитетов (*верный, добрый, жвавый, самый лучший, дорогой*),

уменьшительно-ласкательных суффиксов (*конык, конычок, коныченько, лошадки*), метафор (*коник-отрада, коник-пчелка*). Очень высок и уровень общей, эмоциональной, нравственной, интеллектуальной, эстетической оценки этого животного. Казачий конь безупречен: красив, лих, храбр, бесконечно предан своему хозяину, мудр – это самое лучшее, что есть у казака, его душа и отрада, показатель его высокого воинского статуса, центральный образ мужского казачьего мира.

В дальнейшем представляется перспективной работа по моделированию других ключевых фрагментов ЯКМ кубанского казачества и выявлению их региональной специфики, а также по сопоставлению особенностей концептуализации понятия «конь» в ЯКМ различных казачьих субэтнотетов, что позволит выявить общее в структуре и содержании казачьего концепта КОНЬ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аглеева, З. Р.** Концепт «КАСПИЙ» в восприятии представителей различных лингвокультур / З. Р. Аглеева, М. А. Голованева, Е. Е. Завьялова, Л. Ю. Касьянова // Культура и цивилизация. –2019. – Т. 9. № 3-1. – С. 81-88.
2. **Адаменко, С. В.** Народная песня как основа музыкального фольклора / С. В. Адаменко // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2013. – № 1 (48). – С. 93-96.
3. **Алексеева, О. И.** Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореферат дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01 / Алексеева Ольга Ивановна. – Белгород, 2006. – 26 с.
4. **Алефиренко, Н. Ф.** Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – Москва – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 70-81.
5. **Алещенко, Е. И.** Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Алещенко Елена Ивановна. – Волгоград, 2008. – 432 с.
6. **Алещенко, Е. И.** Отражение основных фольклорных концептов в современном русском языковом сознании / Е. И. Алещенко // Славянские языки и культуры в современном мире: материалы конференции. Москва: МАКС Пресс, 2009. С. 256.
7. **Ангелова, М. М.** «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. научных трудов. – Москва, 2004. – Вып. 3. – С. 3-10.
8. **Андрющенко, В. И.** Словоизменение глагола в южнорусском говоре (на материале говора ст. Андрюковской Мостовского района Краснодарского края): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Андрющенко Вера Ивановна. – Ростов-на-Дону, 1977. – 24 с.

9. **Апресян, Ю. Д.** Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – Москва: Школа «Языки русской культуры»: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII с., 472 с.
10. **Артёменко, Е. Б.** К вопросу о специфике и типологии экспрессивно-языковых средств русского фольклора / Е. Б. Артеменко // Фольклор и литература: проблемы изучения. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 87 – 98.
11. **Артеменко, Е. Б.** Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е. Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы её изучения: материалы научной региональной конференции 2004 г. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 138-150.
12. **Артемова, Н. В.** Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Артемова Наталия Вячеславовна. – Москва, 2000. – 212 с.
13. **Архангельский Север в зеркале языка: региональный аспект языковой картины мира** / [Т. В. Симашко и др.]; под ред. Т. В. Симашко. – Архангельск: Издательский центр СГМУ, 2010. – 131 с.
14. **Атаян, В. А.** Номинационное пространство реалий современной региональной картины мира / В. А. Атаян [Электронный ресурс]. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического ун-та, 2007. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/931/uch_2014_vi_02.pdf (дата обращения: 28.10.21).
15. **Афанасьев А. Н.** Мифология Древней Руси / А. Н. Афанасьев. – Москва: Эксмо, 2005. – 608 с.
16. **Бабенко, Л. Г.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва: Флинта: Наука, 2004. – 459 с.
17. **Бабушкин, А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика:

- диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.19 /
 Бабушкин Анатолий Павлович. – Воронеж, 1997. – 330 с.
18. **Бабушкин, А. П.** Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52-57.
19. **Бартминьский, Е.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – Москва: Индрик, 2005. – 527 с.
20. **Баскакова, В. П.** Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора / В. П. Баскакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 169-173.
21. **Безруков, П. Н.** Понятийная, образная и ценностная составляющие содержательной структуры концептов «» и «» в современном английском языке / П. Н. Безруков // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 6 (149). Вып. 17. – С. 54-61.
22. **Бекмурзаева, Ф. Ш.** Анималистические ментальные образования ЛОШАДЬ / КОНЬ и HORSE / MARE в кросскультурных языковых картинах мира (на материале русского и английского языков): диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бекмурзаева Феруза Шухратовна. – Краснодар, 2021. – 331 с.
23. **Беляева, М. Ю.** Специфика ономастикона Кубани / М. Ю. Беляева, Л. И. Сартаева, Е. Н. Трегубова; под общ. ред. М. Ю. Беляевой. – Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2021. – 255 с.
24. **Богатырев, П. Г.** Язык фольклора / П. Г. Богатырев // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106-116.
25. **Богданов, К. А.** Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2001. – 438 с.

26. **Божедонова, А. Е.** Этимологические характеристики наименований основных мастей лошади в якутском языке / А. Е. Божедонова // Вестник СВФУ. – 2019. №4(72). – С. 92–104.
27. **Болдырев, Н. Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
28. **Бондарь, Н. И.** Роль этнических процессов в формировании фольклора Кубани / Н. И. Бондарь // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: тезисы научной конференции. – Москва, 1983. – С. 20-23.
29. **Бондарь, Н. И.** Кубанское казачество (этносоциальный аспект) / Н. И. Бондарь // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор: сб. научных статей / авт.-сост. Н. И. Бондарь. – Москва, 1995. – С. 5-48.
30. **Бондарь, Н. И.** Традиционная культура кубанского казачества в XVIII – начале XIX вв. / Н. И. Бондарь. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1538&type=page> (дата обращения: 22.11.2018).
31. **Бондарь, Н. И.** Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры Кубанского казачества) / Н. И. Бондарь. – [Электронный ресурс]. – Майкоп, 2002. URL: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/903-voiny-i-khleboroby-nekotorye-aspekty-muzhskoj-subkultury-kubanskogo-kazachestva.html> (дата обращения: 02.11.2021).
32. **Борисова, О. Г.** Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества / О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина // Концептуализация как процесс и его результаты: монография / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 151-169.
33. **Борисова, О. Г.** Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: диссертация ...

- докт. филол. наук: 10.02.01 / Борисова Ольга Геннадьевна. – Краснодар, 2018. – 609 с.
34. **Борисова, О. Г.** Литературно-диалектная языковая личность как выразитель народно-речевой культуры / О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина // Филология и человек. – 2020. – № 4. – С. 76-92.
35. **Борисова, О. Г.** Соматизмы в диалектной картине мира жителей Кубани: реализованные когнитивные возможности / О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2020а. – Т. 162, кн. 5. – С. 159-176.
36. **Брысина, Е. В.** Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Брысина Евгения Валентиновна. – Волгоград, 2003. – 45 с.
37. **Брысина, Е. В.** Диалект через призму лингвокультурологии / Е. В. Брысина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 51-56.
38. **Брысина, Е. В.** Диалект как форма трансляции традиционных ценностей / Е. В. Брысина // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / Под ред. Т. В. Симашко. – Архангельск: Издательство им. В. Н. Булатова САФУ, 2013. – С. 18-23.
39. **Брысина, Е. В.** Духовная культура казачества: язык и образы / Е. В. Брысина, В. И. Супрун. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. – 336 с.
40. **Булатникова, Е. Н.** Концепты ЛОШАДЬ и АВТОМОБИЛЬ в русском языке: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Булатникова Екатерина Николаевна. – Екатеринбург, 2006. – 205 с.
41. **Бурдун, С. В.** Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) / С. В. Бурдун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. Вып. 4. – С. 13-18.

42. **Бурдун, С. В.** Лексическая репрезентация концепта КАЗАК, представляющего мужскую субкультуру ‘своего мира’ в контексте кубанской фразеологии / С. В. Бурдун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020а. – Т. 13. Вып. 11. – С. 109-114.
43. **Бурдун, С. В.** Бог как покровитель ‘своего’ мира (на материале кубанской фразеологии) / С. В. Бурдун // Исследовательские парадигмы в современной филологии: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Краснодар: КубГУ, 2020б. – С. 5-13.
44. **Бурдун, С. В.** Лексико-семантическая репрезентация концептов МУЖ и ЖЕНА, представляющих мир «своих» в контексте кубанской фразеологии / С. В. Бурдун // Актуальные проблемы теоретической и практической лингвистики: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Краснодар: КВВАУЛ, 2020в. – С. 45-55.
45. **Бытотова, Л. И.** Отражение концепта «лошадь» в языковом сознании русских и хакасов (на материале пословиц и поговорок) / Л. И. Бытотова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Реноме, 2013. – С. 40-44.
46. **Васильев, И. Ю.** Боевой конь в системе ценностей кубанских казаков / И. Ю. Васильев // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: материалы III международной научно-практической конференции. – Краснодар: ИМСИТ, 2005. – С. 158-165.
47. **Васильев, Л. М.** Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.
48. **Васильев, Л. М.** Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – Москва: Высшая школа, 1990. – 175 с.
49. **Васильев, Л. М.** Теоретические проблемы лингвистики. Внутреннее устройство языка как знаковой системы / Л. М. Васильев. – Уфа: РИО БашГУ, 1994. – 208 с.

50. **Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.
51. **Вендина, Т. И.** Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – Москва: Индрик, 1998. – 240 с.
52. **Венедиктов, Г. Л.** Внелогическое начало в фольклорной поэтике / Г. Л. Венедиктов // Проблемы художественной формы. Русский фольклор. – Ленинград: Наука, 1974. – Том XIV. – С. 219 – 237.
53. **Веселовский, А. Н.** Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 404 с.
54. **Виноградов, В. В.** Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – Москва: Наука, 1977. – С. 118-139.
55. **Волошина, К. С.** Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Волошина Карина Сергеевна. – Нальчик, 2010. – 25 с.
56. **Воркачев, С. Г.** Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47-58.
57. **Воркачев, С. Г.** Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10-13.
58. **Воркачев, С. Г.** Наполнение концептосферы / С. Г. Воркачев // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: Монография / [С. Г. Воркачев и др.]; под ред. С. Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – С. 8-94.
59. **Ганиева, Э. С.** Семантическое поле зоонима ат 'лошадь' в крымскотатарском языке / Э. С. Ганиева // Филологические науки.

- Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 5 (83). Ч. 1. – С. 67-71.
60. **Голованова Е. И.** Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий / Е. Н. Голованова, И. А. Голованов, И. Г. Казачук // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 34-45.
61. **Гольдберг, В. Б.** Структурные связи в лексико-семантической системе языка (на материале русского и английского лексико-фразеологических полей «Биологическое существование человека»): автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Гольдберг Вера Борисовна. – Воронеж, 2000. – 43 с.
62. **Григоренко, Н. А.** Энтомологическая лексика камчатских говоров / Н. А. Григоренко // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы IV Международной научно-практической конференции. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. – 2008. – С. 49-54.
63. **Григорьева, Н. А.** Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Григорьева Наталья Александровна. – Волгоград, 2010. – 25 с.
64. **Грязнова, В. М.** Национально-культурная специфика лексики казаков-некрасовцев / В. М. Грязнова // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 66-70.
65. **Демидова, К. И.** Лексическая семантика в региональном аспекте / К. И. Демидова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 35-39.
66. **Довлеткиреева Л. М.** Концепт КОНЬ в чеченской литературе и фольклоре / Л. М. Довлеткиреева // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2019. – № 3. – С. 16-21.
67. **Дрыга, С. Г.** Концепт «путь» в русской языковой картине мира: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дрыга Светлана Геннадьевна. – Краснодар, 2010. – 241 с.
68. **Евгеньева, А. П.** О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII – XIX вв. / А. П. Евгеньева // Труды отдела древнерусской литературы. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. – Том VI. – С. 154-189.
69. **Евгеньева, А. П.** Язык русской устной поэзии / А. П. Евгеньева // Труды отдела древнерусской литературы. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – Том VII. – С. 168-211.
70. **Евгеньева, А. П.** Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. / А. П. Евгеньева. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.
71. **Еремина, В. И.** Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря / В. И. Еремина // Русский фольклор: материалы и исследования. – Ленинград: Наука, 1974. – Т. XIV. Проблемы художественной формы. – С. 61-73.
72. **Еремина, В. И.** Поэтический строй русской народной лирики / В. И. Еремина. – Ленинград: Наука, 1978. – 184 с.
73. **Жолковский, А. К.** К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) / А. К. Жолковский // Паремиологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст / Под ред. Г. Л. Пермякова. – Москва: Наука, 1978. – С. 136-162.
74. **Жуков, В. П.** Русская фразеология / В. П. Жуков. – Москва: Высшая школа, 1986. – 310 с.
75. **Захарченко, В. Г.** От составителя / В. Г. Захарченко // Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. – Вып. 1. – С. 5-8.

76. **Зиновьева, И. Н.** Фольклорно-языковая картина мира в текстах английских детских стихов *nursery rhymes*: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зиновьева Ирина Николаевна. – Москва, 2015. – 209 с.
77. **Иванова, Е. А.** Механизмы актуализации концепта HORSE в британской лингвокультуре: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иванова Екатерина Александровна. – Самара, 2010. – 242 с.
78. **Иванова, Т. Г.** Лексика пчеловодства в русских говорах Кубани: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Тамара Григорьевна. – Москва, 1974. – 16 с.
79. **Илюхина, Н. А.** Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара: Самарский государственный университет, 1998. – 204 с.
80. **Илюхина, Н. А.** Метафорический образ в семасиологической интерпретации / Н. А. Илюхина. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 320 с.
81. **Исаева, Л. А.** Особенности концептуализации в общезыковой и индивидуально-авторской картинах мира / Л. А. Исаева, С. Г. Дрыга // Концептуализация как процесс и его результаты: национально-культурные и индивидуально-авторские особенности / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 3-13.
82. **Исаева, Л. А.** Концептуализация понятия «женщина» во фразеологии и песенном творчестве кубанских казаков / Л. А. Исаева, Е. В. Сафонова // Концептуализация как процесс и его результаты: монография / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008а. – С. 169-179.
83. **Исаева, Л. А.** О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» / Л. А. Исаева // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2012. – № 2 (45). – С. 58-60.
84. **Калинкина, В. В.** Концепт «море» как один из топосов в кубанских и английских народных песнях / В. В. Калинкина // Язык, культура и

- образование в контексте этнической ментальности: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 196-199.
85. **Камаев, А. Ф.** Народное музыкальное творчество / А. Ф. Камаев, Т. Ю. Камаева. – Москва: Академия, 2005. – 304 с.
86. **Карапетян, Е. А.** Ментальные образы и картина мира в русской народной песне / Е. А. Карапетян // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 6. – С. 46-50.
87. **Карапетян, Е. А.** Выражение национальной культурной традиции в народном песенном творчестве / Е. А. Карапетян, В. В. Руденко, Д. Н. Шалабаев // Евразийский Союз Ученых. – 2014. – № 8. – С. 50-52.
88. **Карасик, В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
89. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
90. **Карасик, В. И.** Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13-15.
91. **Карасик, В. И.** Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – Москва: Гнозис, 2005а. – 352 с.
92. **Карасик, В. И.** Лингвоконцептология / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2014. – 103 с.
93. **Караулов, Ю. Н.** Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – Москва: Наука, 1976. – 263 с.
94. **Караулов, Ю. Н.** Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.

95. **Кацюба, Л. Б.** Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л. Б. Кацюба // Фразеология. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 65-67.
96. **Климас, И. С.** Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Климас Ирина Сергеевна. – Курск, 2005. – 408 с.
97. **Климкова, Л. А.** Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Климкова Людмила Алексеевна. – Москва, 2008. – 66 с.
98. **Колпакова, Н. П.** Русская народная бытовая песня: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Колпакова Наталья Павловна. – Ленинград, 1963. – 32 с.
99. **Кондрашова, О. В.** Семантика поэтического слова: функционально-типологический аспект / О. В. Кондрашова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 1998. – 270 с.
100. **Кондрашова, О. В.** Дом и семья в исторических и военно-бытовых казачьих песнях / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 95-100.
101. **Кондрашова, О. В.** Лексемы «семья, род, родина» в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 259-266.
102. **Кононова, И. В.** Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И. В. Кононова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. – 2012. – Т. 7, № 1. – С. 49-60.

103. **Костина, Л. Ю.** Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Костина Людмила Юрьевна. – Краснодар, 2008. – 28 с.
104. **Костомаров, Н. И.** Славянская мифология / Н. И. Костомаров. – Москва: Чарли, 1994. – 688 с.
105. **Котлярова, И. В.** Лексические репрезентации концепта «Лошадь» в казахской культуре / И. В. Котлярова // Вестник КазНУ. Серия: филологическая. – 2012. – № 5-6. – С. 24-29.
106. **Красавский, Н. А.** Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) / Н. А. Красавский // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 113-118.
107. **Крикманн, А. А.** Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А. А. Крикманн // Паремнологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст / Под ред. Г. Л. Пермякова. – Москва: Наука, 1978. – С. 82-104.
108. **Круглов, Ю. Г.** Русские обрядовые песни / Ю. Г. Круглов. – Москва: Высшая школа, 1982. – 272 с.
109. **Крючкова, Н. В.** Методы изучения концептов / Н. В. Крючкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Издательство Казанского ун-та, 2004. – С. 271-272.
110. **Кубрякова, Е. С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 141-172.

111. **Кубрякова, Е. С.** Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Наука, 1991. – С. 85-91.
112. **Кубрякова, Е. С.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
113. **Кукушкина, Е. Ю.** Еще раз об описании слова в тезаурусе: фольклорный «батюшка» / Е. Ю. Кукушкина, С. Е. Никитина // Проблемы прикладной лингвистики: 2001. Scripta linguisticae applicatae: сб. статей / Отв. ред. А. И. Новиков. – Москва: Азбуковник, 2002. – С. 48-89.
114. **Лапин, В. А.** Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора / В. А. Лапин. – Санкт-Петербург: РИИИ, 2017. – 440 с.
115. **Литус, Е. В.** Специфические особенности антропонимической формулы в русско- и украиноязычных песнях казаков Кубани / Е. В. Литус // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2014.– № 9 (87). – С. 66-70.
116. **Литус, Е. В.** Лексема *мать* в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) / Е. В. Литус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. Вып. 2. – С. 188-193.
117. **Лиханова, Н. А.** Этнолингвистическое осмысление фрагментов региональной картины мира / Н. А. Лиханова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 2 (53). – С. 170-175.
118. **Ломоносова, Ю. Е.** Образный компонент в структуре концепта (на материале французского языка) / Ю. Е. Ломоносова,

- Н. Н. Копытина, А. Ю. Щербинин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. Вып. 4. – С. 95-99.
119. **Лыков, А. Г.** Лингвистический статус языка русского фольклора / А. Г. Лыков // Вопросы русистики. Избранное: в 3 т. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2003. – Т. 3. Кн. 1. – С. 255-277.
120. **Ляпин, С. Х.** Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. I. – С.11-35.
121. **Мартыненко, Л. Б.** Устойчивость и изменения композиции народных лирических песен кубанского казачества / Л. Б. Матрыненко // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: тезисы научной конференции. – Москва, 1983. – С. 28-29.
122. **Маслов А. В.** Кубанская старина. Жизнь и быт казаков / А. В. Маслов. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2007. – 64 с.
123. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
124. **Маслова, В. А.** Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
125. **Матвеев, О. В.** Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – 418 с.
126. **Мехнецов, А. М.** Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры / А. М. Мехнецов // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция: сб. научных статей / Ред.-сост. А. М. Мехнецов. – Ленинград: ЛОЛГК, 1985. – С. 5-19.
127. **Мильбрет, А. А.** Привлекательность/непривлекательность внешнего облика человека в русской лингвокультуре: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мильбрет Алина Александровна. – Санкт-Петербург, 2014. – 257 с.

128. **Мосиенко, Л. В.** Аксиологические доминанты в художественных произведениях Гийома Мюссо / Л. В. Мосиенко // Вестник ОГУ. – 2014. – № 11 (172). – С. 47-52.
129. **Мызников, С. А.** Некоторые аспекты изучения русских говоров позднего заселения / С. А. Мызников // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – С. 122-127.
130. **Нестеренко, П. Н.** Зоонимия в фольклорном тексте: кросскультурный аспект / П. Н. Нестеренко // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 47-56.
131. **Никитин, М. В.** Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
132. **Никитина, С. Е.** О концептуальном анализе в народной культуре / С. Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Наука, 1991. – С. 117-123.
133. **Никитина, С. Е.** Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – Москва: Наука, 1993. – 187 с.
134. **Никитина, С. Е.** Лингвистика фольклорного социума / С. Е. Никитина // Язык о языке: сб. статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 558 -596.
135. **Омакаева, Э. У.** Зоолексема *м.рн* / *морь* / *ат 'конь'* в калмыцких, монгольских и туркменских пословицах в зеркале перевода на русский язык / Э. У. Омакаева, М. А. Таганова, М. Куллыева // Алтайское языкознание: проблемы и исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой "Грамматики алтайского языка". – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – 2019. – С. 174-183.

136. **Оссовецкий, И. А.** О языке русского традиционного фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66-77.
137. **Оссовецкий, И. А.** Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора / И. А. Оссовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. – Москва: Наука, 1979. – С. 199-252.
138. **Первалова, Д. А.** Жанр загадки в дискурсе дошкольного образования: особенности реализации миромоделирующей функции: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Первалова Дарья Алексеевна. – Томск, 2015. – 24 с.
139. **Пермяков, Г. Л.** От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1970. – 241 с.
140. **Перова, Е. А.** Концептуализация понятия «деревня» в газетном дискурсе 1950-1960-х гг.: вербально-когнитивные особенности объективации: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Перова Елена Анатольевна. – Краснодар, 2018. – 243 с.
141. **Петренко, А. Е.** Семантические поля в романах Кретьена де Труа как репрезентация фрагментов языковой картины мира средневекового человека: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Петренко Анастасия Евгеньевна. – Москва, 2016. – 242 с.
142. **Пименова, М. В.** Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
143. **Пименова, М. В.** Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15-19.
144. **Пименова, М. В.** Фольклорные картины мира русского и татарского народов / М. В. Пименова // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – №2 (28). – С. 95-98.
145. **Пименова, М. В.** Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 2. Вып. 2(54). – С. 127-131.

146. **Пименова, М. В.** Фольклорная картина мира (на примере фольклорного концепта «Дед Мороз») / М. В. Пименова // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / Под ред. Т. В. Симашко. – Архангельск: Издательство им. В. Н. Булатова САФУ, 2013а. – С. 165-171.
147. **Пименова, М. В.** Конь и лошадь в английской, казахской и русской языковых картинах мира / М. В. Пименова, А. Ш. Жилкубаева, Ф. Ш. Бекмурзаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 75-88.
148. **Попко, И. Д.** Черноморские казаки / И. Д. Попко. – Москва: Вече, 2009. – 441 с.
149. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191с.
150. **Попова, З. Д.** Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта / З. Д. Попова, И. В. Хорошунова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Международного симпозиума: в 2 ч. – Волгоград, 2003г. – Ч. 2. – С. 34-35.
151. **Попова, З. Д.** Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7-10.
152. **Попова, З. Д.** Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
153. **Попова, З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007а. – 314 с.
154. **Попова, Л. Г.** О возможностях лексико-семантической экспликации понятийного компонента концепта / Л. Г. Попова, Э. Д. Багронов // Вестник АГУ. – 2014. – Вып. 1 (134). – С. 84-89.

155. **Потапова, О. Е.** Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море») / О. Е. Потапова. – Чебоксары: Среда, 2020. – 164 с.
156. **Потебня, А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Москва: Просвещение, 1968. – Том III. – 551 с.
157. **Потебня, А. А.** Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – Москва: Лабиринт, 2000. – 480 с.
158. **Праведников, С. П.** Устно-поэтическое слово как объект изучения фольклорной диалектологии / С. П. Праведников // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – № 2. – С. 53-56.
159. **Пропп, В. Я.** Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1999. – 640 с.
160. **Путилов, Б. Н.** Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 239 с.
161. **Радченко, О. А.** Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.
162. **Рогожникова, Т. П.** К проблеме динамики концепта: диахронический и региональный аспекты / Т. П. Рогожникова // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей / Отв. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург – Горловка: Издательство ГГПИИЯ, 2010. – С. 80-84.
163. **Рогожникова, Т. П.** Региональный текст как историко-лингвистический и лингвокультурологический источник: из опыта комплексного анализа омской письменности / Т. П. Рогожникова // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / Под ред. Т. В. Симашко. – Архангельск: Издательство им. В. Н. Булатова САФУ, 2013. – С. 174-178.

164. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – Москва: Наука, 1988. – 216 с.
165. **Рубакова, И. И.** Концепты «пространство» и «время» в фольклорном жанре русской частушки: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рубакова Инна Игоревна. – Москва, 2019. – 164 с.
166. **Рудакова, А. В.** Методика описания содержания концепта БЫТ в русском языке / А. В. Рудакова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 121-126.
167. **Руднева, А. В.** Русское народное музыкальное творчество: Очерки по теории фольклора / А. В. Руднева. – Москва: Советский композитор, 1990. – 224 с.
168. Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. – Москва: Скоропечатни А. А. Левенсона, 1894. – 304 с.
169. **Савенкова, Л. Б.** Отрицательное сравнение в семантической структуре русских паремий / Л. Б. Савенкова // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. – №2 (40). – С. 101-106.
170. **Симашко, Т. В.** Региональная языковая картина мира: на пути поиска определенности / Т. В. Симашко // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / Под ред. Т. В. Симашко. – Архангельск: Издательство им. В. Н. Булатова САФУ, 2013. – С. 9-17.
171. **Сироткина, Т. А.** Категория этничности и локальная картина мира / Т. А. Сироткина // Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та. – 2008. – № 12. – С. 116-120.
172. **Слышкин, Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты: диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.

173. **Собинникова, В. И.** Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах / В. И. Собинникова. – Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1969. – 104 с.
174. **Соколов, Ю. М.** Русский фольклор / Ю. М. Соколов. – Москва: Издательство Московского ун-та, 2007. – 544 с.
175. **Соколова, Т. С.** Фольклорная объективация базовых концептов: метаязык описания / Т. С. Соколова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы международной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ. – 2006. – Вып. 9, ч. 1. – С. 181-185.
176. **Степанов, Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
177. **Стернин, И. А.** Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58-65.
178. **Телия, В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
179. **Тимощенко, С. А.** Лексико-семантическая экспликация концепта ДОМ в русской фразеологии и художественных текстах: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тимощенко Светлана Алексеевна. – Краснодар, 2007. – 226 с.
180. **Титова, Ю. В.** Структура концепта и методы его описания / Ю. В. Титова // Вестник УлГТУ. – 2010. – № 4. – С. 16-21.
181. **Ткаченко, П. И.** Кубанские обряды / П. И. Ткаченко. – Краснодар: Традиция, 2010. – 224 с.
182. **Толстой, Н. И.** Избранные труды / Н. И. Толстой. – Москва: Индрик, 1998. –Т. 2. – 542 с.

183. **Топорова, Т. В.** Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. – Москва: Радикс, 1994. – 190 с.
184. **Трегубова, Е. Н.** Кубанский лингвокультурный дискурс «рыбалка»: семантический и грамматический анализ / Е. Н. Трегубова, Т. А. Игнатенко // Язык, культура и образование в контексте этнической ментальности: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 99-107.
185. **Трегубова, Е. Н.** Кубанский лингвокультурный дискурс «кулинария» и его особенности / Е. Н. Трегубова, С. А. Корниенко, Н. Н. Красоткина // Язык, культура и образование в контексте этнической ментальности: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 108-112.
186. **Трегубова, Е. Н.** Диалектный словарь обрядовой лексики как лексикографический источник изучения региональной культуры: к вопросу о формировании лингвокультурологической компетенции школьника / Е. Н. Трегубова // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 104-115.
187. **Тюрин, В. Б.** Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. М. Рубцова: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тюрин Владимир Борисович. – Нижний Новгород, 2017. – 211 с.
188. **Уфимцева, А. А.** Лексическое значение / А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1986. – 240 с.
189. **Финько, О. С.** Обрядовая свадебная лексика в кубанских народных песнях / О. С. Финько // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 25-32.

190. **Финько, О. С.** Сопоставительный анализ лексики кубанского свадебного обряда в частушечном и песенно-лирическом жанрах / О. С. Финько // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 33-42.
191. **Фомина, З. Е.** Системообразующие элементы концептуальной модели эмоционально-психологического состояния человека (на материале немецких художественных произведений) / З. Е. Фомина // Когнитивная семантика: материалы II Международной школы-семинара: в 2-х ч. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. – Ч. 2. – С. 154-155.
192. **Хлыбова, С. В.** Моделирование фрагмента региональной картины мира (на материале лексики русских говоров Алтая): диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хлыбова Светлана Викторовна. – Барнаул, 1998. – 161 с.
193. **Холод, Ю. С.** Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме / Ю. С. Холод // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 6(84). Ч. 1. – С. 173-176.
194. **Хорошунова, И. В.** Концепт ПОЛЬЗА в современном русском языке / И. В. Хорошунова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 129-132.
195. **Хроленко, А. Т.** Семантическая структура фольклорного слова / А. Т. Хроленко // Русский фольклор. – Ленинград: Наука, 1979. – Т. XIX: Вопросы теории фольклора. – С. 147-156.
196. **Хроленко, А. Т.** Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.
197. **Хроленко, А. Т.** Введение в лингвофольклористику / А. Т. Хроленко. – Москва: Флинта, 2010. – 190 с.

198. **Чалов, В. П.** Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 /Чалов Валерий Павлович. – Москва, 1981. – 292 с.
199. **Чарыкова, О. Н.** Концептосфера и система языка / О. Н. Чарыкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Международного симпозиума: в 2-х частях. – Волгоград, 2003. – Ч.2. – С.46-47.
200. **Черванева, В. А.** Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Черванева Виктория Алексеевна. – Воронеж, 2003. – 24 с.
201. **Черванева, В. А.** Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира / В.А. Черванева, Е.Б. Артеменко. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. – 184 с.
202. **Черванева, В. А.** Традиционный культурный смысл как системообразующий фактор фольклорно-языковой картины мира / В. А. Черванева // Дело всей жизни: сб. научных трудов (К юбилею профессора Е. Б. Артеменко). – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 191-198.
203. **Черноусова, И. П.** Фольклорно-языковая картина мира, представленная в диалоговой модели (на материале былины) / И. П. Черноусова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Тула, 2013. – Вып. 2. – С. 349-359.
204. **Черноусова, И. П.** Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины): автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Черноусова Ирина Петровна. – Елец, 2015. – 52 с.

205. **Чибиров, Т. Н.** Лексико-семантическая репрезентация концепта «БÆХ» («ЛОШАДЬ») в осетинском языке / Т. Н. Чибиров // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 6-3. – С. 644-648.
206. **Чибиров, Т. Н.** Иранский слой в языковом выражении концепта «БÆХ» («ЛОШАДЬ») в осетинском языке / Т. Н. Чибиров // *Вестник Владикавказского научного центра*. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 26-30.
207. **Чибиров, Т. Н.** Когнитивный признак «рабочая лошадь» в структуре концепта «лошадь» в осетинской, русской и английской лингвокультурах / Т. Н. Чибиров // *Вестник Владикавказского научного центра*. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 53-56.
208. **Чистов, К. В.** Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. – Москва: ОГИ, 2005. – 272 с.
209. **Чичеров, В. И.** Русское народное творчество / В. И. Чичеров. – Москва: Издательство Московского ун-та, 1959. – 525 с.
210. **Шанский, Н. М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
211. **Шевердина, А. А.** Концепт «горе» в русских и английских фольклорных песенных текстах / А. А. Шевердина // *Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции*. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 88-94.
212. **Шельдешова, И. В.** История и традиции в семейных преданиях кубанской станицы (на материале станицы Челбасской) / И. В. Шельдешова // *Кубанские научные беседы: сб. научных трудов*. – Курск – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 39-47.
213. **Щербина, Ф. А.** История кубанского казачьего войска. В 2-х т. / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – Т. 1. – 734 с.

214. **Щуров, В. М.** Жанры русского музыкального фольклора: в 2-х ч. – Москва: Музыка, 2007. – Ч. 1. – 400 с.
215. **Эмер, Ю. А.** Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 91 – 99.
216. **Эмер, Ю. А.** Фреймовая организация концепта в фольклоре: особенности текстового воплощения / Ю. А. Эмер // Сибирский филологический журнал. – 2010а. – № 3. – С. 26 – 34.
217. **Эмер, Ю. А.** Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Эмер Юлия Антоновна. – Томск, 2011. – 40 с.
218. **Эмер, Ю. А.** Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011а. – № 2 (027) – С. 50 – 60.

Словари

219. **Александрова, З. Е.** Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – Москва: Русский язык, 2001. – 568 с.
220. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
221. **Борисова, О. Г.** Опыт словаря кубанских говоров / О. Г. Борисова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2018а. – 485 с.
222. **Горбачевич, К. С.** Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Ленинград: Наука, 1979. – 567 с.
223. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург: Издательство М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 723 с.; 1881. – Т. 2. – 807 с.; 1882. – Т. 3. – 576 с.; 1882. – Т. 4. – 704 с.

224. **Ефремова, Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка: В 3-х т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ; Астрель, 2006. – Т. 1. – 1165 с.; Т. 2. – 1168 с.
225. **Ляшевская, О. Н.** Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва; Азбуковник, 2009. – 1090 с.
226. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: АЗЪ, 1994. – 928 с.
227. **Преображенский, А. Г.** Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. / А. Г. Преображенский. – Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. – Т. 1. – 674 с.
228. Русский говор Кубани: Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар // Деп. В ИНИООН РАН. № 47266, 1992. – 415 с.
229. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения и балканистики РАН. – Москва: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – 585 с.; 1999. – Т. 2. – 702 с.; 2009. – Т. 4. – 656 с.
230. Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / Сост. С. Д. Мастепанов. – Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. – 192 с.
231. Словарь кубанских говоров/ [В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Иванова, Т. Г. Иванова]; отв. ред. В. М. Пелих. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. – 264 с.
232. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 696 с.; 1986. – Т. 2. – 736 с.; 1987. – Т. 3. – 752 с.; 1988. – Т. 4. – 800 с.
233. Словарь русского языка XI-XVII вв.: В 28-ми вып. / АН СССР; Институт русского языка; гл. ред. Ф. П. Филин. – Москва: Наука, 1980. – Вып. 7. – 404 с.; 1981. – Вып. 8. – 352 с.

234. Словарь русского языка XVIII века: В 21-м вып. / АН СССР; Институт лингвистических исследований; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – Вып. 10. – 256 с.; 2000. – Вып. 11. – 261 с.
235. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва: Астрель: АСТ, 2003. – Т. 1. – 680 с.
236. Словарь сочетаемости слов русского языка / [П. Н. Денисов и др.]; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – Москва: Русский язык, 1983. – 686 с.
237. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. / А. Н. Тихонов. – Москва: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 856 с.
238. **Ткаченко, П. И.** Кубанский говор. Опыт авторского словаря П. И. Ткаченко. – Краснодар: Традиция, 2008. – 288 с.
239. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1. – 1562 стб.; 1996. – Т. 2. – 1040 стб.; 1996. – Т. 4. – 1500 стб.
240. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
241. **Федоров, А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
242. Фразеологический словарь говоров Кубани / В. И. Андрющенко, Р. Я. Иванова, Т. Г. Иванова, В. М. Пелих. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. – 300 с.
243. **Черных, П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. / П. Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 623 с.
244. **Шанский, Н. М.** Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – Москва: Просвещение, 1971. – 542 с.

Сборники пословиц и поговорок

245. **Даль, В. И.** Пословицы русского народа: В 3-х т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург: Диамант, 1996. – Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 480 с.; Т. 3. – 480 с.
246. **Мартыненко, Л. Б.** Пословицы, поговорки и загадки Кубани / Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2000. – 154 с.
247. **Пивень, А. Е.** Торба смеха и мешок хохота / А. Е. Пивень. – Краснодар: Советская Кубань, 1995. – 224 с.
248. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. – Москва: Художественная литература, 1988. – 431 с.
249. **Ткаченко, П. И.** Кубанские пословицы и поговорки / П. И. Ткаченко. – Краснодар: Издательство «Традиция», 2008. – 240 с.

Сборники народных песен

250. **Бигдай, А. Д.** Песни кубанских казаков: в 2-х т. / [А. Д. Бигдай]; под ред. В. Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1992. – Т. 1. – 440 с.; 1995. – Т. 2. – 512 с.
251. **Захарченко, В. Г.** Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. / В. Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. – Вып. 1. – 320 с.; 1997. – Вып. 2. – 586 с.
252. **Концевич, Г. М.** Народные песни казаков / Г. М. Концевич. – Краснодар: Эдви, 2001. – 448 с.
253. **Листопадов, А. М.** Песни донских казаков / А. М. Листопадов. – Москва: Музгиз, 1950. – Т. 2. – 585 с.
254. **Мартыненко, Л. Б.** Песни и частушки периода Великой Отечественной войны / Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2005. – 210 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Значения слова *лошадь* в лексикографических источниках

	Сл. РЯ XI-XVII вв. (1975-2008) [Вып.8, с. 288-289]	Сл. РЯ XVIII в. (1984-2011) [Вып.11, с. 235-236]	Словарь Даля (1882-1889) [Т.2, с. 274-275]	Словарь Ушакова (1935-1940) [Т.2, с. 183]	МАС (1957-1960) [Т.2, с. 202]	Словарь Ожегова (1994) [с. 326]	Словарь Ефремовой (2006) [Т.1, с. 1153]
1.	Лошадь. Лошадь верховая, ездовая, извозничья, охотничья, пахотная, потешная, рабочая, служилая, стрелецкая – лошади по характеру их преимущественного использования. Лошадь возковая, каретная – лошади, названные по использованию различных транспортных средств при запряжке. О породах лошадей: арабская, аппулийская, африканская, барбарская, горская и т.д. Единица счёта поголовья лошадей.	Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п. Л. английская, арабская, персидская. Л. верховая, ломовая, почтовая, рабочая. Л. коренная, припряжная, передняя, возовая, каретная. ◇ Л. переменная, подставная. Предназначенная для смены, запасная. ◇ Л. дикая. Не прирученная человеком, не домашняя. Простореч. Бран. О несообразительном, нерасторопном человеке.	Вообще конь	Домашнее животное, ходящее в упряжи или под седлом.	Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т.п. мн.ч. (лошади, -ей) О конном экипаже.	Крупное непарнокопытное животное сем. Лошадиных. <i>Работать как лошадь</i> (много и тяжело). <i>Ну и л. эта баба</i> (о крупной и нескладной женщине; разг. неодобр.)	Лошадь 1. Крупное непарнокопытное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах.
2.	Игрушка из дерева в виде коня.	Зоол. Морская л. Бегемот.	особ. Не жеребец и не кобыла, мерин.	только мн. Конный экипаж (разг.).	–	–	Лошадь 2. разг-сниж. Крупная женщина.
3.	Спортивный снаряд (конь).	Спортивный снаряд в виде бруса на подставках.	По употреблению бывает: упряжная, верховая, вьючная; а первая: коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная). <i>Он работает, как лошадь, т. е. усердно.</i>	–	–	–	Лошадь 2. Употр. как бранное слово.

4.	–	–	Дикою лошадью зовут либо одичалую, в русских и южно-американских степях, либо кулана, джигетая киргизских степей, более похожего на осла.	–	–	–	Лошадь 3. Тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других.
5.	–	–	Водяная лошадь или водный конь, неуклюжее животное гиппопотам.	–	–	–	–

Таблица 2
Значения слова *конь* в лексикографических источниках

	Сл. РЯ XI-XVII вв. (1975-2008) [Вып. 7, с. 287-289]	Сл. РЯ XVIII в. (1984-2011) [Вып. 10, с. 158]	Словарь Даля (1882-1889) [Т. 2, с. 156-158]	Словарь Ушакова (1935-1940) [Т. 1, с. 1232]	МАС (1957-1960) [Т. 2, с. 98]	Словарь Ожегова (1994) [с. 288]	Словарь Ефремовой (2006) [Т. 1, с. 1027]
1.	Жеребец, самец лошади.	Самец лошади, лошадь вообще. / О мифологическом, сказочном крылатом коне. / О детской игрушке.	Лошадь.	То же, что лошадь (торж., поэт., воен. и обл.)	Лошадь (преимущественно о самце, в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи)	То же, что лошадь (преимущественно о самце).	Конь ¹ Крупное непарнокопытное животное (самец), используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах.
2.	Боевой конь, верховая воинская лошадь. // Конь, лошадь вообще.	Морской к. 1) Ластоногое млекопитающее (морж, тюлень). 2) Бегемот. 3) Фантастическое морское животное с конской головой.	Лошадь добрая, не кляча; на юге, сев. и в Сиб. редко говорят <i>лошадь</i> .	Детская игрушка, изображающая лошадь.	Шахматная фигура с головой лошади.	В шахматах: фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее.	Конь ² Шахматная фигура с изображением головы лошади на высокой изогнутой шее.
3.	С определением. Конь, лошадь какой-л. породы (названной)	Верхний брус кровли, конёк.	Жеребец или мерин, не кобыла.	Шахматная фигура с изображением конской головы.	спорт. Обитый кожей брус на подставках для гимнастических	Гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных	Конь ³ Гимнастический снаряд в виде обитого мягким

	преимущественно по месту выведения, распространения).				ких упражнений.	прыжков – обитый мягким материалом длинный брус на ножках.	материалом бруса на четырёх выдвигаемых ножках
4.	С определением. Название гиппопотама.	Одна из шахматных фигур.	Особ. Верховая лошадь.	–	–	–	Конь 4 1. То же, что конёк. Гребень крыши, стык наклонных плоскостей двухскатной крыши, брус, идущий по гребню крыши (обычно с резным украшением на его конце). 2. Резное украшение – иногда в виде конской головы – на гребне крыши.
5.	Шахматная фигурка в виде коня.	–	В шахматной игре, шашка, вырезанная конём.	–	–	–	–
6.	Верхний брус на кровле.	–	Верхний брус на кровле, под коньком; такой же продольный брус под кровлей или палубой речных судов, на стойках, от которого идут вроде стропил к бортам чоблоки.	–	–	–	–
7.	–	–	Конь-камень, тул. и др. стоящий от природы или на могиле, кургане на ребро, стоймя; под конём, по поверью, клад; камень по ночам, обращаясь в коня, скачет тяжким топотом по полям и ржёт.	–	–	–	–

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта ЛОШАДЬ / КОНЬ
Ядерная зона

Базовые репрезентанты: лошадь, конь (в кубанских говорах: ко(и)нь)

Синонимы-дериваты слов лошадь / конь

Признак	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Пол	<i>комонь (1)</i>	<i>лошака (1)</i>
Возраст	<i>коня, коняшонок, коняшка, лошняк, лоша, лошонок, лоцак (7)</i>	<i>лоша, лошонок, лошак, лошичка, лошица (5)</i>
Уменьшительно-ласкательные варианты	<i>конёк, коник, лошадка, лошабочка, лошадушка, лошадёночка (6)</i>	–
Увеличительные варианты	<i>конища (1)</i>	–
Пренебрежительные варианты	<i>конишка, лошадёнка (2)</i>	–
Назначение		<i>коняка, конячка (2)</i>
Помесь лошади с ослом	<i>лошак, лошачиха, лошачонок (3)</i>	–
Множество лошадей	<i>конище (1)</i>	<i>конва (коньва) (1)</i>
Физиологические особенности		<i>конёк (1)</i>
Всего ЛСВ	21	10

Другие синонимы слов конь / лошадь

Признак	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Биологический отряд	<i>однокопытник, копытники (2)</i>	–
Родовое название	<i>скот, скотина, животное, живина, худоба, худобина (6)</i>	<i>худоба, худобина, худобка, худобынка живность, животина (6)</i>
Пол	<i>бала(о)бан, жеребец, клюся, черпел, жеребятница, кобыла, кобылица, матка (8)</i>	<i>жеребец, кобыла, кобыляка (3)</i>
Физиологические особенности, в том числе особенности внешнего вида	<i>мерин, новочисть, новочистка, новочисток, новотереб, одноглазка, бахмат, подмерок, пони, маитак, маитачок, гривач, белогривка, белоножка, белохвостка, звездун, звездуха (17)</i>	–
Возраст	<i>жеребя, жеребёнок, однолеток, двулеток, трёхлеток, четырёхлеток, стригу(а)н, стригунок, стригунчик, стригунец, стрижок, жеребчик, кобылка, кобылочка, даган, птрусё, птрусёнка, лончак, лоншак, лониачка, осос, ососок, первак, переярье, птрусоня, шеня, шенька, шенюшка, годовик, годовица (30)</i>	<i>жырыбёнак, годови(ы)к, годовичка, отъёмыш, стрижек, сасунок, четвертак жэрэбчик, кунан, боронка, маток, молодняшка, сосок(13)</i>
Порода	<i>аргамак, битюк(г), вятка, киргиз, казанка, крымка, обвинка (7)</i>	<i>дончак, маитак аргамак (3)</i>

Помесь лошади с ослом	<i>джигитай, мул, мулёнок (3)</i>	<i>катрук (1)</i>
Масть	<i>бурка(о), воронко, игренка, игренчик, каурка, каракула, мухортик, пег(ж)анка, пегашка, пегач, подвласка, савраска, сивка(о), соловко, чалка, чалуха, рыжак, рыжко, серко(а) (19)</i>	–
Назначение	<i>водовоз, водовозница, водовозка, дышляк, возовик, возник, возилка, дорожняки, другоня, другонька, другошка, кагоры(а), коренная, коренник, кореняк, корень, подъездок, пристяжка, пристяжь, отлётный, перекладная, подстой, подстойка, подъяремник, подъяремница, сада, фарь, боронка, боронопляс, санник, придвойка (31)</i>	<i>гладун, строевик (2)</i>
Способ хода	<i>иноходец, иноходица, бегун, бегунок, бегунец, доброход, дроботун, скакун (8)</i>	–
Способность развивать скорость бежки	<i>рысак, рысачок, спотыкала (3)</i>	–
Состояние	<i>кляча, клячонка, клятура, выреха, истомок, истомыш, одрань, одёр, одёра, надсадок, рында, сколудина, чарпел, присталь (14)</i>	<i>кляча, задохлик, сдохляка, сдохлык дохляка, невоз (6)</i>
Степень обьезженности	<i>выезжанка, неук, объездок (3)</i>	<i>неук (1)</i>
Неприрученность	<i>тарпан, мудзин, такья (3)</i>	–
Характер, поведение	<i>невопря, неспряга, неспряжь, лягала, лягуша, лягун, лягунья, лягава, гладун (9)</i>	–
Множество вьючных лошадей или лошадей в свободном состоянии	<i>караван, косяк, табун (3)</i>	<i>табун (1)</i>
Способ упряжки	<i>пара, тройка, четвёрка, четверня, четверик, пятерня, пятерик, шестерня, семерик, осьмёрка, девятерня, цуг, закладка, упряжка, дружни (15)</i>	–
Физиологические особенности	–	<i>нежеребь (1)</i>
Роль на скачках	–	<i>передок (1)</i>
Время рождения животного	<i>летошник (1)</i>	<i>осенник, летошник (2)</i>
Название коня в разговоре с детьми	–	<i>кося (1)</i>
Всего ЛСВ	182	41

Приядерная зона

Дериваты слов *конь/лошадь*, характеризующие коня или деятельность человека по отношению к коню

Признак	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Относящийся к коню, к месту его	<i>лошадиный, лошаков, конев, коневи(ы)й, конячий, конский, кониный, конничный,</i>	<i>конячий, ки(о)ньский, кононёнков,</i>

содержания	<i>коннический, конюшенный, коновязный (11)</i>	<i>конюшаный, конюшняный, коняцкий (6)</i>
Похожий на коня, подобный коню	<i>коневатый, конястый, по-коневьи, по-конски, по-коневьюму, по-кониному (6)</i>	–
Человек, по роду своей деятельности связанный с конём: а) всадник; б) множество всадников; в) человек, по роду своей работы или иной деятельности так или иначе связанный с конём; г) человек, лишившийся лошади	а) <i>коневник, конязь, конник, конный, коннопионер; одвуконный, одноконком, двуконь, одвуконь;</i> б) <i>конница;</i> в) <i>лошевод (=конокрад), лошевод (=коневод), лошевод (=хозяин коноводки), коневник, коневщик, конятник, конятница, конюх, конюшенный, конюший, коне(о)вод, коноводец, коноводчик, конепас, коновал, коно(е)клад, конекладчик, коно(е)крад, коневор, подконюший;</i> г) <i>безлошадный, бесконный, бесконничный (33)</i>	а) <i>комонник;</i> б) – в) <i>конник, лошадык (3)</i> г) –
Деятельность или состояние человека, связанные с конём или его лишением	<i>коновалить, наконовалить, наконовалиться, выконовалить; коне(о)водство, конепаства, конеристанье, конеристалище, коновальство, доброконство, конокрадство; безлошадеть, безлошадить, обезлошадеть, обезлошадить (15)</i>	<i>конюховать (1)</i>
Относящийся к человеку, по роду своей деятельности связанному с конём, к такой деятельности	<i>конюхов, конюший, коноводский, коновалов, коновальский, коновальный, конокрадный, конноартиллерийский, конногвардейский, доброконный, борзokonный, коннопеший, коноводственный, конепасный, конеристалищный, коннозаводский (16)</i>	–
Название или характеристика повозки, устройства, приводимого в движение лошадьми	<i>коноводка, конножелезная (дорога), конка, одноконный, двоеконный (двуконный), пароконный; (6)</i>	<i>одноконка, коники (2)</i>
Место содержания лошадей или упряжи	<i>конюшня, конюшник, коновязь, конепастьба, конепаства, конище, конная (площадь), конеристалище, коник (9)</i>	<i>конюховка (1)</i>
Продукты коневодства	<i>лошадина, коневина, конина, конятина, конюшина (5)</i>	<i>лошадина (1)</i>
Всего ЛСВ	101	14

Ближняя периферия
Лексика, характеризующая свойства животного

Признак	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Принадлежащий коню, относящийся к нему; подобный ему	<i>битючий, битюцкий, битюковый, гривный, нагривный, копытный, жеребцов, жеребецкий, жеребцовый, жеребчатый, подъяремничий, иноходный,</i>	–

	<i>клячин, кобылий, кобылячий, кобылковый, кобылочный; по-кобыльи (18)</i>	
Масль, особенности окраса	<i>буланый, буланогогий, вороной, вороно-пегий, вороно-чалый, гнедой, гнедо-пегий, гнедо-серый, гнедо-чалый, гнедо-подвласый, гнедо-чубарый, игрений, изабелловый, караковый, каракуловый, карий, каурый, крапчатый, мухортый, мышастый, одномастный, подласый (подвласый), подвласовый, подвласина, подмастный, подпал, подпалина, половой, полого-буланый, полого-соловый, ремень, саврасый, светло-бурый, светло-гнедой, сивый, сиво-чалый, седой, серый, серо-пегий, серогривый, тёмно-гнедой, халтарый, халюный, чубарый (44)</i>	<i>игренивый, ла(о,у)патый, лысый, мурый, яблужковый, буланай, гнидой, карай, чалай, саловай, вороный, цыганский, яблочный (13)</i>
Назначение	<i>возовой, упряжной, боевой, подседельный, подъяремный, укрючный, поводной, верховой, впряжной, заводной, курьерский, узданный (12)</i>	–
Характерные внешние признаки	<i>масль, стати, разгровок, колтун, лысина; безгривый, гривистый, гривчатый, гривастый, долгогривый, кологривый, куцегривый, лысый, черногривый, заподковная (грязь), копытистый, плоскокопытый, пашистый, плоскозадый, толстозадый, толстоногий, подбрюшистый, седлистый, седловатый (24)</i>	<i>колтун, гривистый маслаковатый(3)</i>
Части тела	<i>морда, мырда, навис, нагривок, бабка, волосень, венец, гапаша, грива, дыхи, жила, забедры, зарез, колодка, копыто, порка, репица, седло, седловина, сурна, туба, хвост, холка, храп, храпок, хребет, чашка, ял, челка (29)</i>	<i>копыт, копыткы, пыка, чолка, ганаши, жывецъ, кабаржина, рыпыца, казанок (9)</i>
Биологические и психофизиологические свойства	<i>новочистый, лягливый, взнуздчивый, обнуздчивый, разнуздчивый, впряжчивый, впрягливый, выпряжливый, обротчивый, обротливый, насадливый, притомчивый, стомчивый, обскачливый, обежливый, обежчивый, ожеребчивая, жеребая, ожеребая, сужеребая, бережая, субережая, яловая, вздыбчивый, взмыльчивый, понурый, переярый, поводливый, ртачливый, с прикусом, с прикуской, охромельый, норов, норовистый (34)</i>	<i>жерёбная, строгий, вылэкчэный, комызыстый, подсосная, норовитый, жахлывый, очищенный (8)</i>
Издаваемые звуки	<i>ржание, фырканые, топот; фырк(ч)ать / фыркнуть, нафыркать, нафыркаться, дофыркать, пофыркивать, отфыркать, отфыркаться, ржать, поржать, заржать, перержать, перержаться, разоржаться, храпеть/храпнуть, храпывать, храпать, гоготать (20)</i>	<i>чмых, ржать (иржать), реготать, фыркать, заиржать, тупотить, кабудык-кабудык (7)</i>
Поведение	<i>ляганье; лягать/лягнуть, лягивать, облягаться, полягивать/полягать,</i>	<i>затки, выбрык, брыкаца, дрыкать, дрыкаться,</i>

	<p>залягать, залягаться, вылягаться, ртачиться, зартачиться, нартачиться, перертачиться, обнюхиваться, топтать, отаптываться, потаптывать/потоптать, басовать, забасовать, дыбиться, вздыбливаться/вздыбиться, галеть, добрыкаться, разбрыкаться, побрыкивать /побрыкать, побрыкаться, забрыкивать/забрыкать, забрыкаться, забрыкнуть, убрыкаться, жахаться/жахнуться, понуривать/понурить, потряхивать, потряхать/ потряхнуть, придры(я)гивать, раздрягаться, принукаться, кататься, копытить, поваляться, заноровиться, задрочиться (41)</p>	задрочиться бзыкать, заноровиться (8)
Движение	<p>доскакиванье, доскакание, скачка; нарыситься, нарысеть, наезжаться/наездиться, нестись, носиться, вымчаться, галопировать, грунить, доскакивать/доскакать, подскакивать/подскочить, позабежать/позабегнуть, примчать, проскакивать/проскакать, зарыситься, перемчать, перемчаться, рыситься, скакать, стать, стрянуть, вести (24)</p>	выбрыкивать тюпачить, тѣпачь (3)
Способы хода и бега	<p>аллюр, беж, меть, нагрудка, наметь, на рысях, нарысь, недобег, втрусок, галоп, гонитва, груна, грунь, грунца, опор, поскачь, поскок, притруска, проскачка, проскачь, проезд, развалец, закачка, иноходь, карьер, переступ, побежка, рысь, скачь, стелька, ступа, ступь, трусца, хлынь, хлынца, хода; аргамачная (побежка); навскачь, наугрунь (39)</p>	а(о)пор, галоп, рысца, аллюр, вынород; навскачь, навска(о)к, ры(а)ском, рыстью, с капытка, трушком, виноходь, рыса(и)ка (13)
Самостоятельное избавление от упряжи	<p>разнуздываться/разнуздаться, расхомутиться, рассупониваться/рассупониться, распрягаться/распрячься (4)</p>	—
Другие действия коня	<p>проезжаться, объезжаться/объездиться, подъяремничать, тебеневать/затебеневать, пасть/попасть, поувестись, перепрягаться/перепрячься, припрягаться, коваться, обнуздываться/обнуздаться, пересёдлываться/переседлаться, табуниться, укрючиться, стреноживаться/стреножиться, супониться, пересупониться, подобрать, осечься, замяться, треножиться, наманежиться, мундишучиться (22)</p>	тырловаться (1)
Состояние коня, болезни	<p>козинец, линянье, линка, мыт, мышьяки, мясница, напых, обручи, отаптыванье, волосень, вылинка, выпадок, дыховец, закопытница, притомленье, притом, притома, притомка, запар, запарка, запал, запалка, ископытть, истомленье,</p>	мыт, клищук, обдутие, оглум, перелого, ти(е)лей, падѣж; лѣчэ(ѣ)ный, сдохлый. метельный, абгуляца, жсырибица/ажсрибица, огуляться,

	<i>истома, охроменье, ртаченье, ртачка, холя, чемер, чильчак, оглум, падеж; подпадать/ подпасть, подпачивать/ подпотеть, подохнуть, линять, мытиться, напыхаться, насаднить, насадниться, обезножить, обживотиться, обстояться, огриветь, ожеребиться, окобылеть, остёгиваться/остегаться, вылинять, подюжить, позамаяться, позапотеть, поотоцать, попримучиться, попритомиться, покусить, поспотеть, посплечиться, приставать/пристать, притамливаться, притомляться/ притомиться, разноричиться, распотеть, жеребиться, закопычиваться/ закопытиться, запариться, изгруниться, издыхать/ издохнуть, изездиться, ископычиваться/ ископытиться, истомиться, отстаиваться/ отстояться, охрометь, перешерститься, племитесь, подбиться, скопытиться, загореться, затынаться, задохнуться, улегать, умыкаться, употеть, уездиться, хромать, набить (спину), огуляться, сдыхать, сдохлый (89)</i>	<i>опрастаться, опрокнуться, повыздохать, здыхать, высдыхать, при(ы)весть, водить, выплодиться (21)</i>
Роль в упряжке	<i>орчаковый, подпряжной, припряжной, пристяжной, отпряжной, спряжной, седловой, отхлёт, рознопряжка (9)</i>	–
Характеристика коня с точки зрения породы, беговых или тягловых качеств, профиля использования	<i>малосильный, слабоногий, мастистый, ежжальный, неезжальный, ездовой, возовитый, продавчивый, скопытливый, ископытчивый, племенной, рысистый, скаковой, скак(ч)ливый, борзый, борзостный, бежни(о)й, бегучий, ступистый, грунистый, спотыч(к)ливый, степной, тугомордый, тугорылый, тугоносый, тугоуздый, самокровный, чистокровный (28)</i>	<i>ездалый, жвавый, цыганский, иктарный (4)</i>
Особые позы коня	<i>дыбом, дыбок (2)</i>	<i>дыбошки, гопки, навдыбошки (3)</i>
Всего ЛСВ	439	93

Дальняя периферия

Лексика, характеризующая деятельность человека, связанную с лошадьми

Признак	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Подготовка к движению/ завершение движения	<i>впряганье, впряженье, впряг, впряжка, выпряганье, выпряженье, выпряг, выпряжка, допряганье, допряженье, допряг, допряжка, запряганье, запряженье, запряг, запряжка, перепряганье, перепряженье, перепряг, перепряжка, подпряганье, подпряженье,</i>	<i>выпряг; замузданай, ра(о)знузданный, зам(н)уздать, засупонить, захамутать, ра(о)сха(о)мутать, обратать, рознуздать, роспрягать, пидвэсты (11)</i>

	<p><i>подпряг, подпряжка, припряганье, припряженье, припряг, припряжка, распряганье, распряженье, распряг, распряжка, спряганье, спряжка, упряганье, упряженье, упряг, упряжка, взнуздыванье, взнузданье, взнуздка, обнуздыванье, обнузданье, обнуздка, разнуздыванье, разнузданье, разнуздка, обуздыванье, обузданье, обуздка, осёдлыванье, оседланье, пересёдлыванье, переседланье, откладыванье, отклад, откладка, перезакладка, пересупонка, рассупониванье, рассупонка, хомученье, хомутанье;</i></p> <p><i>впрягальный, распрягальный, запряжной, выпряжной, допряжной, распряжной, распряжковый, распряжечный;</i></p> <p><i>впрягать/впрячь, выпрягать/выпрячь, запрягать/запря(е)чь, упрягать/упрячи(ь), отпрягать/отпрячь, допрягать/допрячь, напрягать/напрячь, перепрягать/перепрячь, подпрягать/подпрячь, позапрягать/позапрячь, распрягать/распрягти (распрячь), пораспрягать/пораспрячь, спрягать/спрягти (спрячи(ь)), припрягать/припрячь, возжать, отвозжать, приваживать/привожать, взнуздывать/взнуздать, перевзнуздывать/перевзнуздать, повзнуздать, разнуздывать/разнуздать, зануздывать/зануздать, обнуздывать/обнуздать, обуздывать/обуздать, бротать/обротать, забротать, разбротать, мундштучить, килзать, закладывать/заложить, откладывать, перекладывать, кульбачить, обхумкать, образдить, супонить, засупонивать/засупонить, пересупонивать/пересупонить, осёдлывать/оседлать, подводить /подвести(ь), подваживать, пересёдлывать/переседлать, сбруня(и)ться, перевьючивать/перевьючить, переменять, придвоить, хомути(а)ть, расхомутать (120)</i></p>	
<p>Перемещение человека, грузов</p>	<p><i>приезжанье, приезд, переезд, ристанье, галопированье, галопировка, гарцованье, гарцовка, исскакание, наскакиванье, наскакание, наскоченье, наскок, наскочка, обскакиванье, обскакание, обскок, обскачка, ускакание, везенье, воженье, возка, отвоз, отвозка, отвоженье, отвезенье, спешиванье, спешенье;</i></p>	<p><i>скакать, стрыбать, нэсты, трогать; верхи(ы), подверху, охлюпкой, а(о)хлюпки(ы), гужом, охлопью (10)</i></p>

	<p>ездить, езжать, езживать, ехать, поехать, въезжать/въехать, выезжать/выехать, приезжать/приехать, витяжествовать, витяжничать, витязить, всадничать, вскакивать, рысачить, вырысить, прорысить, привалять, прогрунить, пригрунивать/пригрунить, ристать, примчаться, припуститься, поскакать, ускакать, прискакивать/прискакать, перескакивать/перескакать, обскакивать/обскакать, обскакнуть, исскакать, наскакивать/наскочить, наскокнуть, наскакать, наскакаться, обкатать, чухнуть, перечухнуть, понаездничать, притрушивать/притрусить, галопировать, гарцовать, гасать, дуть, кататься, трухать, трогать, палкать, возить, везти, важивать, взваживать, отваживать, переваживать, взвозить/взвезти, отвозить/отвезти, перевозить/перевезти, извозжать, опешиться, спешивать/спешить, казаковать; айдаком, верхом, верх(ш)и, вершки, вершином, верхами, вскачь, вскачку, вскаки, вскачки, вскок, гужем (99)</p>	
Управление конём	<p>дыбление, вздыбливание, вздыбление, вздыбь, вздыбка, настег, настержка, нуканье, хлестанье, хлёт, хлётка, подхлестывание, подхлестанье, подхлёт, подхлётка, понуканье, шпоренье, пришпоренье, пришпоривание, разганивание, разогнание, разгон, разгонка, всадничество, всадничание, бич, камча, канчук, карбач, кнут, кнутяга, но(а)гайка, плётка, плеть, погонялка, пуга, стрекалка, хлыст, хлыстка; править, дыбить, вздыбливать/вздыбить, всадничествовать, поодерживать, поудержать, приудерживать/приудержать, напыжить, окарачить, настёгивать/настег(б)ать, остёгивать/остегать, остегнуть, понастегать, хлестать/хлестнуть, хлестывать, нахлестывать/нахлестать, подхлестывать/подхлестать, подхлестнуть, похлестывать/похлестать, отпрукивать, поворотить, своротить, погонять/погнать (погонить), подганивать/подогнать, разгонять/разогнать, разганивать/разгонить, подгонять/подгонить, жикать/жикнуть, нукать, понукать/понукнуть, принукивать/принукать, разнукаться, припустить, шпорить,</p>	<p>арапник, бати(ы,о,я)г, бату(и)жок, батюра, плеть, плитка, витьень, плетюга, плетюган, жывэць, погонок, пуга, кнутовилка, кнутовина, стебал, чукмарь; ро(а)звертать, стё(е)бать, стебануть, (стеб(г)нуть), хли(ы)стать, хлыскать; пидстёбувать, шморгать, понять, погонять, нокнуть, ерыкнуть, цоко-цоко, но, тпру (30)</p>

	<i>пришпоривать/пришпорить, приосаживать/приосадить, приударить, чухать, нудить, хлобыснуть, стебать, ерыкнуть; ну, птру, тпру, птрусё (85)</i>	
Ограничение свободы животного	<i>стреноживанье, стреноженье, укрюченье; аркан, опутина, перенога, переножка, побочень, пута, путло, путлице, укрюк, прикол, треног; арканить/сарканить, наарканить, укрючить, батовать/забатовать, сбатовать, загонить, путать/спутать, распутать, пятнать/опятнать, приколить, прикодолить, сапить, треножить, стреноживать/стреножить; (28)</i>	<i>аркан, пута, спутлице, при(ы)кол, пуйны, попута, жежелъ, трыног; стрыножанай, спутанай, заарканить, спутать, распутать, стрыножыть батовать, притуживать/притужить (16)</i>
Обучение хождению под седлом и в упряжи	<i>выезживанье, выезжанье, выездка, наездка, объезжанье, приездка, набегиванье, набежка; манежить/наманежить, выманежить, проманежить, вышпорить, выезживать, понаездить, выезжать/выездить, наезжать/наездить, объезжать/объездить, приезжать/приездить, нарысить(19)</i>	—
Уход за лошадьми	<i>англизированье, англизировка, недочистка, пасенье, пастьба, паства, перековка, подкавыванье, подкованье, подков, подковка, подрезник, попаска, попас, попона, попонка, проезживанье, проезжанье, проездка, тавро, ясли, фураж, фуражированье, фуражировка, холенье, холя, кежь, кита, китка, сено, алафа, калда, ночное, объедья, легчение, тамга, догляд, дерть, подкова, комяга; англизовать, иставрить, отаврить, перетаврить, класть, ковать, отхолить, охолить, охорашивать/охорошить, пасты, перековывать/перековать, подка(о)вывать/подковать, перешерстить, повывести, поглаживать, подрезвить, понагонять/понагнать, попасать/попасти, пооткармливать, потаврить, поугонять, поуводить/поувести, холить/похолить, прокупать, проезживать (проезжать)/проездить, разводить, стабунивать/стабунить, фуражировать (фуражирить), холостить, напасать, выпасать; кось-кось (72)</i>	<i>абъедья, дерть, догляд, ваган, лыщитка, овэс, партало, пидкова, сино, тамга, комяга, тавро, цымбалына, (к)ухналь, ясли, ф(х)ураи, мешка, шанька, легчение, орлэный, звалять, кувать, отбивать, пасть(и,ы), разводить, справляться/справиться, тырловать; вз(ы)пасать, напасать, холостыть, вылаживать, тремить, кось-кось, сёк-сёк (34)</i>
Причинение лошади вреда	<i>заков, заковка, застёгиванье, застеганье, ископычиванье, ископыченье, надсаживанье, надсаждение, надсад(а), нартачка, умыканье; стомлять/стомить, поистомить, попритомить, истомлять/истомить, подтомлять/подтомить, притомлять/ притомить,</i>	<i>нудыть, хлабызнуть, ожалить, посадить (4)</i>

	<p><i>стамливать, притамливать, взмылить, загнать, заковать, запалить, застёгивать/застегать, застегнуть, заездить, уездить, скопытить, ископытывать/ископытить, надсаживать/надсадить, надсаж(жд)ать, ртачить, нартачить, обезвечить, обесхвостить, обживотить, позадёргать, позамаять, поперемотить, попримучить, потить/спотить, поспотить, употить, пачивать, припенить, сшачить, умаивать/умаять, умыкать, упетать, упёхтать, ожалить (51)</i></p>	
<p>Состязания, показательные выступления, выставки</p>	<p><i>скачка, ставка, гонитьба, заезд, наездничество, наездничанье, перескачка, ристанье, ристалище; заездной, ристательный; наездничать, скакаться (13)</i></p>	<p><i>притын (1)</i></p>
<p>Человек, по роду своей деятельности связанный с конём: а) всадник;</p>	<p><i>а) драгун, жокей, кавалерист, кавалергард, казак, казачина, корнет, амазонка, вершник, вершница, вершиний, вершень, аргамачник, батыр, верховик, верховой, грум, гусар, всадник, всадница, гарцователь, гарцун, гарцовщик, наездник (=всадник), наездник (=конный воин), наездница, повершиний, ездец, объездник, объездчик, пихра, ристатель, ристательница, ристала, скакатель, скакала, фаревник, ездовой, хорунжий, есаул, прапорицк, приказный, сотник, вахмистр, линейец, значковый, джигит, урядник, рубач, рубака, рубайла (51)</i></p>	<p><i>а) джыгит вэрховый, делибаш, казак, казац(ч)у(ю)ра, казарлюга, есаул, подъесаул, хорунжий, подхорунжий, вахмистр, прапорицк, приказный, уряднык, сотник, линейец, конвоец, значковый, джура, лезотный, отбычник, охотник (22)</i></p>
<p>б) множество всадников;</p>	<p><i>б) драгуньё, корпус, эскадрон (икадрон), полуэскадрон, гридь, гридьба, кавалерия, кавалькада, объезд, разъезд, казачина, сотня (12)</i></p>	<p><i>б) эскадрон, сотня, чорноморци, кубанцы, казара, дэйнэки, розвист, форштад (8)</i></p>
<p>в) человек, по роду своей работы или иначе связанный с конём</p>	<p><i>в) возница, возничий, возник, возатай, возчик, возильщик, выскребщик, выскребица, выездчик, вьючник, гайдук, гонец, гоняла, гужеед, англизовицк, аргамачник (=любитель аргамаков), аргамачник (=конский барышник), арчажник, боронщик, бороновицк, боронильщик, бороновальщик, борошила, бороноволок, ванька, водок, вожака, дужник, дышельник, живодёр, загоницк, загоница, заковицк, запрягальщик, запрягальщица, запрягала, извозник, извозчик, кагорицк, калыган, каретник,</i></p>	<p><i>в) ветеран(ветенар), дрогаль (1), дрогаль (2), живеиник, ездовой, завтехни(ы)к, садыльщик, скотарь, табунчик, ф(х)урицк, шабай, шворнык (шорник), кучир, пагонуш, пагоньщик, супрягач лымарь, объецик (объездчик), х(ф)урман (19) Всего: 49</i></p>

	<p>каретница, кнутобой, колесничий, кологрив, колымажник, колымажница, корпусник, крючник, кумысник, кумысница, кучер, лихач, мундштучник, наездник (=берейтор), обозный, обозничий, обозник, оглобельщик, осёдлыватель, оседлатель, перековщик, повозчик, повозник, погонщик, погонщица, подковыватель, подкователь, подковщик, правчий, правщик, приездчик, пролётчик, ездок, езжак, распрягатель, рысачник, сбруйщик, сбруйник, скаковой, спрягатель, спрягательница, стреме(я)нный, стремянник, табунщик, табунник, таратаечник, тележник, укрючник, фуражир, хомутник, хомутчик, чарвадар, шорник, шпорник, италмейстер, ямщик, ясельничий, фурищик (99) Всего: 162</p>	
Деятельность человека, связанная с конём	<p>гарманованье, гоньба, дужники, дужное, дужнина, живодёрня, живодёрство, извозн(ч)ичанье, извоз, кормёжка, обж(з)а, ямщина, ямщицанье, упруг; возникать, извозить, извозничать, живодёрить, живодёрничать, наизвозничать, наизвозничаться, обозничать, колосовать, гармановать, ямщицать, выямщици(а)ть, спрягаться (27)</p>	<p>ивайка, упрух, упрушка; дрогалевать, дрогали(ы)ть, шворнычать, гужывать, спригаца, хуравать, подгортать/подгорнуть, справлять/справи(ы)ть, казаковать (12)</p>
Относящийся к человеку, по роду своей деятельности связанному с конём, к такой деятельности	<p>всадников, всадницын, всадничий, всаднический, драгунов, драгунский, живодёров, живодёрский, живодёрный, запрягальщиков, извозничий, извозчиков, извозчичий, кавалерийский, казаков, казацкий, казачий, каретников, каретницын, корнетский, лихачёв, наездников, наездницын, наездничий, наезднический, италмейстерский, ямской (27)</p>	<p>казаческий, казацкий (2)</p>
Места содержания лошадей	<p>денник, жеребятник, жеребятня, подворье, стойло, манеж, ристалище, пастьба, паства, патолока, попасок, тебенёвка, павлище, перемена, станция, выгон, тырло, тырлице, толока, баз, базок (21)</p>	<p>баз, базок, базочек, выган, денник, пас, паша, попас, толока, тырлице, тырло, тырловка зимовных, стойло, тичок, выпаса, пастьба, клуня, кочёвка (19)</p>
Повозки, устройства, приводимые в движение лошадьми	<p>Запряг, запряжка, арба (араба), берлин, болк (болок), болк(х)овни, бри(ы)к, бричка (брыка), воз, возок, взовье, возило, волока, волокуша, волочень, волочня, волочок, двоеколка, двуколка, двуколёска, долгуша, долгушка, дроги, дрожки, дрябы, дряб(п)ка, дуга, экипаж, экипажка, извоз, извозня, кабриолет, кабриолетка, кабриолка, казалатка, карандас, карпета, кибитка, козырки, козырёчки, кичига,</p>	<p>бедарка, бедарочка, бедка, га(о)рба, козырики, каломажка, кошёвки, ма(о)жара, мажарка, развалки, сади(ы)лка (садивка), садка, сани, ход, ходок, брычка, вос, дроги, линейка, павоска, тачанка, хура; ка(о)ток, бердка, бестарка, грабар, ерондак,</p>

	<p>колёса, кола, колесница, колесни, колесеньки, колёска, колыжка, колымага, колымажка, коляска, кресла, кукуша, кукушка, лежанка, лемега, линейка, мажара (маджара), навозница, нетычанка, обоз, одер, одноколёска, одноколка, однопряжные (саночки), одр, одрик, осельня, парка, повозка, повозня, подвода, подводка, подрезни, подсанки, пошев, пошевни, пошвы, пошвальни, поезд, пролётка, простянка, розвальни, развалёнки, рошпанка, рыдван, сани, сбежки, сбежски, сбежечки, сиделка, ска(о)чки, сноповозка, соловьёвка, тапкана, таратайка, телега, трясучка, фаэтон, фура, шарабан, ездило, острамок, скородилка, дробина; борона, молотяга, самокат, чигирь, гарман, каток (111)</p>	<p>колымага, крылатка, мажа, острамок, утов, шар(л)абан, возилка, возяра, пукарь, скородилка, балас, бегучая, гонок, гроб, дробина, кургон, полозки, полуходик, рыдванка, таганка, тара, тароболы, тягалка, мажарейка (51)</p>
<p>Элементы сбруи, упряжи</p>	<p>упряжь, сбруя, закладка, снасть, аркалык, а(о)рчак, барок, бушмет, вобрытцы, возж(з)жа, возжанка, возилки, гуж, дуга, дышло, катаур, кизгины, кичим, клеци, крестцы, кульб(в)ака, ленчик, лямка, лямец, митюк, мундштук, наголовник, наглазники, нагрудник, налобник, намордник, напряжник, науз, наухник, нахра(о)пник, нашьльник, нашпорник, недоуздок, оброть, обротка, обувь, оглавль, оголовь, оголовонь, оглобля, оглобень, оглобелье, падры, паперс, папероть, пауздок, пахва, перегубник, переседельник, повод, повалец, подбрюшник, подбрюшница, подгубник, подживотник, подкоренка, подпруга, подседельник, подседёлок, подхомутень, подхомуток, подхомутник, подшейник, поперсье, поперсник, потник, пот(х)ва, потфёя, привозжек, припряжь, припряжка, пугло, пуглице, решма, савры, сап, седло, спинник, стремя, стремено, супонь(я), стрекала, узда, узденица, уздечка, уторока, хомут, хомутина, цуг, ча(е)прак, чембур, иллёвка, шлея, шоры, шпоры, щепя, кичка, торока, лука, лысина, посторонка, чересседельник, удило, башлык (109)</p>	<p>снасть, барка, барок, дышло, клеци, нарытник, обротька, оголовок, рыпица, вуздэчка, хомут, шори, юбка, гуж, дуга, качиток, лука, нарытник, пост(о,а)ронка, патник, патпруга, стремя, супонь, удила, шлия, арчак, чирьссидельник, лычина, лэнчик, митюк, нэдоуздок, нашьльны(и)к, оброн(т)ь, притька, тичка, торокы(и), уклук, чумбур, байлова, вильки, головка, кичка, накраннык, наспинтек, обводка, палица, поводыч, подгрудник, попружки, пристружки, струмы(е)на (струменты), уду(ы)шельник, щипа (53)</p>
<p>Продукты коневодства</p>	<p>волосяник, гривьё, жеребятина, кобылятина, кумыс, навоз, шкаповина, кирпич, кизяк, сыпок, гной (11)</p>	<p>багница, гной, гнояка, кизе(я)к/кызяк, кизячок, кизейка, ки(ы)рпыч щитына, сыпок, гов(м)но, доливка(11)</p>
<p>Военная экипировка конного казака и её элементы</p>	<p>нагайка, шашка, гурда, аксельбант, ланпас, бурка, башлык, ногавицы (8)</p>	<p>справа, справка (1), справка (2), докматы, прыча(и)ндады, чепеги, нагайка, рубач, сабель,</p>

		<i>табля, ш(с)ашка, гурда, кинджал (гинджал, г(ч)инжал), карбиж, ратыще, дзюба, пидсоха, черкеска, бекирка, газыри, аксильбант, паттисёмак, беשמэт, шаровары, ланпас, бурка, кубанка, галуны, тулмак, башылык, ноговыци, вершок, наложка, пряжка (34)</i>
Казачьи воинские регалии	–	<i>клейноты, бунчук, значок (3)</i>
Вспомогательные средства, которыми пользовались казаки-конники	<i>салы (1)</i>	<i>салы (1)</i>
Связанный с конём обряд	<i>постриг, постриженье (2)</i>	<i>постриг, пострижэнье (2)</i>
Всего ЛСВ	966	343

Лексическая представленность концепта ЛОШАДЬ / КОНЬ в словарях

Зоны ЛСП	Общерусский компонент ЛСП «лошадь» (Словарь Даля)	Региональный компонент ЛСП «конь» (Словари кубанских говоров)
Ядерная зона (лексемы <i>лошадь, конь</i> и их синонимы)	205 ЛСВ	53 ЛСВ
Приядерная зона (дериваты слов <i>лошадь / конь</i> , характеризующие коня или деятельность человека, связанную с конём)	101 ЛСВ	14 ЛСВ
Ближняя периферия (лексика, характеризующая свойства животного)	439 ЛСВ	93 ЛСВ
Дальняя периферия (лексика, характеризующая деятельность человека, связанную с лошадьми)	966 ЛСВ	343 ЛСВ
Итого	1711 ЛСВ	503 ЛСВ

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Итоговые таблицы по результатам Главы 2

Таблица 1.

Понятийные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского регионально-специфичного концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа материалов словарей и фразеологических единиц

Общерусский концепт ЛОШАДЬ (материалы словарей)	Кубанский регионально-специфичный концепт КОНЬ(материалы словарей)	Общерусский концепт ЛОШАДЬ (фразеология)	Кубанский регионально-специфичный концепт КОНЬ (фразеология)
<i>1. Рабочее животное</i>	<i>1. Боевое животное</i>	<i>1. Рабочее животное</i>	<i>1. Боевое животное</i>
2. Животное, способное к движению	<i>2. Рабочее животное</i>	2. Животное, способное к движению	2. Животное, способное к движению
3. Лошадь вообще	3. Лошадь вообще	3. Животное, требующее ухода	3. Рабочее животное
4. Животное, требующее ухода	4. Животное, способное к движению	4. Боевое животное	4. Лошадь вообще
5. Животное для верховой езды	5. Животное, требующее ухода	5. Лошадь вообще	5. Животное, требующее ухода
6. Боевое животное	6. Животное для верховой езды	6. Животное для верховой езды	6. Животное для верховой езды
7. Животное, являющееся частью своего/ чужого мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого <i>мужского</i> мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого <i>мужского</i> мира
8. Животное, которому человек может причинить вред	8. Животное, покорное/непокорное человеку	8. Животное, покорное/непокорное человеку	8. Животное, покорное/непокорное человеку
9. Животное, покорное/непокорное человеку	9. Домашнее животное	9. Животное, обладающее характером и темпераментом	9. Животное, обладающее/не обладающее интеллектом
10. Животное, годное/негодное к работе	10. Животное, которому человек может причинить вред	10. Животное, обладающее/не обладающее интеллектом	10. Животное, обладающее характером и темпераментом
11. Животное, обладающее характером и темпераментом	11. Животное, обладающее характером и темпераментом	11. Животное, которому человек может причинить вред	11. Животное, которому человек может причинить вред
12. Животное, предназначенное для спортивных соревнований	12. Животное, годное/негодное к работе	12. Домашнее животное	12. Домашнее животное
13. Домашнее животное	13. Животное, предназначенное для спортивных соревнований	13. Животное, годное/негодное к работе	13. Животное, годное/негодное к работе
14. Животное какой-либо породы	14. Животное какой-либо породы	14. Физически сильное животное	14. Животное, предназначенное для

			спортивных соревнований
15. Животное определенного пола	15. Животное определенного пола	15. Животное, испытывающее чувства, ощущения	15. Физически сильное животное
16. Дикое животное	16. Физически сильное животное		16. Животное, испытывающее чувства, ощущения
17. Физически сильное животное	17. Животное, обладающее интеллектом		17. Животное определенного пола
18. Животное, обладающее интеллектом	18. Животное, испытывающее чувства, ощущения		
19. Животное, испытывающее чувства, ощущения			
20. Мифологическое, сказочное животное			

Таблица 2

Образные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского регионально-специфичного концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа материалов словарей и фразеологических единиц

Перцептивные образные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ	Метафорические образные признаки	
	общерусского концепта ЛОШАДЬ	кубанского концепта КОНЬ
размер животного	конь – товарищ	конь – товарищ
особенности окраса	лошадь – крылья	конь – душа казака
части тела и особенности телосложения	лошадь – жернов	конь – кубанская кровь
возраст	лошадь – враг	конь – пес
движение		конь - черт
другие действия коня		
состояние		
поведение		
особые позы коня		
подковы		
элементы сбруи и упряжи		
транспортные средства, приводимые в движение лошадью		
звуки, издаваемые или производимые конем		

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Итоговые таблицы по результатам Главы 3

Таблица 1

Понятийные признаки кубанского фольклорного концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа материалов кубанских казачьих песен

1. Боевое животное
2. Животное, способное к движению
3. Животное, являющееся частью своего мужского мира
4. Лошадь вообще
5. Животное, требующее ухода
6. Мифологическое, сказочное животное
7. Животное для верховой езды
8. Рабочее животное
9. Животное, обладающее интеллектом
10. Животное, испытывающее чувства, ощущения
11. Домашнее животное
12. Животное, покорное/непокорное человеку
13. Животное, которому человек может причинить вред
14. Животное определенного пола

Таблица 2

Образные признаки кубанского фольклорного концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа материалов кубанских казачьих песен

Перцептивные образные признаки	Метафорические образные признаки
особенности окраса	конь – символ казака-воина
части тела и особенности телосложения	конь – символ казака-героя
возраст	конь – символ казака-жениха
движение	конь – товарищ казака
другие действия коня	конь – предсказатель беды или удачи
состояние	конь – хранитель казака
поведение	конь – вестник гибели казака
подковы	кони – символ богатства
элементы сбруи и упряжи	конь – брат казака
транспортные средства, приводимые в движение конем	конь – стрела
звуки, издаваемые или производимые конем	конь – розбышака
	конь – вихрь
	конь – облака
	кони – орлы
	конь – брат орла
	конь – отрада
	конь – пчелка